

21-й ВЕК

ЖУРНАЛ ФОНДА «НОРАВАНК»

4(12)

ЕРЕВАН

2009

21-й ВЕК

информационно-аналитический журнал

4 (12), 2009

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гагик Арутюнян (координатор)
Тигран Саркисян
Мушег Лалаян
Севак Саруханян
Сергей Гриняев
Спартак Сейранян

РЕДАКЦИЯ

Гагик Арутюнян (главный редактор)
Севак Саруханян (зам. гл. редактора)
Лилит Меликсетян
(ответственный редактор)
Лусине Баграмян
(ответственный секретарь)
Рубен Мелконян
Тигран Арутюнян
Эдуард Даниелян

EDITORIAL BOARD

Gagik Harutyunyan (Coordinator)
Tigran Sargsyan
Mushegh Lalayan
Sergey Grinyayev
Sevak Sarukhanyan
Spartak Seyranyan

EDITORSHIP

Gagik Harutyunyan (Editor-in-Chief)
Sevak Sarukhanyan (Deputy Editor-in-Chief)
Eduard Danielyan
Lilit Meliksetyan (Managing Editor)
Lusine Baghranyan (Executive Secretary)
Ruben Melkonyan
Tigran Harutyunyan

СОДЕРЖАНИЕ

Гагик Арутюнян

Идеология и информационная безопасность 3

Карен Карапетян

Интегральный показатель оценки
уровня энергетической безопасности
и его прогнозирование 10

Ваге Давтян

Россия-США-Иран и энергетическая
безопасность Армении 50

Сергей Гриняев

Закавказье в условиях глобального кризиса 59

Игорь Багриян

Кризис: жесткие рамки глобального и
национального уровней развития 73

Алек Эпштейн

Проблемы изучения нации и формирования
национальной науки в диаспоре 88

Артур Атанесян

Конфликт и терроризм как масс-медийные
события: критический анализ 108

Памятка автору 123

ИДЕОЛОГИЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Гагик Арутюнян

В статье показано, что вследствие нынешнего системного кризиса либеральные концепции теряют свои монопольные позиции. В свою очередь конкурентоспособность обществ и уровень национальной безопасности обуславливаются их способностью создать полиидеологическую систему, в которой пропорционально представлены универсальные и национально-консервативные идеологии. Согласно представленной точке зрения, национально-консервативную идеологию можно отождествить с понятием информационной безопасности данного общества. В этом контексте особую значимость должно обрести учреждение и сохранение критических инфраструктур идеологического характера.

Нынешний кризис порой представляется как следствие ошибок, допущенных исключительно в финансовой сфере. Однако такая упрощенная трактовка неубедительна, ведь экономические проблемы – всего лишь часть причинно-следственного комплекса. В частности, становление многополярного мира свидетельствует об окончании американской монополии не только в политической и экономической сферах. Обретшая тоталитарные тенденции либеральная идеология, на которую опирается система ценностей потребительского общества, сегодня так же теряет свои доминирующие позиции (*см., например, [1]*). Это значит, что изменения происходят прежде всего в общественном сознании и психологии, т.е. в идеологической сфере также устанавливаются новые, своеобразные – многополярные – подходы. Подобные концептуальные изменения отражаются на ранее общепринятых понятиях национальной безопасности и идеологии.

1. Формирование полиидеологии

Как известно, сегодня характерные для западного (особенно американского) общества постулаты либерализма и составляющие с ними единое целое формы хозяйствования уступают свои монопольные позиции. Частично об этом свидетельствует значительное усиление роли и вмешательства государства в вопросы

регулирования рынка, проявлением чего стала национализация крупнейших обанкротившихся корпораций, предоставление крупных государственных субсидий частным компаниям и т.д. Примечательно, что экономическое сообщество сегодня стало перечитывать казалось бы забытый «Капитал» Карла Маркса, который был переиздан в ряде стран беспрецедентно большими тиражами. Есть все основания утверждать, что логика нынешних развитий легитимизирует социалистические идеи в традиционно считающихся либеральными обществах.

Вместе с тем, создавшаяся ситуация отличается от того, что происходило в 90-ые годы прошлого века, когда идеологический кризис, как доминирующий фактор, привел к распаду советской системы. В те годы была предпринята попытка объявить «вне закона» социалистическо-коммунистические идеи, между тем как нынешние идеологические переоценки не предполагают забвения классиков либерализма. Сегодня для решения возникших проблем применяются любые идеолого-экономическая модели или методы, только бы они были эффективными. Иными словами, действует известный принцип: «Для решения проблем хороши все средства, кроме плохих».

В результате формируются полиидеологические общества [2], где в определенной пропорции функционируют как универсальные – социалистические и либеральные¹, так и национальные – цивилизационные и консервативные представления. Заметим также, что универсальные идеологии также пережили определенную эволюцию и утратили прежнюю однозначность, безапелляционность своих позиций² (что было особенно характерно, например, для тоталитарно-коммунистической или вульгарно-либеральной концепций). Вдобавок, с 90-х годов, в контексте так называемого постмодернизма, происходит своеобразное перекрещивание разных идеологий. Например, в Великобритании «неолейбористы» представляют «либерально-социалистическое» направление [3]. В администрации Джорджа Буша-младшего важную роль получили «неоконсерваторы», в идеологических истоках которых, по мнению некоторых исследователей, проступали «траксистские» подходы, и т.д. Как следствие, возрастает совместимость разных мировосприятий, формируется многокомпонентное, но стремящееся к некой общности идеологическое пространство. Подобный идеологический формат увеличивает и, главное, делает многосторонними концептуальные ресурсы данного общества, что позволяет наиболее адекватно реагировать на вызовы и во

¹ Несомненно, предполагается, что эти считающиеся универсальными направления включают в себя характерные для данного общества национально-цивилизационные особенности.

² Термину «идеология», введенному в европейскую традицию Антуаном Дестьютот дэ Трасси («Элементы идеологии», 1801), по сей день давались многочисленные, зачастую взаимодополняющие определения. Такая ситуация в условиях сложных и эволюционирующих понятий – естественно, и в этой статье, в зависимости от контекста, будут использоваться те или иные определения этого понятия.

благо использовать неблагоприятные ситуации. Очевидно, что общество, применяющее подобные технологии самоорганизации, существенно повышает свои возможности в геополитической, геоэкономической и других сферах.

2. Идеология и национальная безопасность

Попытаемся вкратце и схематично сравнить и оценить эффективность системы национальной безопасности (*НБ*) некоторых обществ, в зависимости от типа идеологической формации этих обществ.

Англо-американские технологии. В контексте вышесказанного наиболее эффективным, пожалуй, нужно считать опыт Великобритании, имплементированный также в остальных англоязычных странах. Обществам этих стран присуща идеологическая толерантность: носители консервативных (национально-консервативных) и лейбористских (социалистической направленности) идей разработали взаимодополняющие механизмы и совместно действуют на либеральном идеологическом поле (последнее, как известно, также близко англо-саксонскому менталитету). Этим фактором нужно обуславливать крупные стратегические достижения Британской империи¹ и тот факт, что за последние несколько сот лет эта цивилизация сумела сохранить свой статус мирового лидера.

Примечательно, что США, переняв политическую логику британцев, из-за своеобразия своего исторического развития проигнорировали важность политической силы левой ориентации. В результате крайняя культивация либерализма и потребительства в Соединенных Штатах привела к возникновению серьезных проблем, вследствие которых эта держава стала уступать свои позиции мирового лидера. Наличие идеологических упущений, кажется, понято американской элитой, и именно этим обуславливается легитимизация социалистических постулатов и возникновение механизмов общего сдерживания в американском обществе (*см., например, [4]*).

Континентальная Европа. Примечательно, что англо-американские идеологические тенденции существенно отличаются от реалий в европейских странах. В континентальной Европе традиционны развитые универсальные (либеральные и левые) направления (*см., например, [5]*), однако пока, по понятным причинам, отсутствуют общеевропейские национально-консервативные подходы. Более того: националистические партии европейских стран зачастую выступают против интеграционных проектов ЕС. Этим обусловлено, что ЕС, обладая практически тем же экономическим потенциалом, что и США, в плане военной мощи и геополитического влияния неадекватен этому своему потенциалу.

¹ Принято считать, что Соединенные Штаты – преемники и наследники Британской империи.

Реформы по Ден Сяопину. С идеологической точки зрения особого внимания заслуживает «китайское чудо». Всего лишь два десятилетия назад Китай находился под грузом многочисленных и разнообразных проблем. Такая же ситуация была в моноидеологическом СССР, который не сумел адекватно отреагировать на вызовы и распался. Ситуация в Китае резко изменилась в конце прошлого века, когда благодаря реформам Ден Сяопина сформировалось полиидеологическое поле, где действовали не только социалистические¹, но и национально-консервативные (конфуцианские) и либеральные концепты. Сегодня КНР обоснованно претендует на роль глобального лидера, а пример его стремительного усиления свидетельствует об эффективности идеологических технологий.

Идеологические революции в России. Наряду с носителями националистических и либеральных идей менталитету значительной части российского общества близки социалистические идеи (национально-идеологической основой последних принято считать традиционную структуру русской сельской общины). Известно, что в российской действительности идеологические противоречия привели к революциям (в 1917г. – социалистической, а в 1991г. – либеральной), со всеми вытекающими из этого отрицательными последствиями и искусственной доминацией какой-либо одной из точек зрения. В результате обладающая необходимыми предпосылками и амбициями на роль мирового лидера Россия в последнее столетие периодически оказывалась в трудных ситуациях. Исходя из этого, нынешние российские власти пытаются как-то совмещать разные идеологические течения. В любом случае следует констатировать, что неблагоприятная ситуация в идеологической сфере существенно повлияли на развитие российско-славянского мира.

Ислам и либерализм. Нынешняя общая ситуация в исламском мире в значительной степени обусловлена доминированием религиозного консерватизма в идеологической сфере. Примечательно, что те страны, которые сумели совместить религиозный традиционализм (который содержит в себе, в частности, и определенные представления о социальной справедливости) и либеральные, а также чисто национальные подходы, существенно улучшили свое положение в международном сообществе. Среди подобных государств, наряду с Мьянмой и Индонезией, особого внимания заслуживает Иран, где, кажется, удалось в

¹ Отметим, что основы социалистической идеологии в Китае сформировались не в 19-20 веках (как это произошло в Западной Европе и России), а уже в 5 в. до н.э. Основателем этого учения был философ и мыслитель Мо-цзи (см., например, [6]).

достаточной степени интегрировать радикальный ислам, иранские национально-цивилизационные традиции и элементы демократического либерализма. В результате Иран превратился в регионального лидера и выступает как одна из наиболее динамично и разносторонне развивающихся стран на международной арене. Заметим, что причиной недостаточной конкурентоспособности исламских стран иногда считают некоторый недостаток интеллектуальных ресурсов. Примечательно, что Иран с помощью ракеты собственного изготовления запустил в космос спутник, а в области нанотехнологий иранские ученые занимают 25 место в мире по цитируемости (Иран единственная исламская страна, занимающая позиции в этой области (см., например, [7])).

3. Национальная идеология и информационная безопасность

Из сказанного следует, что многокомпонентность идеологического поля предопределяет эффективность национальной стратегии общества. Не случайно, что, согласно современным обществоведческим представлениям, идеология определяется как «комплекс инструкций, обеспечивающий наиболее эффективный режим функционирования и взаимосвязанности процессов»¹. Эта содержащая в себе динамизм формулировка Вячеслава Янко определяет также и национальную безопасность. То есть, в современных условиях цели и задачи сформированной государством и обществом обобщенной идеологии и *НБ*, методы достижения этих целей и решения этих проблем фактически слиты воедино.

Как в сфере идеологии, так и в сфере *НБ* эффективность системы предполагает взаимосвязанность практически всех сфер человеческой жизнедеятельности. В этом контексте примечательно, что являющаяся важнейшим компонентом *НБ* информационная безопасность (*ИБ*), включающая в себя функции и процессы, протекающие в интеллектуальной и духовной сфере, непосредственно касается национально-консервативной идеологии, являющейся частью обобщенной идеологии общества.

Единство информационной безопасности и национально-консервативной идеологии. Согласно классической формулировке, охватывающая сферу интеллектуально-духовных процессов и представлений национально-консервативная идеология – это та система воззрений и национальных ценностей, в которой осмысливается и оценивается отношение людей друг к другу и к действительности. В свою очередь, идеологию можно считать реальным фактором только в том случае, когда она становится компонентом общественного сознания, а этого можно добиться только благодаря информационным технологиям (широко ин-

¹ Янко В.А., <http://yanko.lib.ru>

терперируя этот термин и не понимая под ним лишь примитивную пропаганду). Иными словами, национальная идеология, в случае осознания ее необходимости, должна выступать как приоритетный и основной компонент информационного поля. Отсюда следует, что основными задачами информационно-психологической (не технической) безопасности являются:

- Имплементация национально-консервативной идеологии на внутреннем информационном поле;
- Защита основных постулатов этой идеологии от внешних и внутренних искажений;
- Распространение во внешнем информационном пространстве идеологических концептов в контексте национальных интересов.

Таким образом, если обобщенная идеология общества и обобщенные постулаты *ИБ* совпадают, то национально-консервативный компонент идеологии в свою очередь непосредственно связан с вопросами *ИБ*, и функции этих двух понятий совпадают. То есть, эти понятия в совокупности можно определить как комплекс инструкций, обеспечивающий наиболее эффективный режим и взаимосвязь информационных процессов (при широком толковании этого термина).

Наличие «критических инфраструктур» в контентном сегменте ИБ и необходимость их защиты. В некоторых передовых государствах (особенно – в Соединенных Штатах) первоочередной задачей технического сегмента информационной сферы считается обеспечение безопасности информационных систем так называемых критических инфраструктур: управленческих, коммуникационно-информационных, энерго- и водоснабжения, полицейско-спасательных, финансовых и других систем. Думается, подобные «критические инфраструктуры» характерны и очень важны также для контентного, то есть национально-консервативного сегмента идеологии: не случайно американские эксперты считают основной задачей *ИБ* защиту национальных ценностей. На практике это означает, что в национальной системе ценностей должны быть отобраны и сделаны предметом особой защиты те постулаты, искажение которых может привести к национальной деморализации и коллапсу.

Одновременно из всего сказанного следует, что формирование полноценной системы *ИБ* невозможно без наличия соответствующих идеологических постулатов. Однако это не значит, что формирование системы *ИБ* должно осуществляться только после уточнения этих постулатов. Как отмечалось выше, информационная безопасность фактически отождествляется с национально-

консервативной идеологией и концептуальные разработки *ИБ* должны способствовать формированию комплексных идеологических подходов. В частности, из концептов той же *ИБ* нужно определить и отделить постулаты, имеющие критически важное значение.

Июль, 2009г.

Источники и литература

1. Вахинский О. Homo economicus должен умереть, *Эксперт*, #17-18, с. 56, 2009.
2. Гагик Тер-Арутюнян, <http://www.noravank.am/ru/?page=analitics&nid=1852>
3. Громыко А. Конец идеологии или контуры новой «большой идеи»? http://www.ierras.ru/gromyko_ar5.htm; Громыко А. «Третий путь» – что дальше? *Современная Европа*, выпуск 2, 2006, с. 62; Носов М.Г. Глобальные аспекты трансатлантических отношений, *Современная Европа*, выпуск 2, 2006, с. 31.
4. Фримен Ч. Быть скромнее, *Россия в глобальной политике*, т.7, #2, с. 60, 2009.
5. Кагарлицкий Б. Политология революции, Москва, Алгоритм, 2007.
6. Титаренко М.П. Древнекитайский философ Мо-Ди, его школа и учение. Изд-во «Наука», М., 1985.
7. Шварц Е. Иранский парадокс. Станет ли Исламская Республика сильным игроком XXI века? *Политический класс*, #52, 2009.

IDEOLOGY AND INFORMATION SECURITY

Gagik Harutyunyan

Resume

The comparative analysis shows that those societies – presenting different civilizations – are the most competitive which have the resources to form polyideological systems in which both universal (liberal and socialist) and national-conservative concepts are presented. It seems that such a polyideological system in its content coincides with the concept of the national security (NS). At the same time one of the most important constituent parts of the NS – the content segment of the information security (IS), its essence is adequate to the national-conservative ideas of the given society. This circumstance shows that it is necessary to distinguish in the system of the IS those “critical infrastructures” which determine the security of the system in toto.

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕГО ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

*Карен Карапетян**

Энергетическая безопасность – многостороннее, сложное и многослойное понятие. Чтобы понять, как следует управлять процессом обеспечения энергетической безопасности, необходимо сначала попытаться оценить ее, что в свою очередь также сложный и неоднозначный процесс. Формирование последних и разработка и применение на их основе соответствующих действий и мероприятий, прежде всего, сталкиваются с рядом методологических трудностей. Проблема в том, что хотя сегодня разные организации и авторитетные международные структуры оценивают и используют разные показатели энергетических ресурсов и их системы (относящиеся к производству энергии, ее потреблению, эффективности и т.д.), однако они не коррелируют или не связываются с понятием энергетической безопасности. Или же связь между добычей и потреблением энергетических ресурсов и энергетической безопасностью слаба.

Мы ставили основной целью своей работы обсуждение ряда методологических подходов и документации методического характера, относящихся к проблеме оценки уровня энергетической безопасности, а также рассмотрение принципов ее оценки; определение уровня энергетической безопасности Республики Армения, других стран региона при помощи сводного (интегрального) показателя, анализ этого показателя, а также прогнозирование сводного (интегрального) показателя энергетической безопасности на период до 2020г.

Исследование и прогнозы базируются на анализе ряда существующих в энергетическом секторе и рассчитываемых международными организациями показателей, а также выбранной нами методики.

1. Основные современные методы оценки экономических явлений

Вопрос оценки экономических явлений находится в центре внимания самых разных специалистов, в первую очередь – экономистов. Наряду со все более усложняющимися экономическими явлениями становится труднее и решение

*Председатель правления - Генеральный директор ЗАО «АрмРосгазпром», к.э.н.

этого вопроса, поскольку в ходе развития выявляются новые факторы, влияющие на то или иное явление и уже тем самым затрудняя оценку самого явления. Из сказанного также следует, что необходимо выявить эти основные факторы, выделить из десятков и сотен влияний на явление те основные, которые существенны для исследуемого явления. То есть, при решении подобных проблем необходимо иметь четкий ответ на три вопроса:

1. что мы хотим измерить и оценить?
2. какие факторы влияют на это явление?
3. как мы будем оценивать (объяснять) связь между данным явлением и влияющими на него факторами?

Последнее дает возможность правильно сформировать механизм урегулирования и управления данным процессом, а затем и для его реализации.

Пожалуй, уместно упомянуть слова великого русского ученого Д. Менделеева о том, что наука начинается там, где начинаются измерения. Поэтому не случайно, что особенно за последние 10-15 лет международное сообщество использует параметры или индикаторы, широко распространенные и в настоящее время широко применяемые индексы, например таких явлений, как свобода, инновационность, конкурентоспособность, коррупция, экономическая безопасность, деловая активность и т.д., которые, по сути, выступают в качестве значений по оценке их состояния и уровня.

Стремясь подвергнуть количественному измерению уровень энергетической безопасности какого-либо государства, региона или группы стран, нужно иметь в виду, что международными организациями (в частности, Всемирным банком, Международным энергетическим агентством, ЕБРР и т.п.) уровень энергетической безопасности (его можно обозначить и как индекс) пока не рассчитывается. Мы убеждены, что на фоне обостряющейся проблемы энергетической безопасности в мире оценка ее уровня для какого-либо государства, региона и всего мира – лишь вопрос времени, и несомненно, что подобные индикаторы и рейтинги будут разработаны, тем более что энергетический фактор уже стал определяющим условием и предпосылкой развития и инвестиций.

В настоящее время отдельные организации используют для оценки ситуации в энергетике разные индикаторы или систему индикаторов, каждая осуществляющая подобное исследование организация сама выбирает группу параметров. Отметим также, что подобные исследования не нацелены на определение или оценку уровня энергетической безопасности. Используемые параметры лишь дают представление о том или ином аспекте рассматриваемого явления,

на основе чего трудно составить целостное представление об общей картине явления и вынести на его основании нацеленное на перспективу решение. Так, ЕБРР широко использует параметр тарифа на предоставляемую населению электроэнергию, среднего показателя сбора платы с населения, величину ВВП, полученную с каждой единицы потребляемой энергии, специально рассчитываемый ЕБРР индекс реформ в сфере электроэнергетики и развития инфраструктур, величину, характеризующую степень независимости регуляторов энергетической сферы, а также долю расходов на энергию и воду в совокупных расходах домашних хозяйств [1, pp. 94-202]. Из сказанного следует, что ЕБРР используют весьма немного относящиеся к энергетической сфере параметры, которые не отражают реального положения вещей в этой инфраструктуре. Если же учесть, что у отдельных параметров разные, зачастую противоположные направления развития, то общая картина станет более предметной.

Всемирный банк также использует систему касающихся энергетики параметров [2]. Они делятся на три группы:

1. характеризующие производство и потребление энергии,
2. характеризующие источники получения энергии,
3. характеризующие эффективность.

Первую группу составляют следующие показатели:

1.1. Производство энергии, рассчитываемое в эквивалентной нефти тысяче метрических тонн и включающее в себя все приоритетные источники энергии: нефть, природный газ, виды твердого топлива (уголь, лигниты и другое добываемое топливо) и сжигаемое восстанавливаемое топливо и отходы, а также произведенную первичную (исходную) электроэнергию.

1.2. Показатель потребления энергии касается только потребления первичной (исходной) энергии – до ее переработки в предназначенное для итогового потребления другое топливо. Этот показатель равен местному (национальному) производству – плюс импортируемое топливо и объемы складированного топлива и минус объемы экспортированного топлива и топливо, поставляемое судам и самолетам, осуществляющим международные транспортировки. Для обеспечения сопоставимости этот показатель также рассчитывается в эквивалентной нефти тысяче метрических тонн.

1.3. Потребление энергии в расчете на душу населения. Рассчитывается в эквивалентных нефти килограммах.

1.4. В показателе «сжигаемое, восстанавливаемое топливо и отходы» объе-

динены показатели потребления твердой биомассы, жидкой биомассы, биогаза, промышленных отходов и отходов, возникающих вследствие работы городского хозяйства. Он рассчитывается как процент в общем потреблении энергии.

1.5. Показатель импорта чистой энергии рассчитывается как рассчитанное эквивалентно нефти производство энергии, вычтенное из объема использованной энергии. Этот показатель рассчитывается в процентном соотношении к использованной энергии. На мировом уровне отклонение чистого экспорта от нуля является результатом статистических ошибок и изменений в запасах и хранилищах.

Параметры второй группы, как уже отмечалось, представляют источники получения электроэнергии и включают в себя:

2.1. Производство электроэнергии (млрд кВт/ч), охватывающее совокупность электроэнергии, произведенной на всех типах станций. Помимо электроэнергии, вырабатываемой на станциях, работающих на угле, нефти, газе, атомном топливе, и гидроэлектростанциях, сюда входит также электроэнергия, производимая на геотермальных, соляных, ветряных и волновых станциях, а также электроэнергия, получаемая от потребления возобновляемого топлива и отходов. В объемах производства рассчитаны как станции, предназначенные исключительно для производства электроэнергии, так и производство теплоэлектростанций. Говоря «источник электроэнергии», мы понимаем все те используемые мощности, сырьевые материалы, которые используются для получения электроэнергии: уголь, газ, нефть, гидро- и атомный потенциал.

2.2. Показатель производимой на ГЭС электроэнергии представляет электроэнергию, производимую на всех гидроэлектростанциях и рассчитывается в процентах от общего производства электроэнергии.

2.3. Показатель электроэнергии, производимой при потреблении угля, включает в себя электроэнергию, производимую с использованием всех видов угля (уголь, каменный уголь, лигниты, другое ископаемое топливо, кокс) и торфа; рассчитывается в процентах от общего производства электроэнергии.

2.4. Показатель электроэнергии, производимой с использованием нефти, включает электроэнергию, производимую с использованием как необработанной, так и переработанной нефти; рассчитывается в процентах от общего производства электроэнергии.

2.5. Показатель электроэнергии, производимой с использованием газа, охватывает электроэнергию, производимую с использованием природного газа; рассчитывается в процентах от общего производства электроэнергии. Этот показатель не относится к сжиженному газу.

2.6. Показатель атомной энергии относится к электроэнергии, производимой на атомных станциях. Он тоже рассчитывается в процентах от общего производства электроэнергии.

Третья группа показателей включает в себя:

3.1. Доля ВВП, выпадающая на единицу использованной энергии, - это рассчитанный эквивалентно покупательной способности ВВП за использованную энергию, эквивалентную килограмму нефти. Внутренний валовой продукт перерасчитан в 2000г. по курсу международного доллара – с использованием ставок эквивалента покупательской способности. Покупательская способность международного доллара по этому показателю совпадает с американским долларом в США.

3.2. Потребление электроэнергии рассчитывается как произведенная на электростанциях и теплоэлектростанциях электроэнергия с вычетом потерь в ходе транспортировки, распределения и преобразования электроэнергии, а также электроэнергии, израсходованной на генерирующих станциях. Исчисляется в расчете на душу населения, кВт/ч.

3.3. Потери при транспортировке и распределении – потери (включая волеуемую электроэнергию), имеющие место между источниками поставки и пунктами распределения (в том числе населением). Этот показатель рассчитывается как процент в соотношении с произведенной электроэнергией.

Отсюда следует, что мы хотим свести воедино уже получившие широкое распределение параметры этих трех групп и на основе этого получить величину энергетической безопасности.

Считаем нужным также отметить, что нами была разработана и распространена среди соответствующих экспертов (как в республике, так и за ее пределами) анкета, в основу составления которой были заложены следующие подходы:

а) В I–IV разделы вошли параметры и классификация, используемая Всемирным банком,

б) В V раздел включены параметры и классификация, используемая ЕБРР.

Если, по мнению экспертов, включенных в пункты а) и б) вышеупомянутых показателей не хватало для характеристики уровня энергетической безопасности страны, они могли предложить в анкете и рассчитать новый раздел показателей, который должен был охарактеризовать общий энергетический потенциал страны (такой раздел был предложен нами и охватывал 12 показателей). Экспертам предоставлялась возможность предложить новые, дополнительные показатели, которые отсутствовали в предыдущих разделах.

Хотя анкета раздавалась соответствующим экспертам (100 человек), одна-

ко они отказались ее заполнить ввиду ее сложности и отсутствия информации о соответствующих показателях.

Обобщая имеющиеся сегодня подходы, мы можем классифицировать их по следующим группам:

а) используется узкая или широкая система показателей, без расчета интегрального (или обобщающего) показателя,

б) используется узкая или широкая система показателей, без расчета интегрального показателя, но один из этих показателей принимается как интегральный, обобщающий,

в) используется узкая или широкая система показателей и на их основе рассчитывается новый, наиболее целостный интегральный показатель или показатели.

Формирование показателя/-лей энергетической безопасности может осуществляться тремя путями:

а) на основе сформировавшихся на практике и рассчитываемых статистических данных,

б) на основе сформированных и рассчитываемых экспертами данных,

в) на основе смешанной информации, когда наряду со статистическими данными используются предлагаемые и рассчитываемые экспертами параметры.

У каждого из этих методов есть свои положительные и отрицательные стороны. Так, особенно при использовании статистических данных, зачастую эти данные, с точки зрения обеспечения статистического сопоставления, имеют длительный период использования, они вовсе не предназначены для расчета безопасности или слабо связаны с исследуемым явлением. При использовании формируемых и рассчитываемых экспертами параметров возникает проблема числа этих показателей и их субъективной оценки, что делает рассчитанные на основе этих показателей значения очень уж подозрительными, и, кроме того, разные оценки предлагаемых факторов делают неограниченным и несопоставимым весь подход в целом. Помимо этого, возникает вопрос о том, как должны соотноситься статистические данные и цифры выдвигаемых экспертами показателей (сегодня при расчете разных значений наиболее принят и распространен принцип 50/50, что также не дает полноценного ответа на вопрос «почему?»).

Мы считаем, что выходом из создавшейся ситуации является формирование интегрального показателя при помощи действующих статистических и большего числа оценочных параметров. На данный момент такое решение проблемы имеет по сравнению с остальными то преимущество, что тем самым обеспечивается сопоставимость показателей разных стран, что является основным требованием к расчету и применению обобщенного (интегрального) показателя.

2. Оценка уровня энергетической безопасности для разных групп стран

Резкие колебания цен на энергоносители на международных рынках, диверсифицированность энергетических систем стран экспортеров и импортеров энергоносителей, зависимость от того или иного энергоносителя при производстве электроэнергии делают приоритетной оценку уровня энергетической безопасности при помощи одного показателя. Оценка уровня энергетической безопасности при помощи одного сводного (интегрального) показателя и его анализ позволят ответить на ряд важных вопросов: можно ли считать богатые энергоресурсами страны безопасными в энергетическом плане, особенно в перспективе долгосрочного развития? каковы компоненты энергетической безопасности? какова динамика их изменений в течение длительного периода времени? каковы проявления и своеобразие энергетической безопасности в отдельных блоках стран, в том числе региональных? что нужно сделать в ближайшее время, чтобы повысить уровень энергетической безопасности и каковы наиболее эффективные пути достижения этого уровня?

Оценка и анализ уровня энергетической безопасности позволит также каждому государству всесторонне оценить и выявить те основные факторы и их влияния, которые обуславливают энергетическую безопасность данного государства или региональной единицы.

Мы рассчитали уровень энергетической безопасности (УЭБ) для 124 стран мира, исходя из 14 основных параметров [2, pp. 156-162]. Это следующие параметры: 1) ВВП, выпадающий на единицу использованной энергии, 2) потребление электроэнергии в расчете на душу населения, 3) потери при транспортировке и распределении электроэнергии, 4) общее производство энергии, 5) общее потребление энергии, 6) сжигаемое, восстанавливаемое топливо и отходы, 7) использование энергии в расчете на душу населения, 8) импорт чистой энергии, 9) производство электроэнергии, 10) производимая ГЭС электроэнергия, 11) производимая из угля электроэнергия, 12) производимая из нефти электроэнергия, 13) производимая из газа электроэнергия и 14) электроэнергия, производимая АЭС.

Среди вышеперечисленных факторов отсутствует показатель, характеризующий степень диверсифицированности источников импорта энергоносителей, что, думается, является одной из основных мишеней нынешних мировых разработок, и учет этого фактора также имеет большое значение для характеристики уровня энергетической безопасности и независимости страны. В доступных источниках информации, однако, отсутствует этот показатель, рассчитанный для всех стран мира.

Метод расчета основан на выявлении линейного тренда. Для каждого фактора методом минимальных квадратов был рассчитан линейный тренд [3, с. 792-825; 4, с. 59-75; 5, р. 260-275]. В качестве первого шага для всех 14 рассматриваемых показателей была рассчитана регрессивная модель – методом наименьших квадратов. При помощи метода наименьших квадратов решается задача оптимизации – получить такие значения независимых и зависимых переменных, рассчитываемые посредством которых количественные показатели факторов не будут сильно отклоняться от фактических показателей. Иными словами, полученные с помощью этого метода значения – статистически значимые значения, чьи стандартные отклонения малы, а вероятностные распределения – пропорциональны. Полученные таким образом показатели считаются эффективными для выборки данных показателей, так как исключают резкие колебания между ними, другим словами – сглаживают фактические показатели, оставаясь в стороне от существующих между показателями ложных и статистически незначимых связей, существенно влияющих на значения показателей.

Модель имеет следующий вид: $Y = A(X + B)$, где

X – данный каждой стране код (1, 2, 3 ... 124),

Y – соответствующий каждой стране показатель,

A – зависимая переменная,

B – независимая переменная.

В результате расчетов получается расчетные эффективные показатели. Сравнивая расчетные и фактические значения, для каждого фактора дается весовой коэффициент 0 или 1. То есть, если $Y_{\phi} > Y_p$, то k_i получает значение 1, а в противном случае – 0, где Y_{ϕ} – фактическое значение рассматриваемого фактора, а Y_p – расчетное значение, k_i – весовой коэффициент, соответствующий i-ному коду страны.

Произведя соответствующие расчеты для каждого из вышеуказанных 14 факторов, мы получаем весовые коэффициенты для каждой страны. УЭБ для каждой страны рассчитывается исходя из ее весовых коэффициентов. Формула имеет следующий вид:

$$\text{УЭБ} = \frac{\sum_{i=1}^n K_i}{n},$$

где K_i – рассчитанные для данного государства весовые коэффициенты для каждого из 14 факторов,

n – число факторов, в нашем случае равное 14.

Максимальное значение УЭБ – 1. Это тот случай, когда вес каждого из 14 факторов равен единице, а минимальное значение – 0. Это в идеальном случае. Однако в наших расчетах УЭБ для разных стран мира максимальное значение равняется 0,642857143, так что мы для анализа установили следующие пределы безопасности: страна считается безопасной в энергетическом плане, если УЭБ находится в пределах 0,5-0,75, средний уровень безопасности обеспечивается в случае, если этот коэффициент в пределах 0,25-0,5. Выбор таких пределов позволяет также обеспечить максимальную гибкость.

С помощью вышеотмеченного метода можно выявить результаты, находящиеся выше расчетной результативной кривой и на основе этого оценить УЭБ. Другими словами, УЭБ включает в себя значения, находящиеся выше минимального показателя эффективности или неэффективности.

124 страны мира сгруппированы нами по уровню энергетической безопасности. Причем энергетически безопасные страны (первая группа) входят в пределы 0,5-0,75, страны со средним УЭБ (вторая группа) – в пределы 0,25-0,5, а страны опасной зоны (третья группа) – в пределы 0,01-0,25. Согласно проведенному исследованию, в первую группу входит 21 страна, при этом у 7 из них величина УЭБ составляет 0,583333333, а у 14 – 0,5, средняя величина УЭБ в группе – 0,527777778¹. Во вторую группу вошли 84 государства, при этом у 23 государств коэффициент УЭБ равен 0,416666667, у 35 – 0,333333333, у 26 государств – 0,25, средняя величина УЭБ в группе – 0,330357143. В третью группу включены 19 стран, при этом у 16 из них коэффициент УЭБ составляет 0,166666667, у 3 – 0,083333333, а в среднем по группе – 0,153508772. По состоянию на 1990г. безопасной с точки зрения УЭБ была 21 страна: Бразилия, Франция, Индия, Италия, Япония, Испания, Соединенное Королевство, Аргентина, Австралия, Бельгия, Канада, Китай, Хорватия, Германия, Израиль, Республика Корея, Мексика, Польша, ЮАР, Украина и США, что составляет лишь 17% от числа рассматриваемых нами стран. В указанный период средняя величина УЭБ для 124 стран мира составляла 0,34, что означает, что в энергетическом плане мир обладает средним уровнем безопасности.

Мы рассчитали также величины УЭБ для 124 стран в 2005г. Безопасная группа включила в себя 12 стран, при этом у одной из них УЭБ равен 0,642857143, у 4 – 0,571428571, у 7 – 0,5, а в среднем по группе – 0,535714286. Во вторую группу вошло 75 государств, при этом у 40 из них УЭБ составляет 0,214285714, у 8 – 0,142857143, у 1 – 0,071428571, в среднем по группе – 0,194980695. Из расчетных данных за 2005г. видно, что самыми безопасными в

¹ Эти и последующие расчеты осуществлялись автором с помощью программного пакета *Eviews*, на основе данных *World Development Indicators 2008*, *World Bank*, с. 156-162.

плане УЭБ были 12 стран: Соединенное Королевство, Бразилия, Франция, Германия, США, Аргентина, Индия, Италия, Япония, Южная Корея, Мексика и Саудовская Аравия, что составляет всего 9,67% от общего числа рассматриваемых стран. Очевидно, что за 15 лет среди 124 стран мира удельный вес безопасных в энергетическом аспекте государств уменьшился на 57,1%. Уменьшился и УЭБ этих 124 стран, составив в 2005г. 0,31. Согласно этому показателю мир все еще обладает средним уровнем энергетической безопасности. Однако нужно отметить, что как в 1990г., так и в 2005г. среди 124 рассматриваемых стран наивысший уровень УЭБ был у Соединенного Королевства – 0,64, а наименьший уровень безопасности в 2005г. был у Узбекистана – 0,07. Кстати, в 1990г. Республика Армения с 0,25 балла делила среди 124 стран 80-105 места, а в 2005г. с 0,2857 балла уже занимала 53-55 места. Из этих данных очевидно, что энергетическая безопасность республики существенно повысилась не только в регионе, но и на фоне энергетической безопасности других стран мира.

Для выявления общих закономерностей и вынесения заключений по рассматриваемому вопросу составим *Таблицу 1*.

Из данных *Таблицы 1* следует, что за 1990-2005гг. УЭБ 124 стран мира в 2005г. по сравнению с 1990г. снизился на 6,8% и составил 92,3%, т.е. энергетическая безопасность мира ухудшилась – в среднем на 0,5% в год. Причем, если в 1990г. в группе безопасных стран была 21 страна (17,0% от условного количества стран мира), то в группе средней безопасности было 84 страны (67,7% от общего числа стран), а в опасной группе было 19 стран (15,3%). Эти показатели в 2005г. составили соответственно 12 (9,7%), 75 (60,5%) и 37 (29,8%). Очевидно, что в 2005г. по сравнению с 1990г. показатели УЭБ в большинстве государств ухудшились. То есть, уменьшилось не только количество безопасных государств (с 21 до 12), но и число стран со средним уровнем безопасности (с 84 до 75) и увеличилось число стран, входящих в группу риска (с 19 до 37).

В *Таблицах 2 и 3* приведены показатели 10 самых энергетически безопасных и 10 самых опасных стран за 1990 и 2005гг. Если сравним список самых безопасных стран за 1990г. со списком 2005г., то мы увидим, что как в 1990г., так и в 2005г. наиболее энергетически безопасными странами были Бразилия, Франция, Италия, Япония, Соединенное Королевство и Аргентина. Испанию, Австралию и Бельгию в лучшей десятке за 2005г. заменили Германия, США и Республика Корея. Из списка самых опасных в плане УЭБ стран за 1990г. в аналогичный список за 2005г. «переместились» 4 страны: Сербия Черногория, Туркменистан, Узбекистан и Малайзия. Примечательно, что в 2005г. в списке 10 самых опасных стран оказались такие богатые нефтью и газом страны, как Азербайджан и Ирак.

Таблица 1

Динамика УЭБ по отдельным группам и подгруппам стран за 1990-2005 гг.*

N	Группы стран	1990		2003		2004		2005	
		Число стран, в % по отношению к общему числу	Величина УЭБ	Число стран, в % по отношению к общему числу	Величина УЭБ	Число стран, в % по отношению к общему числу	Величина УЭБ	Число стран, в % по отношению к общему числу	Величина УЭБ
1	Безопасные страны, в том числе по подгруппам	21 / 17,0	0,527	14 / 11,5	0,541	12 / 9,7	0,546	12 / 9,7	0,536
	I	7 / 5,7	0,583	2 / 1,6	0,643	1 / 0,8	0,643	1 / 0,8	0,643
	II	14 / 11,3	0,5	4 / 3,3	0,571	5 / 4,0	0,571	4 / 3,2	0,571
	III	-	-	8 / 6,6	0,5	6 / 4,8	0,5	7 / 5,6	0,5
2	Страны со средним уровнем безопасности, в том числе по подгруппам	84 / 67,7	0,330	69 / 56,6	0,342	72 / 58,0	0,342	75 / 60,5	0,337
	I	23 / 18,5	0,416	16 / 13,1	0,428	13 / 10,5	0,428	40 / 32,3	0,357
	II	35 / 28,2	0,333	22 / 18,0	0,357	27 / 21,8	0,357	35 / 28,2	0,286
	III	26 / 21,0	0,25	31 / 25,4	0,286	32 / 25,8	0,286	-	-
3	Страны опасной группы, в том числе по подгруппам	19 / 15,3	0,153	39 / 32,0	0,181	40 / 32,3	0,193	37 / 29,8	0,195
	I	16 / 12,9	0,166	27 / 22,1	0,214	30 / 24,2	0,214	28 / 22,6	0,214
	II	3 / 2,4	0,083	11 / 9,0	0,149	8 / 6,5	0,143	8 / 6,4	0,143
	III	-	-	1 / 0,8	0,071	2 / 1,6	0,071	1 / 0,8	0,071
	Соотношение «безопасной» группы с «опасной», в ... раз	-	3,438	-	2,985	-	2,809	-	2,747
	В среднем по миру	124 / 100,0	0,337	122 / 100,0	0,311	124 / 100,0	0,311	124 / 100,0	0,314

*Таблица рассчитана на основе данных World Development Indicators 2006, World Development Indicators 2007 и World Development Indicators 2008.

Таблица 2

10 самых энергетически безопасных стран мира в 1990 и 2005гг.

Место страны	1990г.		2005г.	
	Страна	УЭБ	Страна	УЭБ
1	Бразилия	0.583	Соединенное Королевство	0.643
2	Франция	0.583	Бразилия	0.571
3	Индия	0.583	Франция	0.571
4	Италия	0.583	Германия	0.571
5	Япония	0.583	Соединенные Штаты	0.571
6	Испания	0.583	Аргентина	0.5
7	Соединенное Королевство	0.583	Индия	0.5
8	Аргентина	0.5	Италия	0.5
9	Австралия	0.5	Япония	0.5
10	Бельгия	0.5	Республика Корея	0.5

Таблица 3

Самые энергетически опасные страны мира в 1990 и 2005гг.

Место страны	1990г.		2005г.	
	Страна	УЭБ	Страна	УЭБ
1	Оман	0.167	Замбия	0.214
2	Сербия и Черногория	0.167	Алжир	0.143
3	Таджикистан	0.167	Азербайджан	0.143
4	Тринидад и Тобаго	0.167	Ирак	0.143
5	Туркменистан	0.167	Ямайка	0.143
6	Узбекистан	0.167	Малайзия	0.143
7	Венесуэла	0.167	Сербия и Черногория	0.143
8	Малайзия	0.083	Таиланд	0.143
9	Сирия	0.083	Туркменистан	0.143
10	Йемен	0.083	Узбекистан	0.071

В *Таблицах 4 и 5* представлены величины факторов, влияющих на УЭБ 10 самых энергетически безопасных и 10 самых энергетически опасных стран, в 1990 и 2005гг. Так, если в 1990г. на УЭБ Бразилии (занимающей в списке первое место) положительно повлияли 7 факторов (данные по двум факторам отсутствовали), то в 2005г. на УЭБ этой страны (занявшей уже третье 3 место) положительно повлияли 8 факторов. Посредством приведенных в *Таблицах 4 и 5* данных можно выяснить, как формируется УЭБ в той или иной стране под влиянием 14 факторов.

Таблица 4
Величины значений факторов, влияющих на УЭБ 10 самых энергетически безопасных и 10 самых энергетически опасных стран в 1990г.

Страна	Выпадающий на долю единицы использованной энергии ВВП, рассчитанный в долларах США по курсу 2000г., с учетом PPP (кг, эквивалентно нефти)	Потребление электроэнергии в расчете на душу населения, кВт/ч	Потери при транспортировке и распределении, % в соотношении с объемом производства	Общее производство энергии (эквивалентная нефти тысяча метрических тонн)	Общее потребление энергии (эквивалентная нефти тысяча метрических тонн)	Сжигаемое, восстанавливаемое топливо и отходы, % в общем потреблении	Потребление энергии в расчете на душу населения, эквивалентно кг нефти	Импорт чистой энергии, в % по отношению к потребляемой энергии	Производство электроэнергии, млрд кВт/ч, из которых % в соотношении к общему числу	в том числе						
										Производимой на ГЭС	Из угля	Из нефти	Из газа	Атомная энергия		
10 самых безопасных стран																
Бразилия	1	нет данных	нет данных	1	1	1	0	1	1	1	0	0	0	0		
Франция	1	нет данных	нет данных	1	1	0	1	1	1	0	0	0	0	1		
Индия	0	нет данных	нет данных	1	1	1	0	1	1	0	1	0	0	0		
Италия	1	нет данных	нет данных	0	1	0	1	1	1	0	0	1	0	0		
Япония	1	нет данных	нет данных	1	1	0	1	1	1	0	0	0	0	0		
Испания	1	нет данных	нет данных	0	1	0	1	1	1	0	1	0	0	1		
Соединенное Королевство	1	нет данных	нет данных	1	1	0	1	1	1	0	1	0	0	0		
Аргентина	1	нет данных	нет данных	1	1	0	0	1	1	0	0	0	1	0		
Австралия	0	нет данных	нет данных	1	1	0	1	0	1	0	1	0	0	0		
Бельгия	0	нет данных	нет данных	0	1	0	1	1	1	0	0	0	0	1		
10 самых опасных стран																
Оман	0	нет данных	нет данных	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	
Сербия и Черногория	0	нет данных	нет данных	0	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	
Таджикистан	0	нет данных	нет данных	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	0	0	
Тринидад и Тобаго	0	нет данных	нет данных	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	
Туркменистан	0	нет данных	нет данных	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	
Узбекистан	0	нет данных	нет данных	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1	0	
Венесуэла	0	нет данных	нет данных	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	
Малайзия	0	нет данных	нет данных	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	
Слрия	0	нет данных	нет данных	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	
Йемен	0	нет данных	нет данных	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0

Таблица 5
 Величины значенний факторов, влияющих на УЭБ 10 самых энергетически безопасных и 10 самых энергетически опасных стран в 2005г.

Страна	Выпавший на долю единицы использованной энергии ВВП, рассчитанный в долларах США по курсу 2000г., с учетом PPP (кв. эквивалентно нефти)	Потребление электроэнергии в расчете на душу населения, кВт/ч	Потери при транспортировке и распределении, % в соотношении с объемом производства	Общее производство энергии (эквивалентная нефть тысяча метрических тонн)	Общее потребление энергии (эквивалентная нефть тысяча метрических тонн)	Сжигаемое, восстанавливаемое топливо и отходы, % в общем потреблении	Потребление энергии в расчете на душу населения, эквивалентно кг нефти	Импорт чистой энергии, в % по отношению к потребляемой энергии	Производство электроэнергии, млрд кВт/ч, из которых % в соотношении к общему числу	в том числе													
										Производимой на ТЭС	Из угля	Из нефти	Из газа	Атомная энергия									
10 самых безопасных стран																							
Соединенное Королевство	1	1	0	1	1	0	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
Бразилия	1	0	1	1	1	1	0	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
Франция	1	1	0	1	1	0	1	1	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1		
Германия	1	1	0	1	1	0	1	1	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0		
Соединенные Штаты	1	1	0	1	1	0	1	1	1	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0		
Аргентина	1	0	1	1	1	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
Индия	0	0	1	1	1	1	0	1	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0		
Италия	1	1	0	0	1	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
Япония	1	1	0	1	1	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
Республика Корея	0	1	0	0	1	0	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
10 самых опасных стран																							
Замбия	0	0	0	0	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
Алжир	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
Азербайджан	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
Ирак	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
Ямайка	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
Малавия	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
Сербия и Черногория	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
Таиланд	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
Туркменистан	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		
Узбекистан	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0		

Проанализируем УЭБ отдельной группы стран. Начнем анализ со стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (см. *Таблицу 6*).

Таблица 6

Уровень энергетической безопасности в странах ОЭСР в 1990 и 2005гг.

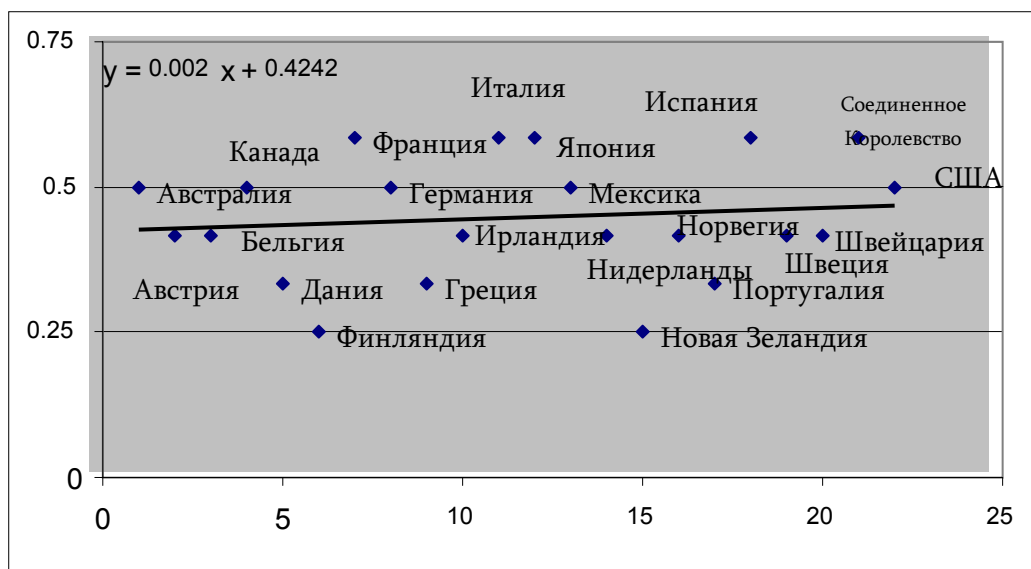
Страна	1990г.	2005г.
Австралия	0,5	0,429
Австрия	0,417	0,357
Бельгия	0,417	0,286
Канада	0,5	0,429
Дания	0,333	0,286
Финляндия	0,25	0,286
Франция	0,583	0,571
Германия	0,5	0,571
Греция	0,333	0,357
Ирландия	0,417	0,357
Италия	0,583	0,5
Япония	0,583	0,5
Мексика	0,5	0,5
Нидерланды	0,417	0,357
Новая Зеландия	0,25	0,357
Норвегия	0,417	0,357
Португалия	0,333	0,357
Испания	0,583	0,429
Швеция	0,417	0,429
Швейцария	0,417	0,429
Соединенное Королевство	0,583	0,643
Соединенные Штаты	0,5	0,571
В среднем	0,447	0,425
В среднем по миру	0,337	0,314

Как видно из *Графика 1*, среди стран ОЭСР в 1990г. по УЭБ наиболее безопасными были Австралия, Франция, Канада, Германия, Мексика, Япония, США, Соединенное Королевство, Италия, Испания, а в группе риска оказались Финляндия и Новая Зеландия. В плане энергетической безопасности доля безопасных стран среди общего числа стран ОЭСР составляет 45,4%, а опасных – 9,1%.

Для стран ОЭСР в 1990г. УЭБ в среднем составлял около 0,45, что означает, что вместе взятые страны ОЭСР имеют среднюю степень безопасности по УЭБ.

График 1

Уровень энергетической безопасности в странах ОЭСР в 1990г.

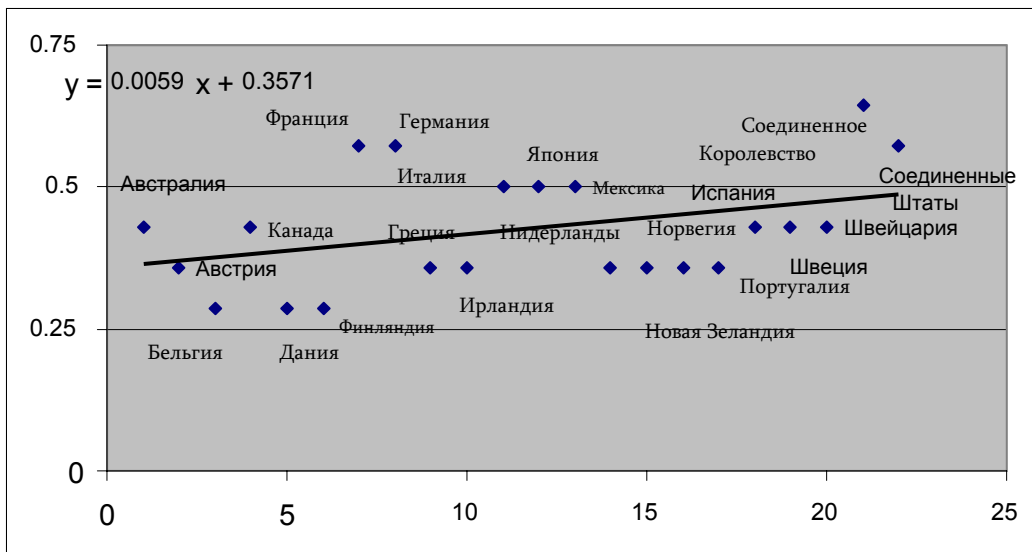
Теперь охарактеризуем роль формирующих УЭБ 14 факторов, значимых для стран ОЭСР: выпадающий на долю единицы потребляемой энергии ВВП, потребление электроэнергии в расчете на душу населения, потери при транспортировке и распределении, общее производство энергии, общее потребление энергии, производство электроэнергии, производимая из нефти электроэнергия.

Как видно из Графика 2, по УЭБ в 2005г. среди стран ОЭСР наиболее безопасными были Франция, Германия, Мексика, Япония, США, Соединенное Королевство, Италия. В плане энергетической безопасности доля безопасных стран среди общего числа стран ОЭСР уменьшилась по сравнению с 1990г. и составила 31,8%, а доля опасных стран тоже уменьшилась, составив 0%.

В странах ОЭСР средний УЭБ по сравнению с 1990г. уменьшился и составил 0,43, что означает, что в целом страны ОЭСР в плане УЭБ безопасны. Для этой группы стран среди формирующих УЭБ факторов значимыми были следующие: выпадающий на долю единицы потребляемой энергии ВВП, потребление электроэнергии в расчете на душу населения, общее производство энергии, общее потребление энергии, производство электроэнергии, производство электроэнергии из газа, угля, потребление энергии на душу населения, импорт чистой энергии, производство электроэнергии.

График 2

Уровень энергетической безопасности в странах ОЭСР в 2005г.

Нужно также отметить, что среди стран ОЭСР в плане энергетической безопасности лидируют страны, небогатые энергоресурсами.

Из данных *Таблицы 7* следует, что средняя величина УЭБ стран Евросоюза как в 1990г., так и в 2005г. была выше, чем среднемировой показатель. Примечательно и то, что УЭБ стран Евросоюза в 2005г. был ниже, чем в 1990г. Если в 1990г. среди стран Евросоюза наивысшим уровнем энергетической безопасности (0,583333) обладали Франция, Италия, Испания и Соединенное Королевство, то в 2005г. лидерами по УЭБ были Соединенное Королевство (0,642857), Франция и Германия (по 0,571429). В 1990г. самый низкий УЭБ был у Финляндии, Венгрии и Румынии (по 0,25), а в 2005г. самыми отстающими были Польша и Румыния (по 0,214286).

Из *Графика 3* видно, что среди стран ЕС энергетически безопасными считаются Бельгия, Германия, Польша, Франция, Италия, Испания и Соединенное Королевство, а в группе опасных стран Финляндия, Венгрия и Румыния. В плане энергетической безопасности доля безопасных стран среди общего числа стран ЕС составляет 29,2%, а опасных – 12,5%.

Для стран ЕС средний УЭБ равен 0,41, что означает, что ЕС в энергетическом плане входит в зону средней безопасности. Соответствующий коэффициент ЕС ниже, чем у стран ОЭСР.

Таблица 7

Уровень энергетической безопасности в странах Евросоюза в 1990 и 2005гг.

Страна	1990г.	2005г.
Австрия	0,417	0,357
Бельгия	0,5	0,286
Болгария	0,417	0,357
Чехия	0,417	0,357
Дания	0,333	0,286
Эстония	0,333	0,286
Финляндия	0,25	0,286
Франция	0,583	0,571
Германия	0,5	0,571
Греция	0,333	0,357
Венгрия	0,25	0,429
Ирландия	0,417	0,357
Италия	0,583	0,5
Латвия	0,333	0,357
Литва	0,333	0,286
Нидерланды	0,417	0,357
Польша	0,5	0,214
Португалия	0,333	0,357
Румыния	0,25	0,214
Словакия	0,333	0,286
Словения	0,417	0,428
Испания	0,583	0,428
Швеция	0,417	0,428
Соединенное Королевство	0,583	0,643
В среднем	0,409	0,375
В среднем по миру	0,337	0,314

Проведенный анализ показывает, что из 14 формирующих УЭБ факторов для ЕС были значимыми следующие: общее потребление энергии, потребление электроэнергии в расчете на душу населения, импорт чистой энергии, производство электроэнергии на АЭС.

Как видно из *Графика 4*, в 2005г. среди стран ЕС энергетически безопасными были Германия, Франция, Италия, Соединенное Королевство, а в группе риска были Румыния и Польша. В плане энергетической безопасности доля безопасных стран среди общего числа стран ЕС уменьшилась по сравнению с 1990г. и составила 16,7%, а доля энергетически опасных стран – 8,33%.

График 3

Уровень энергетической безопасности стран ЕС в 1990г.

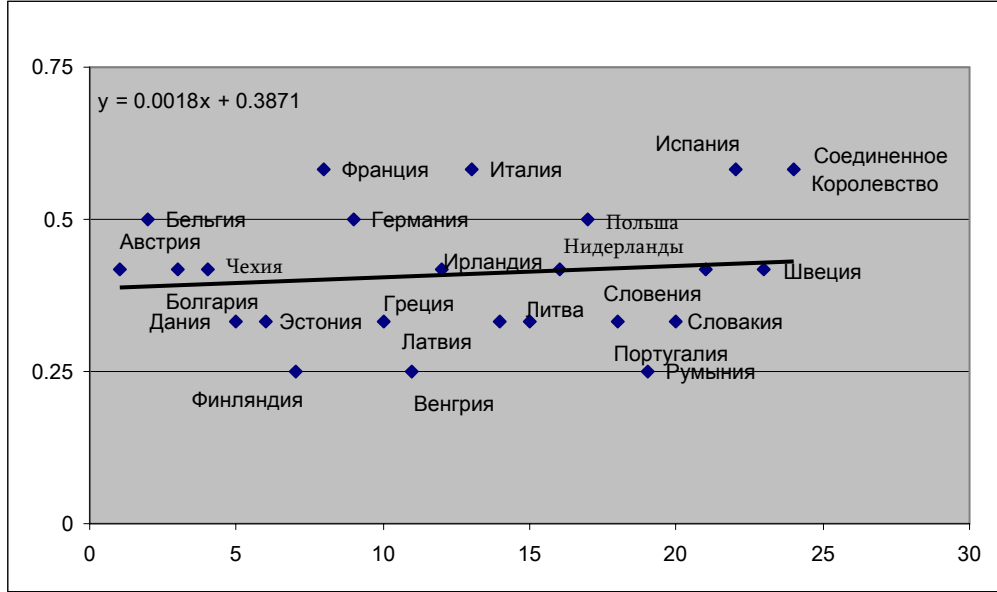
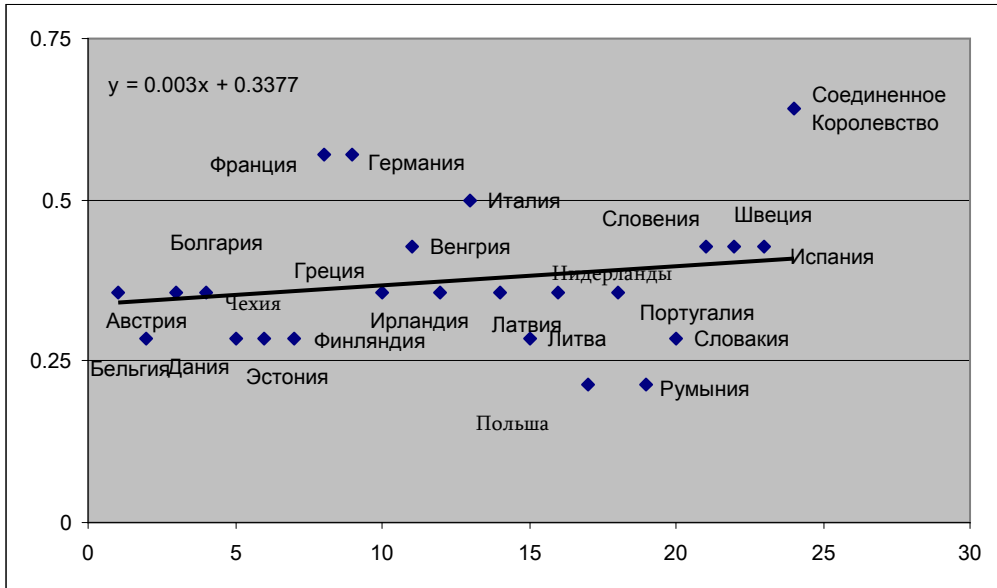

График 4

Уровень энергетической безопасности стран ЕС в 2005г.

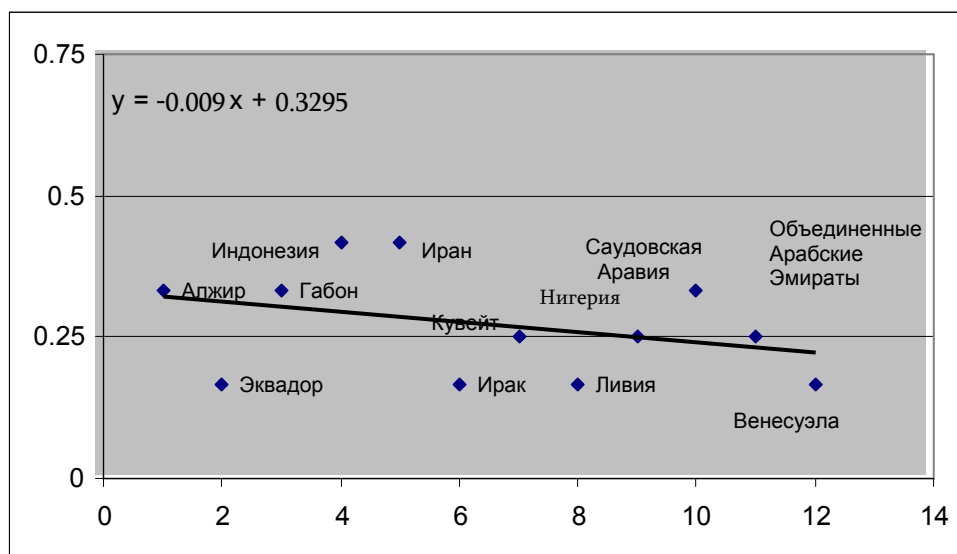
Средний УЭБ стран ЕС в 2005г. равнялся 0,38, что означает, что ЕС обладал средним уровнем энергетической безопасности. В случае с ЕС также наблюдается снижение УЭБ по сравнению с показателями предыдущего анализируемого периода.

Для стран ЕС среди формирующих УЭБ 14 факторов в 2005г. наиболее значимыми были следующие: выпадающий на долю единицы потребляемой энергии ВВП, потребление электроэнергии в расчете на душу населения, производство электроэнергии на АЭС, потребление энергии на душу населения, импорт чистой энергии, производство электроэнергии.

Из *Графика 5* видно, что среди нефтедобывающих стран – членов *ОПЕС* нет стран, безопасных в энергетическом плане. Средним уровнем безопасности обладают Алжир, Саудовская Аравия, Иран, Индонезия, Кувейт, Нигерия, Объединенные Арабские Эмираты, а в группу риска входят Эквадор, Ирак, Ливия и Венесуэла. Доля энергетически безопасных стран в общем числе стран *ОПЕС* составляет 0%, доля стран со средним уровнем безопасности – 66,7%, а опасных – 33,3%.

График 5

Уровень энергетической безопасности стран ОПЕС в 1990г.

Уровень средней безопасности для стран *ОПЕС* равен 0,27 (*Таблица 8*), что означает, что страны *ОПЕС* обладают средним уровнем энергетической безопасности.

Таблица 8

Уровень энергетической безопасности стран ОПЕК в 1990 и 2005 гг.

Страна	1990г.	2005г.
Алжир	0,333	0,143
Эквадор	0,167	0,286
Габон	0,333	0,357
Индонезия	0,417	0,357
Иран	0,417	0,429
Ирак	0,167	0,143
Кувейт	0,25	0,286
Ливия	0,167	0,286
Нигерия	0,25	0,357
Саудовская Аравия	0,333	0,5
Объединенные Арабские Эмираты	0,25	0,286
Венесуэла	0,167	0,214
В среднем	0,271	0,304
В среднем по миру	0,337	0,314

Анализ показывает, что для стран ОПЕК среди формирующих УЭБ 14 факторов наиболее значимыми были следующие: общее производство энергии, общее потребление энергии, сжигаемое топливо и отходы, производство электроэнергии из нефти.

График 6

Уровень энергетической безопасности стран ОПЕК в 2005г.

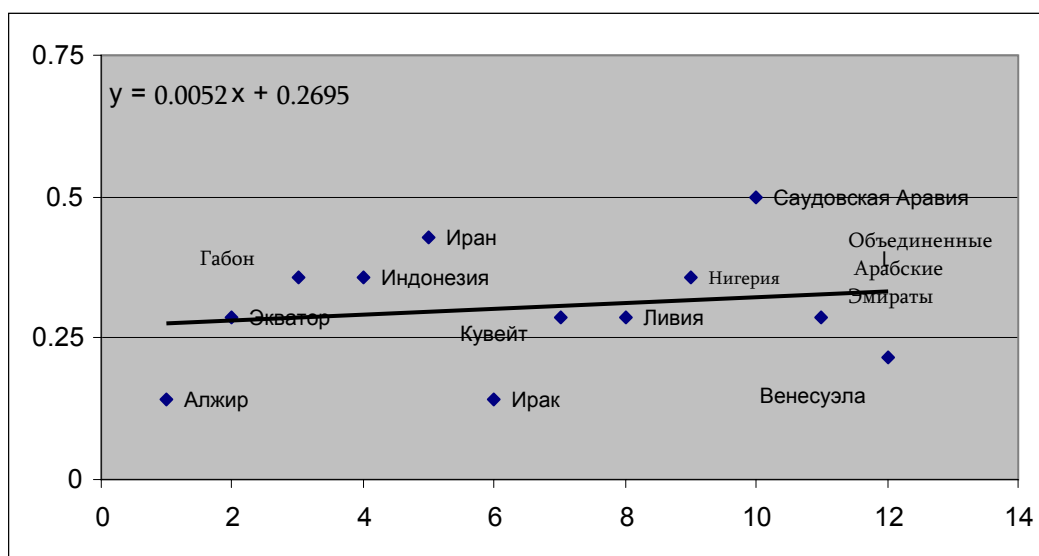

График 6 показывает, что среди стран ОПЕС безопасной по УЭБ является только Саудовская Аравия. Средним уровнем безопасности обладают Габон, Иран, Нигерия и Индонезия, Кувейт, ОАЭ, Эквадор, Ливия, а в группу риска входят Алжир, Ирак и Венесуэла. В плане энергетической безопасности доля безопасных стран в общем числе стран ОПЕС по сравнению с 1990г. возросла и в 2005г. составила 8,3%, процент стран со средним уровнем безопасности остался неизменным – 66,7%, а доля опасных стран уменьшилась, составив 25%.

Средний УЭБ стран ОПЕС по сравнению с 1990г. увеличился и в 2005г. составил 0,3, что означает, что страны ОПЕС достигли порога средней безопасности УЭБ. Для этой группы стран среди формирующих УЭБ 14 факторов наиболее значимыми были следующие: потребление электроэнергии в расчете на душу населения, общее производство энергии, общее потребление энергии, производство электроэнергии, потребление энергии в расчете на душу населения.

В Таблице 9 приведены показатели, характеризующие УЭБ стран СНГ. Из данных таблицы следует, что УЭБ стран СНГ в 2005г. по сравнению с 1990г. заметно (примерно на треть) снизился. Только в четырех странах – Армении, Киргизии, России и Таджикистане – наблюдалось повышение этого показателя, во всех остальных странах зафиксирован спад.

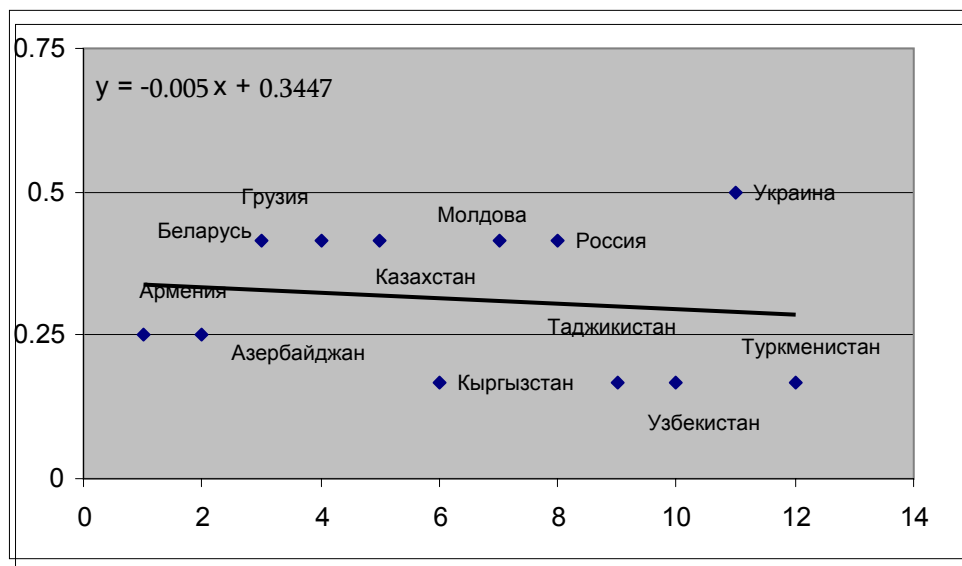
Таблица 9

Уровень энергетической безопасности стран СНГ в 1990 и 2005гг.

Страна	1990г.	2005г.
Армения	0,25	0,286
Азербайджан	0,25	0,143
Беларусь	0,417	0,286
Грузия	0,417	0,214
Казахстан	0,417	0,214
Киргизия	0,167	0,214
Молдова	0,417	0,214
Россия	0,417	0,429
Таджикистан	0,167	0,214
Туркменистан	0,167	0,143
Украина	0,5	0,286
Узбекистан	0,167	0,071
В среднем	0,312	0,226
В среднем по миру	0,337	0,314

График 7

Уровень энергетической безопасности стран СНГ в 1990г.

Как видно из *Графика 7*, среди стран СНГ безопасной в энергетическом плане была только Украина, а на грани риска находились Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Доля энергетически безопасных стран в общем числе стран СНГ составляла 8,3%, стран со средним уровнем безопасности – 58,3%, а опасных в энергетическом плане – 33,4%.

Средний УЭБ стран СНГ составлял 0,312, что означает, что страны СНГ могут считаться обладающими средним уровнем энергетической безопасности.

Для стран СНГ среди формирующих УЭБ 14 факторов наиболее значимыми были (см. *Таблицу 10*) следующие: общее производство энергии, общее потребление энергии, производство электроэнергии, потребление энергии в расчете на душу населения, производство электроэнергии из угля.

Как видно на *Графике 8*, среди стран СНГ нет энергетически безопасной страны, а в группу риска входят Киргизия, Туркменистан, Узбекистан, Грузия, Молдова, Казахстан, Азербайджан. Доля энергетически безопасных стран в общем числе стран СНГ по сравнению с 1990г. уменьшилась и составила 0%, доля стран со средним уровнем безопасности также резко уменьшилась и в 2005г. составила 33,3%, а доля энергетически рискованных стран резко возросла и в 2005г. составила 66,7% от общего числа стран СНГ.

Значения факторов, влияющих на уровень энергетической безопасности СНГ и Южного Кавказа, в 1990 и 2005гг. Таблица 10

Страна	1990		2005	
	1990	2005	1990	2005
Выпадающий на долю единицы использованной энергии ВВП, рассчитанный в долларах США по курсу 2000г., с учетом PPP (кг, эквивалентно нефти)	0	0	0	0
Потребление электроэнергии в расчете на душу населения, кВт/ч	0	0	0	0
Потери при транспортировке и распределении, % в соотношении с объемом производства	0	0	0	0
Общее производство энергии (эквивалентная нефти тысяча метрических тонн)	0	0	0	0
Общее потребление энергии (эквивалентная нефти тысяча метрических тонн)	0	0	0	0
Сжигаемое, восстанавливаемое топливо и отходы, % в общем потреблении	0	0	0	0
Потребление энергии в расчете на душу населения, эквивалентно кг нефти	0	0	0	0
Импорт чистой энергии, в % по отношению к потребляемой энергии	0	0	0	0
Производство электроэнергии, млрд кВт/ч, из которых % в соотношении к общему числу	0	0	0	0
Производимая ГЭС	0	0	0	0
	0	0	0	0
Из угля	0	0	0	0
	0	0	0	0
Из нефти	0	0	0	0
	0	0	0	0
Из газа	0	0	0	0
	0	0	0	0
Производимая АЭС	0	0	0	0
	0	0	0	0

Страны СНГ		Страны Южнокавказского региона	
Армения	0	0	0
Азербайджан	0	0	0
Беларусь	0	0	0
Грузия	0	0	0
Казахстан	0	0	0
Киргизия	0	0	0
Молдова	0	0	0
Россия	0	0	0
Таджикистан	0	0	0
Украина	0	0	0
Узбекистан	0	0	0
Армения	0	0	0
Азербайджан	0	0	0
Грузия	0	0	0
Иран	0	0	0
Турция	0	0	0

График 8

Уровень энергетической безопасности стран СНГ в 2005г.

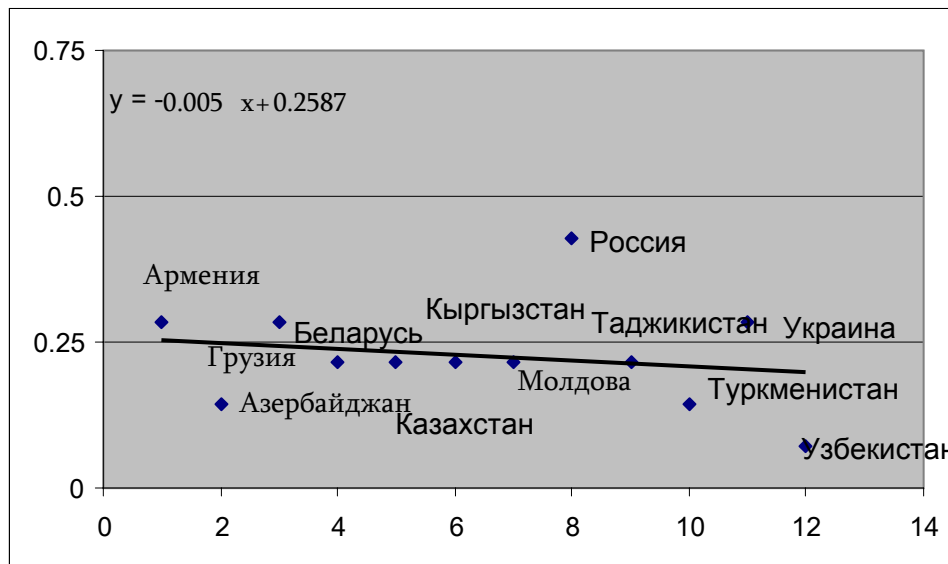
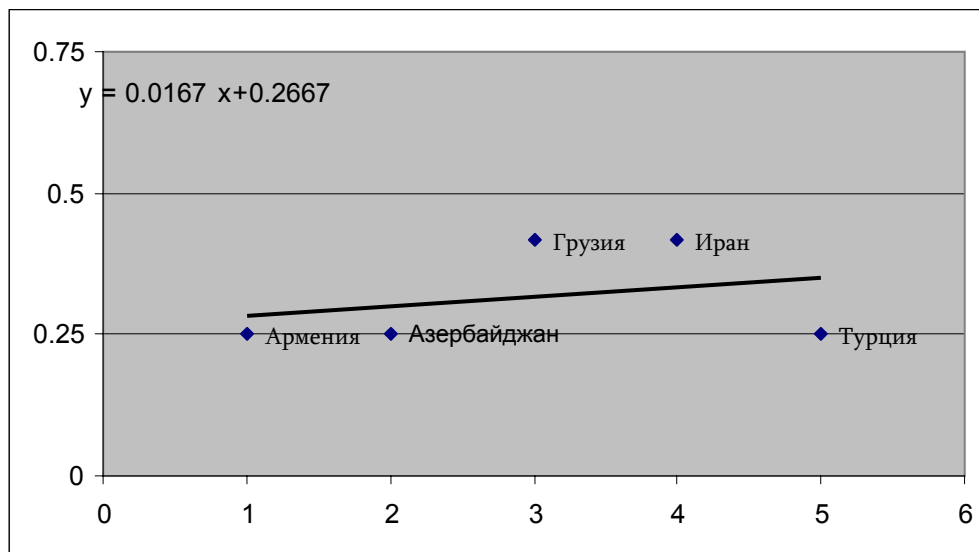

График 9

Уровень энергетической безопасности стран Южного Кавказа в 1990г.

Средний УЭБ стран СНГ также снизился по сравнению с 1990г. и в 2005г. составил 0,23, что означает, что страны СНГ в плане энергетической безопасности причисляются к группе риска. Для стран этой группы среди формирующих

УЭБ 14 факторов наиболее значимыми были следующие: общее производство энергии, общее потребление энергии, производство электроэнергии, потребление энергии в расчете на душу населения, производство электроэнергии из газа.

Как видно из *Графика 9*, среди стран Южнокавказского региона¹ в 1990г. не было ни одной безопасной в энергетическом плане, средним уровнем энергетической безопасности обладали две страны – Грузия и Иран, а в группу риска входили три – Армения, Азербайджан и Турция.

Средний УЭБ Южнокавказского региона в 1990г. составлял около 0,32 (*Таблица 11*), что означает, что уровень энергетической безопасности стран региона причисляется к среднему.

Таблица 11

Уровень энергетической безопасности Южнокавказского региона в 1990 и 2005гг.

Страна	1990г.	2005г.
Армения	0,25	0,286
Азербайджан	0,25	0,143
Грузия	0,417	0,214
Иран	0,417	0,428
Турция	0,25	0,286
В среднем	0,317	0,271
В среднем по миру	0,337	0,314

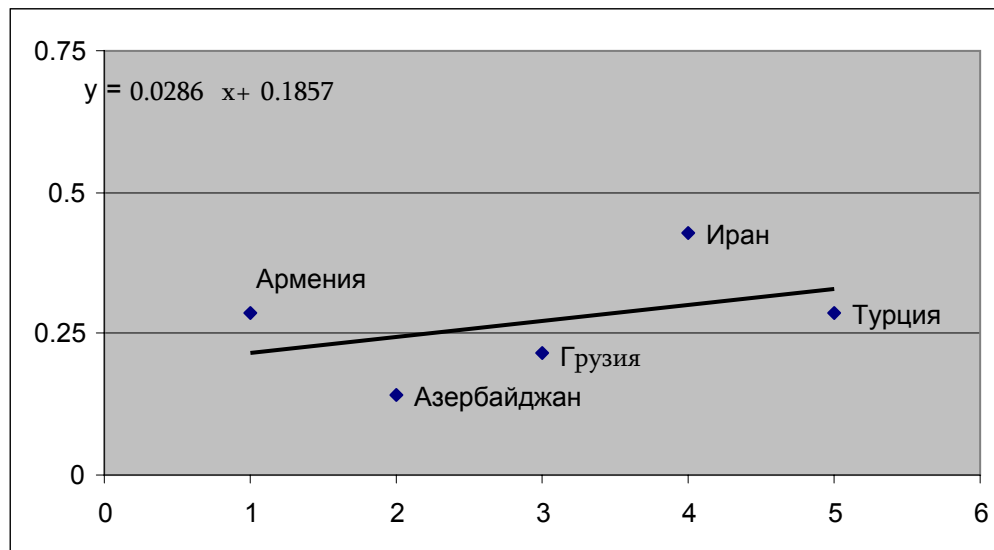
Из данных *Таблицы 11* следует, что в 1990г. среди стран Южного Кавказа у Армении, Азербайджана и Турции были самые низкие УЭБ в регионе (по 0,25). При этом УЭБ Грузии и Ирана существенно (примерно в 1,7 раза) превосходили показатели Армении, Азербайджана и Турции. В 2005г. картина была иной. УЭБ Азербайджана и Грузии заметно снизились (в Азербайджане и Грузии этот показатель по сравнению с 1990г. снизился почти вдвое). Изменения УЭБ в Турции и Армении в 1990-2005гг. проходили в одинаковом темпе (повышение составило 114,3%). В целом, УЭБ стран Южного Кавказа в 2005г. по сравнению с 1990г. существенно (на 14,3%) снизился; кроме того, как в 1990г., так и в 2005г. региональный УЭБ отставал от соответствующего мирового показателя. Для стран Южного Кавказа среди формирующих УЭБ 14 факторов наиболее значимыми были следующие: электроэнергия, производимая из нефти, на ГЭС, потребление энергии в расчете на душу населения, импорт чистой энергии.

Как видно из *Графика 10*, на Южном Кавказе не было энергетически безопасных стран, странами со средним уровнем безопасности являются Иран, Армения и Турция, а в зону риска входят Азербайджан и Грузия.

¹ Под странами Южнокавказского региона здесь понимаются Армения и сопредельные страны – Грузия, Азербайджан, Турция и Иран.

График 10

Уровень энергетической безопасности стран Южного Кавказа в 2005г.

Средний УЭБ стран Южного Кавказа по сравнению с 1990г. снизился, составив 0,27, что означает, что страны региона можно причислить к государствам со средним уровнем энергобезопасности.

Подробнее рассмотрим те из формирующих УЭБ 14 факторов, которые наиболее значимы для стран Южного Кавказа. В Армении в 2005г. по сравнению с 1990г. возросли потери в ходе транспортировки и распределения; с другой стороны, в 2005г. по сравнению с 1990г. уменьшились объемы потребляемой энергии на душу населения, остался неизменным и в течение 15 лет не менялся импорт чистой энергии. Если в 1990г. в Армении выше эффективного уровня были объемы энергии, производимой из нефти, то в 2005г. значимой была газогенная энергия, а также объемы атомной энергии. Азербайджан в 2005г. по сравнению с 1990г. ухудшил свои позиции в плане объемов энергии на душу населения, а также объемов импорта чистой энергии. Однако на стабильном уровне и при этом выше порога эффективности остались объемы нефтегенной энергии, а также в 2005г. увеличились объемы энергии, производимой из газа. В Грузии в 2005г. увеличились потери при транспортировке и распределении электроэнергии в соотношении с общим объемом произведенной энергии; с другой стороны, уменьшились объемы потребляемой на душу населения энергии. Отметим, что на уровне выше среднего УЭБ остались объемы импорта чистой энергии и энергии, производимой ГЭС. В Иране же на высоком уровне потребление и производство энергии, а также объемы энергии, произво-

димой из газа. При рассмотрении примера Турции мы приходим к выводу, что на уровне выше среднего УЭБ находятся объемы ВВП, выпадающие на долю потребления энергии, показатели чистой энергии, а также объемы энергии, производимой из газа.

Обобщая рассчитанные на основании данных за 1990г. УЭБ для 124 стран мира, в том числе и по регионам, можем констатировать, что наиболее высоким УЭБ обладали страны ОЭСР. Однако нужно отметить, что этого недостаточно, чтобы причислить страны ОЭСР к безопасным в энергетическом плане: они обеспечивают средний уровень энергетической безопасности. После стран ОЭСР средний уровень энергобезопасности был у стран ЕС, стран СНГ, затем стран Южнокавказского региона. Между тем страны *ОПЕС* находятся на самом низком уровне в плане энергетической безопасности. Отсюда можно заключить, что в 1990г. безопасными в энергетическом плане были страны с развитой экономикой, а, например, страны *ОПЕС*, богатые энергоносителями, хотя и обладали средним УЭБ, но были близки к странам, входящим в группу риска. Из сказанного следует, что в энергетическом плане безопасны страны, которые развиты энергетически, но необязательно богаты энергоносителями.

Обобщение УЭБ 124 стран и отдельных регионов мира в 2005г. позволяет прийти к выводу, что наивысшим уровнем УЭБ обладали страны ОЭСР, хотя по сравнению с 1990г. их показатели снизились. Однако даже в этом случае они считаются обладателями среднего уровня безопасности. После стран ОЭСР средне безопасными считаются страны *ОПЕС*, средний УЭБ которых за рассматриваемый период возрос, достигнув более высокого, нежели средний, уровня безопасности. ЕС, СНГ, страны Южного Кавказа за рассматриваемый период ослабили свои позиции и находятся в опасных в энергетическом плане группах. В 2005г. также в энергетическом плане безопасными были экономически развитые страны, которые в основном небогаты энергоносителями, однако и в этих странах наблюдается спад УЭБ, в результате чего страны СНГ и Южнокавказского региона причислены к странам, опасным в энергетическом плане, а, например, страны *ОПЕС*, богатые энергоносителями, в разрезе 15 лет стали обладателями среднего уровня энергетической безопасности. Из сказанного следует, что энергетически развитые страны сохранили и еще больше повысили УЭБ, а те страны, которые зафиксировали экстенсивный экономический рост, за рассматриваемые 15 лет утратили свои позиции в списке энергетически безопасных стран. Значительный рост УЭБ стран *ОПЕС* обусловлен тем, что приобретенные нефтяные доходы были направлены на обеспечение интенсивного экономического роста.

Таблица 12

Обобщенные показатели по УЭБ за 1990г. 10 наиболее безопасных,
10 наиболее опасных стран и отдельных групп стран

NN	Группы стран	Средняя величина УЭБ	УЭБ		Соотношение максимального и минимального показателей УЭБ
			максимальный показатель	минимальный показатель	
1	10 наиболее безопасных стран	0.558	0.583	0.5	1.167
2	10 наиболее опасных стран	0.142	0.167	0.083	2.000
3	Страны ОЭСР	0.447	0.583	0.25	2.333
4	Страны Евросоюза	0.409	0.583	0.25	2.333
5	Страны ОПЕС	0.271	0.417	0.167	2.500
6	Страны СНГ	0.312	0.417	0.167	2.500
7	5 стран Южного Кавказа	0.317	0.417	0.25	1.667
8	124 стран мира	0.337	0.583	0.083	7.000

Таблица 13

Обобщенные показатели по УЭБ за 2005г. 10 наиболее безопасных,
10 наиболее опасных стран и отдельных групп стран

NN	Группы стран	Средняя величина УЭБ	УЭБ		Соотношение максимального и минимального показателей УЭБ
			максимальный показатель	минимальный показатель	
1	10 наиболее безопасных стран	0.543	0.643	0.5	1.286
2	10 наиболее опасных стран	0.143	0.214	0.071	3.000
3	Страны ОЭСР	0.425	0.643	0.286	2.250
4	Страны Евросоюза	0.375	0.643	0.286	2.250
5	Страны ОПЕС	0.304	0.429	0.143	3.000
6	Страны СНГ	0.226	0.429	0.071	6.000
7	5 стран Южного Кавказа	0.271	0.429	0.143	3.000
8	124 стран мира	0.314	0.643	0.071	9.000

В Таблицах 12 и 13 представлены обобщенные показатели УЭБ за 1990 и 2005гг. для сформированных по разным принципам объединений государств. Если мы сравним эти данные, то сможем сделать следующие закономерные выводы:

- во всех отмеченных группах (исключая страны ОЭСР и ЕС), в каждой группе возросло соотношение между наибольшим и наименьшим показателями УЭБ, то есть увеличилась разница между экстремумными величинами УЭБ, причем если в 1990г. разница между странами с наивысшим и низжайшим УЭБ была в 7, то в 2005г. – в 9 раз;
- также увеличилась разница между 10 странами с наивысшим и низжайшим УЭБ в группе повышенного риска: с разницы в 2 раза в 1990г. она в 2005г. достигла разницы в 3 раза;
- особенно увеличился «разрыв» между странами СНГ с наивысшим и низжайшим УЭБ: если в 1990г. соотношение их показателей составляло 2,5 раза, то в 2005г. – 6 раз («углубление разрыва» составила 2,4 раза).
- во всех отмеченных в таблицах группах стран (исключая ОПЕС и 10 наиболее опасных стран) средняя величина УЭБ по сравнению с 2005г. снизилась; в целом по миру это снижение составило 6,8%, а в 10 наиболее опасных стран – 2,8%, в странах ОЭСР – 4,9%, ЕС – 9,5%, СНГ – 17,6%, пяти странах Южного Кавказа – 14,3%.

3. Перспективы уровня энергетической безопасности

На основе расчета УЭБ за 1990, 2003, 2004, 2005гг. осуществлены прогнозы до 2010, 2015 и 2020гг. для 124 стран из разных групп, в частности: стран СНГ, стран Южного Кавказа и сопредельных Армении Турции и Ирана. Прогнозирование осуществлялось нами исходя из данных за предыдущие годы и того предположения, что по выбранным нами для расчета УЭБ 14 показателям сохранятся существующие тенденции. Нужно отметить, что при резком изменении развития событий в той или иной стране наши прогнозы могут подвергнуться коррекции.

Прогнозы осуществлялись методом выявления линейного тренда. Линейный тренд выглядит следующим образом:

$Y_i = a \cdot i + b$, где Y_i – уровень энергетической безопасности за i -ый год, а i – код соответствующего года (1,2...124).

Из прогнозируемых данных по УЭБ стран мира за 2010г. следует, что в безопасную группу входят 10 стран, УЭБ которых будет колебаться в пределах 0,5-0,66, а средняя величина УЭБ стран этой группы составит 0,557. Во вторую группу – стран со средним уровнем безопасности – входит 71 страна, чей УЭБ будет колебаться в пределах 0,251-0,490, а средняя величина УЭБ составит 0,347. В третью группу включены 43 страны с УЭБ в пределах 0,070-0,242, в среднем по группе – 0,175. Из данных таблицы следует, что в 2010г. безопасными с точки зрения УЭБ будут 10 стран, что составляет 8,1% от числа рассматриваемых стран – это более чем в два раза меньше соответствующего показателя 1990г.

Мы рассчитали также прогнозируемые величины УЭБ стран мира в 2015 и 2020гг., классифицировав страны по трем группам в соответствии с их УЭБ. В 2015г. в первую группу включены 11 государств, в 2020г. – 13, причем если в 2015г. средняя величина УЭБ стран первой группы составит 0,567, то в 2020г. – 0,575, т.е. за указанный период средняя величина УЭБ, согласно прогнозам, повысится на 1,4%.

Для выявления закономерностей в прогнозировании рассматриваемой проблематики и соответствующих выводов составим *Таблицу 14*. Из данных таблицы следует, что в рассматриваемый период – 2010-2020гг. – УЭБ стран мира имеет тенденцию к снижению: с 0,304 в 2010г. он достигнет 0,290 в 2020г., т.е. снизится на 4,6%. Увеличится и разрыв между странами отдельных групп. Так, если в 2010г. соотношение УЭБ стран безопасной группы с УЭБ стран «группы риска» составит 3,18 раза, то в 2020г. – 4,49 раза (рост – 1,4 раза). В плане УЭБ для отдельной группы стран эти показатели составят соответственно: в безопасных странах – 0,557, 0,575 и 3,2%; в странах со средним уровнем безопасности – 0,347, 0,352 и 1,4%; в странах опасной зоны – 0,175, 0,128 и 26,9%. Примечательно также, что, согласно сделанным прогнозам, если в 2020г. по сравнению с 2010г. количество безопасных стран возрастет и составит 10,5% от общего числа стран, то доля стран со средним уровнем безопасности уменьшится и составит 51,6%, а число опасных стран увеличится и составит 37,9%.

Таблица 14

Динамика УЭБ по отдельным группам и подгруппам стран в 2010-2020гг.

NN	Группы стран	2010		2015		2020	
		количество стран, в % по отношению к общему числу стран	величина УЭБ	количество стран, в % по отношению к общему числу стран	величина УЭБ	количество стран, в % по отношению к общему числу стран	величина УЭБ
1	Безопасные страны	10 / 8,1	0,557	11 / 8,9	0,567	13 / 10,5	0,575
2	Страны со средним уровнем безопасности	71 / 52,7	0,347	70 / 56,4	0,347	64 / 51,6	0,352
3	Страны группы риска	43 / 34,7	0,175	43 / 34,7	0,148	47 / 37,9	0,128
	Соотношение стран «безопасной» группы со странами «опасной» группы	-	3,18	-	3,83	-	4,49
	В среднем по миру	124 / 100,0	0,304	124 / 100,0	0,297	124 / 100,0	0,290

В *Таблицах 15 и 16* приведены прогнозируемые показатели 10 самых энергетически безопасных и опасных стран за 2010, 2015 и 2020гг. Если сравнить список наиболее безопасных стран мира за 2010г. со списком 2020г., то

выяснится, что в 2020г. 7 из десятки «лучших» стран сохраняют свои позиции, а три – Италия, Республика Корея и Мексика – будут «заменены» на Венгрию, Нигерию и Сингапур. Из списка наиболее опасных в энергетическом плане стран за 2010г. в список 2020г. перейдут Алжир, Демократическая Республика Конго, Молдова, Ямайка, Египет, Узбекистан и Польша. Туркменистан, Азербайджан и Иран «заменяются» Бельгией, Таиландом и Боливией.

Таблица 15
10 наиболее безопасных в энергетическом плане стран 2010, 2015 и 2020гг.

Место страны	2010г.		2015г.		2020г.	
	Страна	УЭБ	Страна	УЭБ	Страна	УЭБ
1	Соединенное Королевство	0.660	Соединенное Королевство	0.680	Соединенное Королевство	0.700
2	Германия	0.620	Германия	0.650	Германия	0.680
3	Соединенные Штаты	0.600	Соединенные Штаты	0.625	Соединенные Штаты	0.650
4	Бразилия	0.596	Бразилия	0.600	Венгрия	0.610
5	Индия	0.550	Венгрия	0.550	Бразилия	0.604
6	Франция	0.540	Саудовская Аравия	0.550	Саудовская Аравия	0.594
7	Саудовская Аравия	0.506	Индия	0.540	Нигерия	0.557
8	Италия	0.500	Франция	0.530	Индия	0.530
9	Республика Корея	0.500	Нигерия	0.508	Франция	0.520
10	Мексика	0.500	Республика Корея	0.500	Сингапур	0.520

Таблица 16
10 наиболее опасных в энергетическом плане стран 2010, 2015 и 2020гг.

Место страны	2010г.		2015г.		2020г.	
	Страна	УЭБ	Страна	УЭБ	Страна	УЭБ
1	Туркменистан	0.132	Таиланд	0.090	Узбекистан	0.050
2	Алжир	0.130	Ирак	0.085	Бельгия	0.047
3	Демократическая Республика Конго	0.130	Алжир	0.080	Ямайка	0.040
4	Молдова	0.129	Демократическая Республика Конго	0.080	Таиланд	0.040
5	Азербайджан	0.125	Боливия	0.075	Алжир	0.030
6	Ямайка	0.110	Ямайка	0.075	Демократическая Республика Конго	0.030
7	Ирак	0.100	Узбекистан	0.070	Боливия	0.010
8	Египет	0.090	Молдова	0.054	Египет	0.010
9	Узбекистан	0.090	Польша	0.050	Молдова	0.010
10	Польша	0.070	Египет	0.030	Польша	0.010

В Таблице 17 приведены прогнозы по УЭБ стран ОЭСР за 2010-2020гг. Из данных таблицы следует, что средняя величина УЭБ за указанный период уменьшилась с 0,414 в 2010г. достигнув в 2020г. величины 0,397.

Таблица 17

Прогнозируемый уровень энергетической безопасности стран ОЭСР в 2010-2020гг.

NN	Страна	2010г.	2015г.	2020г.
1	Австралия	0.4	0.375	0.35
2	Австрия	0.34	0.32	0.3
3	Бельгия	0.197	0.122	0.047
4	Канада	0.4	0.375	0.35
5	Дания	0.3	0.29	0.28
6	Финляндия	0.234	0.2325	0.231
7	Франция	0.54	0.53	0.52
8	Германия	0.62	0.65	0.68
9	Венгрия	0.362	0.37	0.378
10	Ирландия	0.33	0.31	0.29
11	Италия	0.5	0.48	0.46
12	Япония	0.46	0.43	0.4
13	Мексика	0.5	0.5	0.5
14	Нидерланды	0.33	0.31	0.29
15	Новая Зеландия	0.39	0.425	0.46
16	Норвегия	0.33	0.31	0.29
17	Португалия	0.35	0.355	0.36
18	Испания	0.43	0.39	0.35
19	Швейцария	0.404	0.4	0.396
20	Швейцария	0.436	0.44	0.444
21	Соединенное Королевство	0.66	0.68	0.7
22	Соединенные Штаты	0.6	0.625	0.65
	В среднем	0.414	0.405	0.397

В Таблице 18 приведены прогнозы для стран Евросоюза на 2010-2020гг. Из данных таблицы следует, что в странах ЕС за указанный период уровень УЭБ, вычисленный путем сопоставления максимальных значений за указанный период, также спадает с 0,361 до 0,344 (спад составит 4,7%).

В отличие от стран ОЭСР и ЕС в странах ОПЕК за 2010-2020гг. УЭБ увеличится, с 0,308 в 2010г. достигнув 0,328 в 2020г. (рост – 6,5%), что представлено в Таблице 19.

На основе осуществленных нами расчетов мы спрогнозировали показатели УЭБ для стран СНГ на 2010, 2015 и 2020гг. (Таблица 20). Как видно из таблицы, в странах СНГ УЭБ в ближайшее время снизится: по сравнению с 2010г. спад в 2020г. составит около 20%.

Таблица 18
 Прогнозируемый уровень энергетической безопасности стран Евросоюза за 2010-2020гг.

NN	Страна	2010г.	2015г.	2020г.
1	Австрия	0.34	0.32	0.3
2	Бельгия	0.197	0.122	0.047
3	Болгария	0.336	0.315	0.294
4	Чехия	0.33	0.31	0.29
5	Дания	0.3	0.29	0.28
6	Эстония	0.27	0.255	0.24
7	Финляндия	0.234	0.2325	0.231
8	Франция	0.54	0.53	0.52
9	Германия	0.62	0.65	0.68
10	Греция	0.362	0.37	0.378
11	Венгрия	0.49	0.55	0.61
12	Ирландия	0.33	0.31	0.29
13	Италия	0.5	0.48	0.46
14	Латвия	0.39	0.405	0.42
15	Литва	0.21	0.18	0.15
16	Нидерланды	0.33	0.31	0.29
17	Польша	0.07	0.05	0.01
18	Португалия	0.35	0.355	0.36
19	Румыния	0.14	0.115	0.09
20	Словакия	0.39	0.405	0.42
21	Словения	0.436	0.44	0.444
22	Испания	0.43	0.39	0.35
23	Швеция	0.404	0.4	0.396
24	Соединенное Королевство	0.66	0.68	0.7
	В среднем	0.361	0.353	0.344

Таблица 19
 Прогнозируемый уровень энергетической безопасности стран ОПЕК за 2010-2020гг.

NN	Страна	2010г.	2015г.	2020г.
1	Алжир	0.13	0.08	0.03
2	Эквадор	0.27	0.2975	0.325
3	Габон	0.308	0.3025	0.297
4	Индонезия	0.38	0.37	0.36
5	Иран	0.405	0.403	0.402
6	Ирак	0.1	0.085	0.07
7	Кувейт	0.31	0.325	0.34
8	Ливия	0.27	0.2975	0.325
9	Нигерия	0.458	0.5075	0.557
10	Саудовская Аравия	0.506	0.55	0.594
11	Объединенные Арабские Эмираты	0.33	0.35	0.37
12	Венесуэла	0.236	0.2525	0.269
	В среднем	0.308	0.318	0.328

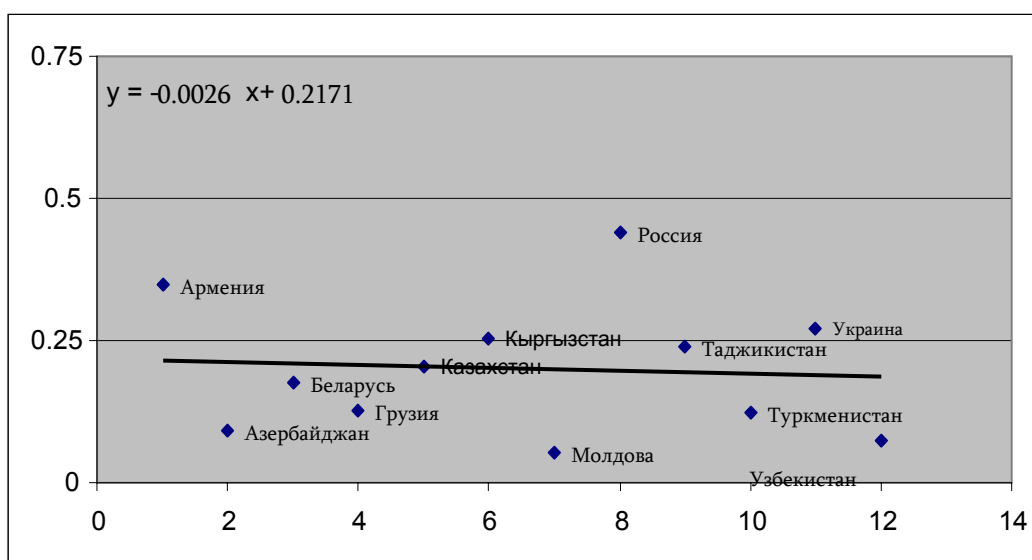
Таблица 20

Прогнозируемый уровень энергетической безопасности стран СНГ за 2010-2020гг.

Страна	2010г.	2015г.	2020г.
Армения	0,330	0,349	0,369
Азербайджан	0,125	0,091	0,057
Беларусь	0,227	0,177	0,128
Грузия	0,188	0,127	0,066
Казахстан	0,251	0,205	0,159
Кыргызстан	0,236	0,254	0,272
Молдова	0,129	0,054	0,01
Россия	0,434	0,438	0,443
Таджикистан	0,224	0,239	0,254
Туркменистан	0,132	0,123	0,114
Украина	0,319	0,269	0,219
Узбекистан	0,095	0,075	0,055
В среднем	0,224	0,200	0,179
В среднем по миру	0,304	0,297	0,290

График 11

Уровень энергетической безопасности стран СНГ в 2015г.

Как видно из *Графика 11*, согласно прогнозам на 2015г., среди стран СНГ не будет энергетически безопасных стран, а в группу риска будут входить Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Беларусь, Грузия, Молдова, Казахстан, Азербайджан. Среди стран со средним уровнем энергобезопасности рядом с

Россией, согласно прогнозу, должны быть также Армения, Украина и Кыргызстан. Доля стран СНГ в общем числе энергетически безопасных стран по сравнению с 2005г. не изменится и составит все те же 0%, доля стран со средним уровнем безопасности составляет 25%, а доля опасных в плане энергетической безопасности стран уменьшится и составит 75%.

Для стран СНГ средний УЭБ также уменьшится по сравнению с 2005г. и составит 0,2, что означает, что страны СНГ в 2015г. будут причисляться к опасным с точки зрения энергетической безопасности.

Та же логика сохраняется также в прогнозах на 2020г.

График 12

Уровень энергетической безопасности стран СНГ в 2020г.

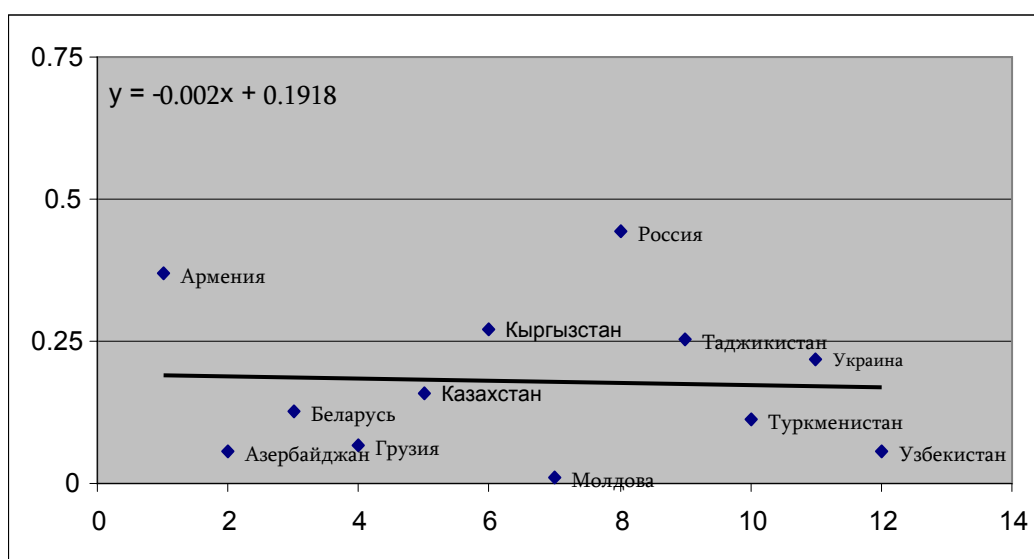

Таблица 21

Прогнозируемый уровень энергетической безопасности стран Южнокавказского региона за 2010-2020гг.

Страна	2010г.	2015г.	2020г.
Армения	0,330	0,349	0,369
Азербайджан	0,125	0,091	0,057
Грузия	0,188	0,127	0,066
Иран	0,405	0,404	0,402
Турция	0,302	0,315	0,329
В среднем	0,270	0,257	0,245
В среднем по миру	0,304	0,297	0,290

Прогнозы на 2020г. показывают (см. *График 12*), что среди стран СНГ нет безопасных в энергетическом плане, а в зону риска входят Туркменистан, Узбекистан, Беларусь, Грузия, Молдова, Казахстан, Азербайджан, Украина. Среди стран со средним уровнем энергетической безопасности рядом с Россией будут, по прогнозам, находиться Армения, Кыргызстан и Таджикистан. Доля стран СНГ в общем числе энергетически безопасных стран по сравнению с 2015г. не изменится и составит все те же 0%, доля стран со средним уровнем безопасности также останется неизменной – 25%, а доля опасных в плане энергетической безопасности стран составит 75%.

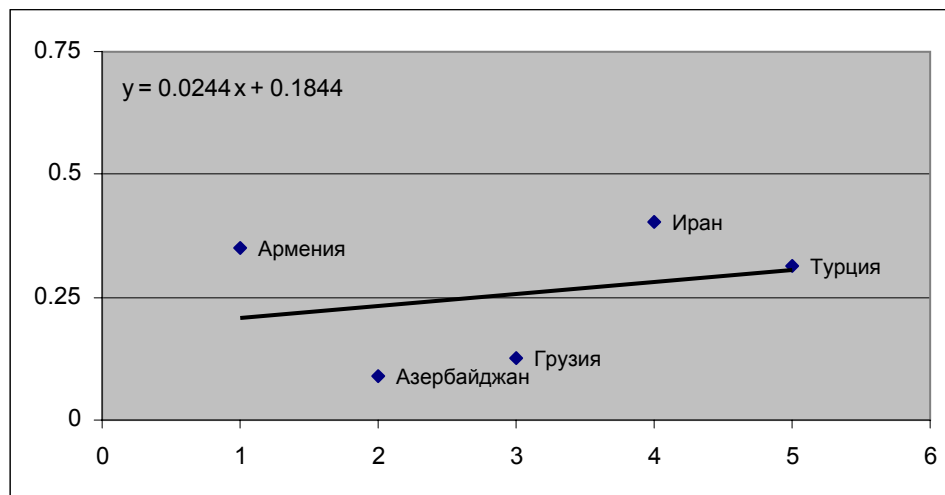
Средний УЭБ стран СНГ в 2020г. по сравнению с 2015г. уменьшится и составит 0,179, что означает, что страны СНГ будут причисляться к опасным с точки зрения энергетической безопасности.

Прогнозы для стран Южнокавказского региона близки к логике прогнозов для стран СНГ (см. *Таблицу 21*).

Как видно из *Графика 13*, согласно прогнозам, среди Южнокавказских стран нет энергетически безопасных, средним уровнем энергобезопасности обладают Иран, Армения и Турция, а в группу риска входят Азербайджан и Грузия.

График 13

Уровень энергетической безопасности стран Южного Кавказа в 2015г.

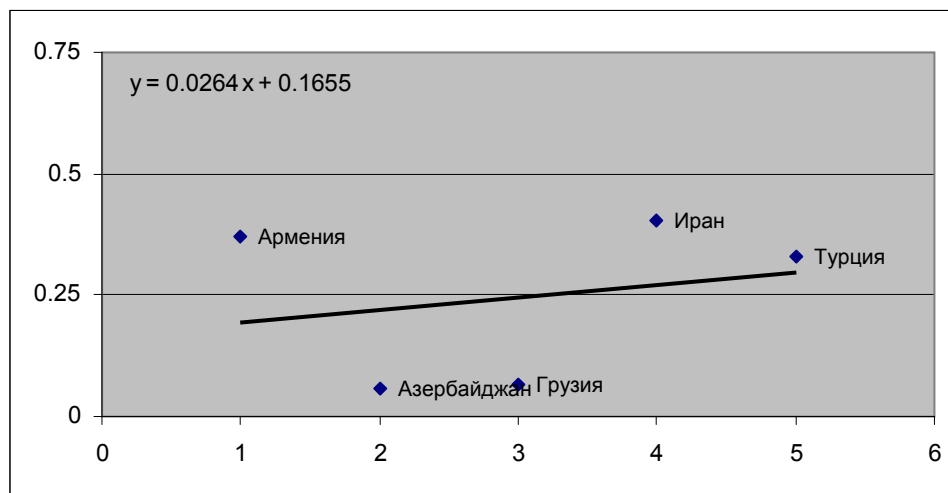

Средний УЭБ стран Южнокавказского региона по сравнению с 2005г. уменьшится и составит 0,25, что означает, страны указанного региона можно причислить к странам со средним уровнем энергетической безопасности.

Согласно приведенным в *Графике 14* прогнозам, в 2020г. среди странах Южного Кавказа не будет энергетически безопасных стран, средним уровнем безопасности будут обладать Иран, Армения и Турция, а в группу опасных стран войдет две – Азербайджан и Грузия.

График 14

Уровень энергетической безопасности стран Южного Кавказа в 2020г.

Средний УЭБ стран Южнокавказского региона по сравнению с 2015г. уменьшится и составит 0,24, что означает, что статус стран этого региона уменьшится, став опасным с точки зрения энергетической безопасности.

Прогнозы свидетельствуют о том, что в долгосрочном аспекте в регионе перспективными с точки зрения энергетической безопасности считаются Армения, Турция и Иран, а в рамках стран СНГ – Армения и Россия.

В *Таблице 22* обобщены показатели УЭБ, рассчитанные для предыдущих периодов, а также представлены наши прогнозы по этим показателям на 2010, 2015 и 2020гг. Так, в 1990г. рассматриваемые нами регионы имели средний уровень энергетической безопасности. То же положение было в 2005г., исключая страны СНГ, где уровень энергобезопасности снизился, оказавшись в опасной зоне. Однако нужно отметить, что снижение УЭБ наблюдалось во всех рассматриваемых регионах, кроме стран *ОПЕС*. Особенно заметные колебания были в странах СНГ и Южного Кавказа. Прогнозы до 2020г. также не обнадеживают, особенно для стран СНГ и Южнокавказского региона, так как очевидна тенденция снижения УЭБ. Иными словами, в целом по миру и в отдельных регионах в период до 2020г. уровень энергетической безопасности снизится.

Таблица 22

Средние значения уровня энергетической безопасности 124 стран мира, стран ОЭСР, ЕС, ОПЕК, СНГ и Южного Кавказа в 1990-2005гг. и до

Страны	1990г.	2005г.	2010г.	2015г.	2020г.
Мир (124 стран)	0,336	0,313	0,304	0,297	0,290
ОЭСР	0,446	0,425	0,414	0,405	0,397
Евросоюз	0,409	0,374	0,361	0,353	0,344
ОПЕК	0,270	0,303	0,308	0,318	0,328
СНГ	0,312	0,226	0,224	0,200	0,179
Южнокавказские страны	0,316	0,271	0,270	0,257	0,245
10 самых безопасных стран	0,558	0,543	0,557	0,573	0,596
10 самых опасных стран	0,142	0,143	0,111	0,069	0,028

Обобщая наш анализ, мы можем констатировать, что по сравнению с 1990г. в 124 странах мира с точки зрения УЭБ наблюдается спад, и этот темп сохраняется также в долгосрочных прогнозах. Помимо сводного показателя, наблюдается тенденция ухудшение отдельных показателей, обеспечивающих энергетическую безопасность. Думается, причиной тому начавшееся с 1990-х гг. изменение структуры мировой экономики: она еще больше оторвалась от реальной экономики, и в новой экономической структуре определяющими факторами стали финансовые инновации. В контексте сказанного можно утверждать, что начиная с 1990-х гг. в мире постепенно снижается качество факторов, обеспечивающих энергетическую безопасность стран. Следовательно, в мире существует кризис, обусловленный показательным спадом факторов, обеспечивающих безопасность энергетических систем, – кризис, который стремительно углубляется, так что долгосрочные прогнозы не будут давать качественного результата. Мы считаем, что необходимо, чтобы в масштабе региональных объединений государств соответствующие государственные органы инициировали и осуществили пересмотр стратегий развития энергетической сферы, рассматривая их в контексте перспективной энергетической безопасности, и предприняли бы все необходимые шаги для повышения УЭБ.

Май, 2009г.

Источники и литература

1. Transition report 2008. Growth in transition. European Bank for Reconstruction and Development, 2008, 212p.
2. Сборники *World Development Indicators 2004*, *World Development Indicators 2006*, *World Development Indicators 2007*, *World Development Indicators 2008*, публикации Всемирного банка.
3. Левин Д., Сефан Д., Кребиль Т., Беренсон М. Статистика для менеджеров, М., 2005г., 1310с.
4. Куфель Т. Эконометрика, М., 2007г., 200с.
5. Eviews 4 User's guide, Quantitive Micro Software, LLC, 2001, 712 p.

INTEGRAL INDEX OF THE EVALUATION OF THE LEVEL OF ENERGY SECURITY AND ITS FORECASTING

Karen Karapetyan

Resume

The problem of the energy security is actual all over the world where the demand for the energy resources grows rapidly and, at the same time, the problem of their shortage is sharpened. Armenia, which regards the securing of its energy sustainability in the context of the most important consistent part of the national security, did not avoid such tendencies either.

Energy security seems to be a versatile, complex and multilayer concept. In order to understand how to manage the process of the energy security provision it is necessary, at first, to try to evaluate it and this, in its turn, is also a rather complex and diverse process. The difficulty of the task is, first of all, connected with the methodology of the evaluation. Despite the fact that there is a great scope of information about the separate indices of the energy resources elaboration, production, usage of the electric power, the indices of the efficiency and commercialization of branches of the infrastructures, which are published annually by a number of organizations and companies specializing in those problems, nevertheless, those rates do not correlate with the concept of the level of energy security. One may even assume that there is no connection between them at all.

Despite the fact that no discussion passes without considering the problems connected with the energy independence and energy security there is still vague notion of their level and methods of evaluation.

In order to understand and to solve that problem in this article the method of estimation of the integral index of the level of energy security evaluation is elaborated and implemented. This method can be used for all the countries united in the economic or regional unions and it also allows forecasting the indices of the energy security on the base of the available raw materials. A number of the approaches to the evaluation of the energy security, described in the special literature, were used as methodological basis for our study. The results of our study regarding the level of the energy security are based on the indices which are estimated by the international organizations and the forecasts are carried out with the help of the chosen methods.

РОССИЯ-США-ИРАН И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ АРМЕНИИ

Ваге Давтян

Статья посвящена вопросам геополитической конкуренции США, России и Ирана на Южном Кавказе и ее влиянию на формирование энергетической безопасности и независимости Армении. Представлен геополитический контекст основных энергетических проектов, осуществляемых, либо обсуждаемых сегодня в Армении. Среди них – газопровод Иран-Армения, возведение ГЭС на реке Аракс, возможное строительство нефтеперерабатывающего завода в Мегри и пр. Предпринята попытка определить наиболее приемлемые позиции для Армении в сложной геополитической архитектуре треугольника Россия-США-Иран.

Пересечение геополитических интересов крупных держав в южнокавказском регионе является одним из главных факторов, влияющих на формирование и обеспечение энергетической безопасности Армении. Начиная с распада СССР и вплоть до настоящего времени постоянная конкуренция таких государств, как Россия, США, Иран и др., направленная на укрепление политических и экономических позиций в регионе, так или иначе воздействовала и продолжает воздействовать на формирование стабильной энергосистемы Республики Армения.

Вопросы и проблемы, возникшие вследствие указанной конкуренции, требуют детального рассмотрения.

Россию, США и Иран сегодня следует рассматривать в качестве разных углов своеобразного геополитического треугольника, стороны которого преследуют одну и ту же цель: непосредственное воздействие на становление геополитической архитектуры Южного Кавказа. Иран при этом представляет собой главный, верхний угол треугольника, так как именно посредством этого государства как Россия, так и США стремятся реализовать свою геополитическую стратегию в регионе. Что касается позиций самого Ирана, то последний, безусловно, преследуя собственные интересы в регионе (о них речь пойдет ниже), выступает пока лишь своеобразной площадкой для споров между двумя супер-

державами, вернее, играет роль «яблока раздора» между ними. Однако более или менее подробный анализ сложившейся ситуации показывает, что Иран – государство, претендующее на роль региональной супердержавы и преследующее весьма амбициозные цели. Этому во многом способствует наличие в Иране больших углеводородных запасов. Как известно, страна занимает второе место в мире по запасам природного газа, которые оцениваются в 21 трлн м³, т.е. более 14% мировых запасов.

Обращаясь, в частности, к пересечению интересов России и Ирана на Южном Кавказе, следует отметить, что соперничество между этими двумя государствами имеет глубокие исторические корни. В XVIII–XIXвв. отношения между главными в то время на Каспийском море державами – Россией и Персией – регулировались двусторонними межгосударственными договорами, которые корректировались в зависимости от международных событий. Однако в целом они способствовали защите российских интересов. В 1813г. был заключен Гюлистанский договор, согласно которому Персия подтвердила свой отказ от власти над Восточной Грузией, Дагестаном, некоторыми восточноармянскими территориями, в том числе над Карабахом, а в 1828г. – Туркменчайский договор. Последним была подытожена русско-персидская война 1826–1828гг., которая завершилась победой России и переходом Восточной Армении в ее состав.

Дипломатия, проводимая современным Ираном со странами Южного Кавказа и с Россией, имеет особую специфику, сводящуюся к сотрудничеству в военной, энергетической, транспортной и иных сферах. Россия и Иран сегодня активно обсуждают перспективы сотрудничества и осуществляют мегапроекты, имеющие важное значение для обеих сторон. Однако можно ли назвать проекты, реализуемые Россией и Ираном, проявлением полноценного и открытого сотрудничества? Не присутствует ли здесь элемент конкуренции, приобретающий зачастую довольно жесткий характер? Какую роль в этом играет американский фактор? И, наконец, что приобретает (или теряет) Армения вследствие этого сотрудничества?

С целью раскрытия вышепоставленных вопросов остановимся на некоторых наиболее значимых армяно-ирано-российских проектах.

В 1995г. между Ираном и Госконцерном «Армгазпром» был подписан договор, согласно которому намечалась ежегодная поставка 1 млрд кубометров иранского голубого топлива в Армению в течение 15 лет. Однако вследствие отсутствия необходимых финансовых и прочих ресурсов проект долгое время оставался на бумаге. Лишь в 2005г. Республика Армения и иранская газовая компания «*SANIR*» подписали договор о строительстве первого 42-километрового участка газопровода Мегри-Каджаран. Для реализации начальной стадии

проекта Банк развития экспорта Ирана (*Iran's Export Development Bank*) предоставил необходимые кредиты. Открытие первого участка газопровода состоялось в марте 2007г. Однако строительство газопровода протяженностью в 42 км не в состоянии было обеспечить поставку необходимого объема газа на теплоэлектростанции страны. Исходя из этого, возникла необходимость строительства нового участка газопровода протяженностью 197,4 км, для реализации чего ЗАО «АрмРосгазпром» осуществило необходимые исследовательские, проектные и строительные работы. В настоящее время второй участок газопровода уже достроен и передан в эксплуатацию.

С началом строительства первого участка газопровода ведущие армянские эксперты и политики сразу же заговорили о возможном транзите иранского газа в третьи страны через территорию Армении. Предполагалось осуществить следующий транзитный маршрут: иранский газ, транспортируемый по территории Армении, должен был направляться в Грузию и дальше по дну Черного моря на Украину и в ряд европейских стран.

В феврале 2005г. на заседании комиссии Совета Федерации заместитель председателя правления ОАО «Газпром» Александр Рязанов заявил о том, что газопровод Иран-Армения может составить конкуренцию российско-турецкому газовому проекту «Голубой поток». «Если Газпром не примет участия в строительстве газопровода Иран-Армения, то неизвестно, куда пойдет этот газ», – прокомментировал А.Рязанов [1]. Напомним, что «Голубой поток» принадлежит компании «*Blue Stream Pipeline BV*» в лице СП «Газпрома» и итальянской корпорации *ENI*. В качестве основного конкурента «Голубого потока» рассматривается европейский проект *Nabucco*, планируемый как газопровод, прокладываемый в обход России и направленный на снижение зависимости стран ЕС от российских энергоресурсов. По предварительным оценкам, газопровод планируется передать в эксплуатацию к 2014г. Главным инициатором проекта *Nabucco* выступает американская сторона, что в очередной раз свидетельствует о наличии сложной и многовекторной геополитики. Изначально предполагалось, что газопровод должен был экспортировать газ из Азербайджана, Центральной Азии, Египта и Ирака. В 2005г. Ирак выпал из проекта как зона нестабильности. Что касается стран Центральной Азии и Азербайджана, то последние вследствие активной внешней политики России пока не могут определиться с участием в этом проекте. Становится очевидным, что именно участие Ирана может придать *Nabucco* более или менее реальные очертания. Идею участия Ирана в проекте начала активно продвигать также Турция. В начале 2009г. премьер-министр Турции Р.Эрдоган в Брюсселе выступил с заявлением о том, что проект *Nabucco* не имеет никакого смысла без участия иранской стороны. Мож-

но предположить, что именно этот подход к разрешению сложившейся для Запада проблемы заставил Б.Обаму сразу же после избрания его президентом США выразить готовность к установлению партнерских отношений с Ираном. Однако официальные переговоры относительно участия Тегерана в проекте пока не начаты. Последнее, как нам кажется, связано с вопросом регулирования российско-американских отношений. Наблюдая за активизацией сотрудничества в энергетической, военной и других сферах между Россией и Ираном и осознавая поражение проамериканского кандидата Мирхосейна Мусави на президентских выборах в Иране в июне 2009г., США вынужденно предлагают сегодня России сценарий «перезагрузки» отношений¹. Особенно это было проявлено во время официального визита президента Б.Обамы в Москву в июле 2009г.

По мнению авторов исследования «Геополитика Каспийского региона», «заинтересованность многих стран в использовании территории Ирана для прокладки трубопроводов сдерживается США, которые не без оснований считают, что огромные запасы углеводородного сырья на юге страны и выгодное географическое положение приведут к резкому возрастанию влияния Тегерана в Каспийском регионе, а соответственно, и к серьезным геополитическим изменениям». «Следовательно, – продолжают авторы, – долгосрочные интересы России заключаются в том, чтобы Иран был одним из ее союзников в регионе» [2]. И так, значимость иранского фактора в разрешении сложнейших геополитических комбинаций между Россией и США очевидна. Иран, в свою очередь, тоже осознает свою значимость в этой сложной геополитической игре и успешно пользуется этим.

В армянской политической мысли существует точка зрения, согласно которой Армения обладает определенными шансами стать участником проекта *Nabucco*. «В условиях нормализации армяно-турецкого диалога и активизации переговоров вокруг Нагорного Карабаха может создаться впечатление, что, возможно, газопровод *Nabucco* пройдет по территории Армении» [3], – пишет армянский политолог С.Саруханян. Автор считает, что на современном этапе уже можно говорить о возможности присоединения Армении к *Nabucco*. Правда, он делает оговорку, что даже в случае фиаско активизация политического диалога в этом направлении может дать Армении определенные дивиденды.

Возвращаясь к газопроводу Иран-Армения, отметим, что его нетранзитность во многом была обусловлена именно вышеизложенными обстоятельствами, сложившимися вокруг схемы «Иран-Армения – Голубой поток – *Nabucco*». Более того, газопровод Иран-Армения рассматривался как конкурент так назы-

¹ 6 марта 2009г. на состоявшейся в Женеве встрече с главой МИД РФ Сергеем Лавровым госсекретарь США Хиллари Клинтон подарила ему символический подарок в виде красной кнопки с надписью «Перезагрузка».

ваемому северному газопроводу, поставляющему российское голубое топливо в Армению по территории Грузии. Напомним также о таком немаловажном обстоятельстве, как сужение диаметра газопровода с 1.4 м до 70 см.

Газопровод функционирует на своеобразной бартерной основе: поступающий из Ирана природный газ перерабатывается на Разданской и Ереванской ТЭС в электроэнергию, которая, в свою очередь, экспортируется в Иран. Так, за 1 м³ иранского газа Армения платит 3 кВт/ч электроэнергии. Отметим, что еще при Советском Союзе электроэнергетическая система Армении была запланирована как энергоизбыточная, в то время как соседние с Арменией страны (Турция, Азербайджан, Грузия, Иран, Ирак) по сей день продолжают испытывать острый дефицит электроэнергии.

Итак, Иран в меру своих возможностей пытается использовать свой энергетический потенциал в сугубо политических целях. «Тегеран, вокруг которого все сильнее сжимается кольцо американского окружения (Ирак, Афганистан, Пакистан, а в перспективе, возможно, и Азербайджан), стремится не допустить превращения Закавказья в сферу влияния американских и натовских интересов... Энергетическая дипломатия в этом контексте рассматривается Тегераном как важный инструмент реализации общей стратегической линии» [4], – пишет А.Вартанян в статье «Энергетическая дипломатия Ирана в Закавказском регионе». К сказанному можно добавить, что газопровод Иран-Армения долгое время рассматривался Ираном как существенный элемент реализации указанной стратегической линии. Однако дальнейшее развитие событий показало, что газопровод потерял то геополитическое и геостратегическое значение, которое было изначально присуще ему.

Несмотря на то, что газопровод Иран-Армения так и не стал транзитным, все же следует оценить его роль в становлении энергетической безопасности Армении. Он позволил во многом диверсифицировать энергетическую систему республики, находящейся в своеобразной энергетической зависимости от соседней Грузии, через которую на протяжении многих лет пролегал единственный газотранспортный коридор, обеспечивающий Армению природным газом.

Газопровод Иран-Армения – не единственный проект, осуществляемый сегодня иранской, армянской и российской сторонами. Следует остановиться на таких важных для Армении проектах, как возможное строительство нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) на армяно-иранской границе, а также возведение гидроэлектростанций на пограничной реке Аракс и проект прокладки нефтепровода Тебриз – Мегри, находящийся пока еще на стадии переговоров. Происходит активное сближение сторон и по другим энергетическим направлениям.

15-20 сентября 2007г. в городе Мегри состоялась армяно-ирано-российская встреча экспертов по проекту строительства НПЗ. Встреча прошла при участии представителей Министерства нефти и газа Ирана, Министерства экономики РА и ЗАО «АрмРосгазпром». Основанием для осуществления этого проекта явилось решение президентов Армении и Ирана. По предварительным подсчетам экспертов, строительство НПЗ мощностью в 7 млн тонн в Армении обошлось бы примерно в \$600-700 млн [5].

После принятия решения о строительстве НПЗ ряд политологов и журналистов, анализируя сложившуюся в регионе ситуацию, заговорили о такой мотивации Ирана, как подготовка своей энергетической системы к функционированию в условиях экспансии США. Подобный подход, безусловно, обусловлен реалиями, существующими сегодня в геополитике региона.

Проект строительства НПЗ стал одним из самых обсуждаемых вопросов в политических и политологических кругах как Армении, так и Ирана. Однако на состоявшемся в сентябре 2008г. десятом заседании российско-армянской межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству российский сопредседатель комиссии, министр транспорта РФ Игорь Левитин официально заявил о нерентабельности строительства нефтеперерабатывающего завода. Он отметил, что этот проект невыгоден, поскольку в первую очередь не решены вопросы рынка сбыта и, соответственно, поставок сырья [6]. На этом проект был на время законсервирован. Однако сегодня руководство Армении ищет возможные пути его реализации. Так, в марте 2009г. после официального визита президента РА С.Саргсяна в Тегеран министр энергетики и природных ресурсов РА А.Мовсисян выступил с заявлением, согласно которому был принят проект реализации строительства НПЗ в Армении стоимостью \$250-280 млн. «НПЗ будет совместным армяно-иранским предприятием. Осуществление первого комплекса работ – постройки терминала для нефтепродуктов в Ерасхе и трубопровода для перегонки готовых нефтепродуктов из Тебриза – начнется уже в текущем году», – заявил министр [7].

В связи с заявлением российской стороны относительно нерентабельности строительства НПЗ в Армении допустима точка зрения, согласно которой Армения, располагая нефтеперерабатывающим заводом на своей территории, приобрела бы новую экономическую и политическую значимость в регионе, что во многом не соответствует геополитическим интересам ряда государств.

Следует затронуть еще одну, не менее важную сферу, способную проиллюстрировать геополитический контекст энергетического сотрудничества в регионе. В Армении, как уже отмечалось, отсутствуют энергетические ископаемые и единственным источником электроэнергии, не считая нетрадиционные

источники, являются гидроэнергоресурсы. Потенциальные гидроэнергоресурсы Армении определены величиной 21,8 млрд кВт/ч [8]. Сегодня часть гидроэнергетического сектора республики сконцентрирована в руках российской компании «Интер РАО ЕЭС»¹. Несмотря на явную монополию российского бизнеса на армянском энергетическом рынке, руководством Армении все же предпринимаются попытки диверсификации своей энергетической системы путем привлечения на внутренний рынок других иностранных компаний. Таковыми преимущественно являются иранские компании, уже неоднократно привлеченные к сотрудничеству с Арменией. 4 октября 2007г. Парламент РА ратифицировал армяно-иранское межправительственное соглашение о сотрудничестве по строительству и эксплуатации на реке Аракс гидроэлектростанций. Соглашение было подписано 19 марта 2007г. в городе Мегри в рамках встречи президентов Роберта Кочаряна и Махмуда Ахмадинежада. Согласно договору, было намечено в течение шести лет строительство двух гидроэлектростанций на приграничной реке Аракс: одной – на территории Армении, второй – на территории Ирана.

Сегодня уже завершена работа по разработке технико-экономического обоснования (ТЭО) проекта: установленная мощность каждой станции составит 130-140 МВт, а ежегодное производство электроэнергии – 840 млн кВт/ч. ТЭО проекта было разработано иранской компанией «Мехаборц» и субподрядчиком в лице института «Армгидропроект». Проект оценивается в \$250 млн. Можно предположить, что энергетический гигант «Интер РАО ЕЭС», будучи одним из ключевых игроков на армянском энергетическом рынке, так или иначе захочет принять участие в осуществлении проекта. Однако будет ли он осуществлен вне политического контекста, будут ли по возможности элиминированы геополитические интересы крупных держав в процессе строительства ГЭС, – покажет дальнейшее развитие событий. Уже сегодня можно говорить о заинтересованности ряда западных компаний в гидроэнергетическом секторе Армении. Так, особую заинтересованность как к гидро-, так и к возобновляемым источникам энергии Армении сегодня проявляют США, а также ряд немецких, норвежских, нидерландских, британских, украинских и других компаний.

Таким образом, конкуренция в рамках российско-американско-иранского геополитического треугольника непосредственным образом влияет на формирование энергетической безопасности Армении, придавая этому процессу то

¹ В Армении Интер РАО ЕЭС владеет 100% акций компании «Электросети Армении» и Севан-Разданским каскадом ГЭС, а также управляет финансовыми потоками Армянской АЭС.

положительные, то отрицательные оттенки. Безусловно, любая конкуренция есть свидетельство здоровых рыночных отношений. Сегодня уже однозначно можно говорить о том, что деятельность российских компаний на армянском энергетическом рынке способствует укреплению энергетической эффективности республики. Лишь при тандеме **безопасности и эффективности** мы можем говорить о возможных путях развития конкретной сферы. При этом **безопасность** следует воспринимать в качестве базиса, на котором должна строиться система **эффективности**.

Сегодня Республика Армения ищет пути реализации своего энергетического потенциала, что возможно лишь при активном сотрудничестве с иностранными государственными и частными компаниями. Последнее предполагает обмен опытом, внедрение новых технологий, ведение бизнеса на обоюдных и приемлемых условиях. Это, в свою очередь, приведет к трансформации указанного геополитического треугольника в геополитический квадрат с полноценным участием Армении. Можно констатировать, что проведение газопровода Иран-Армения, сооружение ГЭС на реке Аракс, строительство НПЗ и прочие совместные проекты при их грамотном экономическом и политическом осуществлении во многом определяют дальнейшее развитие энергетики Армении, а также ее интеграцию в региональный и международный энергетические рынки.

Сентябрь, 2009г.

Источники и литература

1. «Новое время», Ереван, 2005, 12 февраля.
2. Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. – М.: Международ. отношения, 2003. – 280 с.
3. Саруханян С. Газопровод Nabucco и Армения // Энергетическая и региональная безопасность. 2009, № 3, с. 3-8.
4. Вартанян А.М. Энергетическая дипломатия Тегерана в Закавказском регионе. – www.iimes.ru/rus/stat/2005/17-10-05.html (Институт Ближнего Востока).
5. Погосян С. Президенты решили: НПЗ в РА – быть! // Базис. – Ереван, август-сентябрь 2007, № 6-7 (20-21), с. 32.
6. www.paporama.am
7. www.IRANnews.com
8. 100 лет энергетике Армении // Под редакцией Л.В. Егиазаряна и др. – Ереван: Изд-во «Медиа-Модель», 2003. – 192 с.

RUSSIA-USA-IRAN AND THE ENERGY SECURITY OF ARMENIA

Vahe Davtyan

Resume

Today the energy security is considered to be one of the most important elements in the geopolitical architecture of South Caucasus region. The permanent political and economic competition between Russia, USA and Iran for superiority in the region has its great impact on the forming of the energy security of South Caucasus and Armenia in particular. The main power supply projects that are being realized in Armenia are investigated in the article. Their geopolitical importance both for Armenia and the region is pointed out. Many of those projects are discussed from the standpoint of the international energy security problems and their realization is often considered to be the consequence of the different geopolitical aims and interests of Russia, USA or Iran. For instance the Nabucco pipeline project is the embodiment of the competition between the abovementioned states and today it is worth considering in the context of the functioning of the Iran-Armenia pipeline.

How may Armenia determine its position on this complicated power chessboard? Is Armenia the equitable player in this geopolitical game of the great states or is it just an instrument for the achievement of some geopolitical aims for them? These are the crucial questions that should be put at the heart of the Armenian diplomacy and foreign policy.

ЗАКАВКАЗЬЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

*Сергей Гриняев**

Статья посвящена анализу ситуации, сложившейся в странах Закавказья под воздействием мирового финансово-экономического кризиса. Показано, что, как и большинство стран мира, закавказские государства оказались втянутыми в водоворот кризиса, их экономики понесли существенные потери. Особо отмечается, что кризис оказал влияние не только на социально-экономическую ситуацию, но в ряде случаев повлиял и на внешнеполитическую позицию государств Закавказья – в новых непростых условиях приходится искать иные решения прежних проблем. Особое внимание в статье уделено вопросу о российских интересах в Закавказье. Отмечается, что Россия сегодня вынуждена вести настоящую борьбу за сохранение своего влияния в регионе. Рассмотрена роль и влияние ряда международных проектов, реализуемых в регионе (таких, в частности, как *Nabucco*), в этой борьбе.

Коротко о главном

Кризис, разразившийся в мировой экономике в 2007г., продолжает определять основные тенденции и сегодня, спустя два года с начала серьезных экономических потрясений. Ситуация в мировой экономике по многим оценкам продолжает оставаться достаточно тревожной. По целому ряду показателей она лишь ухудшается. Прогнозы аналитиков сходятся в том, что начало выхода из кризиса начнется не ранее чем через 3-5 лет¹.

Вместе с тем, анализ и оценка особенностей развития нынешнего кризиса говорят о том, что это не «обычный» кризис, не очередная волна, связанная с перепроизводством того или иного товара, а нечто более серьезное и глубокое – это кризис системный, затрагивающий сами основы современной постиндустриальной цивилизации, накладывающийся на кризис социальный, культурный,

* Доктор технических наук, директор Института развития фондового рынка, г.Москва.

¹ http://www.volgograd.ru/business/obzor_fond/186102.pub

http://www.fedpress.ru/38/econom/banks/id_124598.html

духовный и др., что лишь усиливает синергетический эффект их взаимного влияния и разрушающего воздействия на современное общество. В итоге на рубеже первой четверти XXI века мир встанет перед лицом новой эпохи, требующей принципиально новой архитектуры.

В ситуации кризиса начинают стремительно развиваться процессы, связанные с переустройством системы мирового порядка. Характерной чертой международной активности в области антикризисного управления стало появление всевозможных форматов общения в рамках так называемых «G». Если до 2009г. существовал только формат финансовой G7 и ее расширенный – политический, с участием России, вариант – G8, то с начала 2009г. этот формат стал главным, вовлекая в свою орбиту все новые и новые страны. Стали говорить о G11, потом G15, G20 и даже о G50. При этом все с особым упорством отрицали даже саму возможность решения сколько-нибудь значимых вопросов, связанных с выработкой антикризисных мер международного характера, в рамках существующей системы мироустройства. До июня 2009г. об Организации Объединенных Наций не вспомнил никто. Все мировые СМИ были переполнены сообщений о международных встречах в различных форматах «G», результаты которых никак не вписывались в существующую систему международного права и отражали лишь желание богатейших людей мира организовать новый постиндустриальный передел мира.

Стремление пусть не «де-юре», а «де-факто» перекроить систему миропорядка вполне понятно. Наличие права вето у Постоянных членов Совета Безопасности ООН уже давно не дает покоя многим, и упустить такой шанс, как глобальный финансовый кризис, было просто невозможно.

Об ООН заговорили только в июне 2009г., когда в Нью-Йорке прошла конференция ООН на высшем уровне по глобальному финансово-экономическому кризису и его последствиям для развития. Характерной чертой этого мероприятия стало отсутствие глав ведущих западных государств.

Сегодня эксперты сходятся в одном – текущий финансово-экономический кризис управляем со стороны мировой финансовой элиты. Цель кризиса – сохранить доминирование нынешней элиты и заложить основы новой модели мировых финансов в условиях происходящих глобальных трансформаций. К числу последних относятся: предстоящее в ближайшем будущем исчерпание разведанных запасов углеводородного сырья; глубокое изменение климата, ведущее к трансформации геополитического пространства; существенное изменение миграционных потоков населения планеты; появление прорывных технологий в промышленности, способных кардинально изменить направление и темпы развития человечества.

По сути, перед устроителями нынешнего кризиса стоят те же задачи, которые ранее решались военной силой в ходе Первой и Второй мировых войн. Иными словами, сегодня идет мировая война, и ведется она средствами экономического давления, шантажа, спекуляций и подкупа (в качестве примера – на борьбу с кризисом Россия уже потратила более \$220 млрд, в то время как на обеспечение операций армии США в Ираке и Афганистане в течение года выделено \$160 млрд). Как результат – геоэкономическая картина мира принципиально меняется, меняются потребности и связанные с ними интересы мировых держав. Результатом подобных трансформаций является кардинальное изменение геоэкономической картины мира.

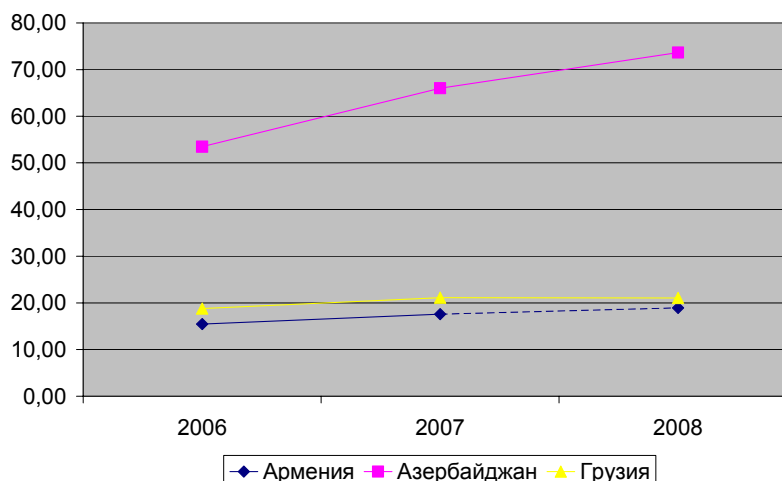
1. Общая оценка геоэкономической ситуации в Закавказье

В целом развитие ситуации в Закавказье в предкризисные годы характеризовалось напряженной стабильностью. Экономике закавказских республик пребывали в ожидании активной фазы развития целого ряда региональных энергетических проектов, получивших старт за последние несколько лет.

Достаточно высокими темпами шел приток иностранных инвестиций в страны региона, прежде всего в отрасли, так или иначе связанные с разработкой месторождений полезных ископаемых. Это повлекло за собой рост ВВП республик¹ (Рис. 1). Неплохие результаты были получены Азербайджаном, который активно вовлекал иностранный капитал в разработку собственных месторождений.

Рис. 1

Изменение ВВП республик Закавказья, млрд, \$

¹ Здесь и далее использованы данные *CIA FactBook*.

Высокие цены на энергоносители позволили Азербайджану накопить достаточно серьезные финансовые резервы, создав в стране механизм финансовой стабилизации (Рис. 2).

Рис. 2

Международные резервы стран Закавказья, млрд, \$

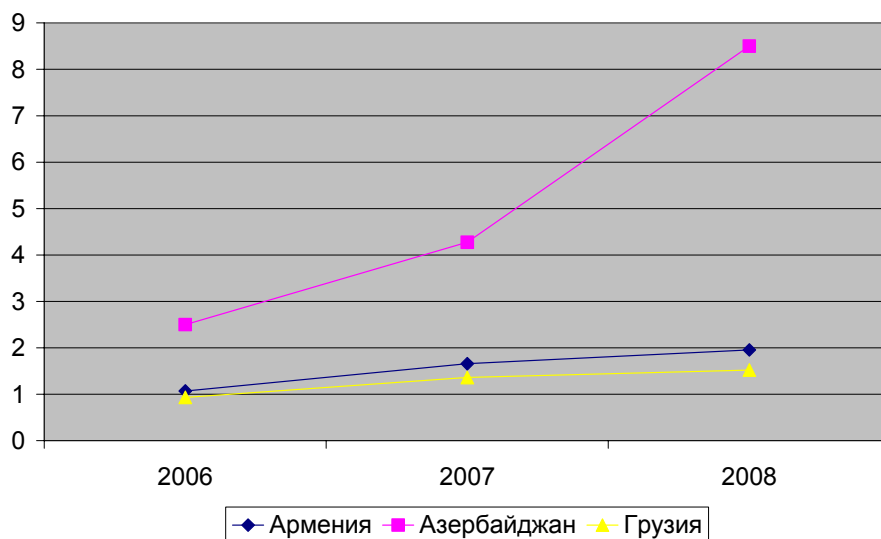
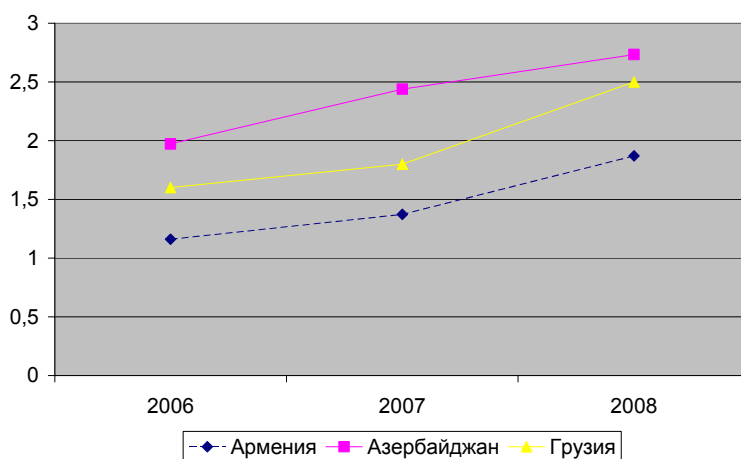

Рис. 3

Совокупный внешний государственный долг республик Закавказья

Однако, наряду с определенными успехами в экономике, продолжал расти и внешний долг республик Закавказья (*Рис. 3*).

Среди торгово-экономических партнеров стран Закавказья в рассматриваемый период также произошли существенные и достаточно интересные изменения, отчасти иллюстрирующие общие изменения обстановки в регионе¹.

Так, что касается Грузии, то ее продукция в 2005г. поставлялась на экспорт в следующие страны: Россию (18,1%), Турцию (14,3%), Азербайджан (9,8%), Туркменистан (8,9%), Болгарию (5%), Армению (4,7%), Украину (4,4%), Канаду (4,2%). В тот же год основными поставщиками импорта в Грузию были: Россия (15,4%), Турция (11,4%), Азербайджан (9,4%), Украина (8,8%), Германия (8,3%), США (6%).

Но уже в 2007г. ситуация изменилась. Грузинская продукция стала поставляться на экспорт в следующие страны: Турцию (13%), США (11,2%), Азербайджан (6,3%), Великобританию (5,4%), Болгарию (5,1%), Украину (5%), Армению (4,8%), Туркменистан (4,5%), Канаду (4,2%). Основными поставщиками импорта в Грузию были Турция (14%), Россия (12,3%), Украина (8,5%), Азербайджан (7,3%), Германия (6,8%), США (5%), Болгария (4,6%).

Азербайджан в 2005г. предпочитал торговать со следующими странами. Экспорт: Италия (30,3%), Франция (9,4%), Россия (6,6%), Турция (6,3%), Туркменистан (6,3%), Грузия (4,8%), Израиль (4,5%), Хорватия (4,1%). Импорт: Россия (17%), Великобритания (9,1%), Сингапур (9,1%), Турция (7,4%), Германия (6,1%), Туркменистан (5,8%), Украина (5,4%), Китай (4,1%).

Что касается Армении, то в рассматриваемые годы ее внешнеторговый баланс формировался за счет торговли со следующими странами. В 2005г. импортный товар поступал из следующих стран: Россия (13,5%), Бельгия (8%), Германия (7,9%), Украина (7%), Туркменистан (6,3%), США (6,2%), Израиль (5,8%), Иран (5%), Румыния (4,2%). На экспорт продукция шла в Германию (15,6%), Нидерланды (13,7%), Бельгию (12,8%), Россию (12,2%), Израиль (11,5%), США (11,2%), Грузию (4,8%).

В 2007г. ситуация изменилась. Так, экспортные поставки осуществлялись в Россию (17,5%), Германию (14,7%), Нидерланды (13,5%), Бельгию (8,7%), Грузию (7,6%), США (6,6%), Швейцарию (4,3%), Болгарию (4,1%), Украину (4%). Импорт шел из стран: Россия (15,1%), Украина (7,7%), Казахстан (7,4%), Германия (6,8%), Китай (6%), Франция (4,6%), США (4,5%), Иран (4,3%).

Вместе с тем, анализ и оценка складывающейся обстановки позволили предположить, что уже на рубеже 2005-2006гг. в результате концентрации и взаимного пересечения в регионе интересов ряда ведущих стран мира (Россия, Германия, Великобритания, США и Китай), прежде всего, в вопросе беспрепятственного доступа к ресурсам Каспийского региона, ситуация в регионе могла

¹ Источник *CIA FactBook*.

кардинально измениться. Более того, становилось понятным, что некий статус-кво ситуации, сложившийся в регионе ранее, к 2006г. уже не устраивал некие силы, которые с этого момента целенаправленно работали на дестабилизацию ситуации в регионе.

Весьма любопытным фактом развития ситуации в регионе стала активизация деятельности в Закавказье израильских официальных и неправительственных организаций. В частности, к 2005г. относится начало активного военного сотрудничества Израиля и Грузии. К этому же периоду относится и разработка системы охраны и обороны войсками НАТО нефтепровода «Баку-Тбилиси-Джейхан» (основными участниками проекта являются *BP* (30,1%), ГНКАР (25%), *Unocal* (8,9%), *Statoil* (8,71%), ТРАО (6,53%), *ENI* (5%), *Itochu* (3,4%), *ConocoPhillips* (2,5%), *INPEX* (2,5%), *Total* (5%) и *Amerada Hess* (2,36%)).

Еще в 2003г. в ряде СМИ появилась информация о подготовке американскими инструкторами в Азербайджане специальных отрядов, получивших название «Каспийский страж», для оперативного решения задач по охране объектов добычи и транспортировки сырья из Каспийского региона¹. В тот же период активно обсуждалась возможность отправки американских военнослужащих в регион для решения тех же задач². И, хотя руководство НАТО официально отказалось от охраны нефтепровода³, по неофициальным данным часть воинского контингента НАТО, а также сотрудники частных военизированных охранных предприятий из США и других стран Запада все же выполняют эти задачи на территории Грузии и Азербайджана. Взятие под охрану этого стратегического объекта силами НАТО внесло еще один существенный дестабилизирующий фактор в общую ситуацию в регионе.

Первыми сигналами о скором изменении обстановки в регионе стали резкое ухудшение российско-грузинских отношений в 2005г., вызванное стремлением грузинских властей к скорейшему закрытию российских военных баз, вывода личного состава ГРВЗ и возможного их замещения войсками НАТО. На этот же период пришлось и активизация в России террористической активности, сопровождавшаяся смещением центра противостояния федералов и незаконных вооруженных формирований в Ингушетию (с возможными последующими планами на эскалацию межэтнического конфликта ингушей и осетин).

Начало мирового финансово-экономического кризиса, пришедшее на осень 2007г., первоначально не оказало прямого воздействия на ситуацию в Закавказье. Результаты воздействия кризисных явлений на экономики и социальную сферу стран Закавказья стали ощущаться со второй половины 2008г., приобретая видимые очертания с начала 2009г.

¹ http://www.rspenergy.ru/main/content.asp?art_id=3576

² <http://www.rususa.com/news/news.asp-nid-1447-catid-3>

³ http://www.rspenergy.ru/main/content.asp?art_id=3576

Наиболее резким и значимым событием, напрямую связанным с обострением экономической ситуации в мире, стала агрессия Грузии против Южной Осетии. Грузинское руководство и его западные советники в условиях разрастающегося кризиса мировой экономики стремились решить, как минимум, две основные задачи. Во-первых, попытаться разрешить внутренние проблемы Грузии, а, во-вторых, дестабилизировать ситуацию на российском финансовом рынке. Надо признать, что если первая задача провалилась, то вторая была достигнута – именно с начала конфликта в Южной Осетии российские биржевые индексы начали стремительно снижаться, вовлекая в кризис всю финансовую систему страны.

Однако этот конфликт ярко высветил и иные аспекты трансформации геополитической ситуации на Кавказе и Закавказье, одним из которых является прояснение геополитических интересов Израиля в регионе.

Как оказалось, именно военные инструкторы из этой страны в массовом порядке участвовали в подготовке грузинских военнослужащих¹. Столь масштабное военное присутствие этой страны в Закавказье тогда оказалось неожиданным для большинства российских аналитиков.

Вместе с тем, хотя военное сотрудничество Израиля и Грузии было достаточно четко высвечено в период конфликта летом 2008г., многое о роли этой страны в регионе остается в тени. Так, по некоторым данным, Израиль в последние годы существенно активизировал свои контакты не только с Грузией, но и с Азербайджаном и Арменией. Характерен, в частности, такой факт – примерно в это же время Грузия, Армения и Азербайджан в результате геостратегической нарезки пространства были отнесены ЦРУ США к ближневосточному региону. Тем самым была подтверждена стратегия формирования администрацией США Большого Ближнего Востока. Похоже, что роль координатора проекта выполняет Израиль, но у него не все удачно складывается.

Что касается влияния кризиса на Армению, то здесь также есть существенные аспекты, связанные с попытками пересмотреть ряд внешнеполитических тезисов, доминировавших в последние годы, но существенно осложняющих ситуацию в стране в условиях кризиса.

Оценки показывают, что ситуация в Армении сложная – кризис в полной мере затронул экономику этой страны. Видимое начало кризису было положено серьезной девальвацией армянского драма – сразу на 30%². Сегодня в Армении 71% населения уже ощущает, что кризис отразился на экономике страны³.

¹ <http://www.newsru.com/world/23sep2008/war.html>

<http://www.inosmi.ru/translation/243803.html>

² <http://www.rosbalt.ru/2009/03/06/623907.html>

³ <http://www.rosbalt.ru/2009/06/30/651229.html>

Ситуация в стране усугубилась тем, что существенную долю ВВП республики формировали средства, перечисляемые представителями диаспоры из разных стран мира¹. Ухудшение финансового положения представителей диаспоры оказало и серьезное негативное воздействие на экономику Армении.

Другим фактором, негативно повлиявшим на экономическую ситуацию в республике, стала проблема возврата в страну армянских рабочих, трудившихся за рубежом. В армянских источниках не приводится точной статистики по количеству вернувшихся, однако предполагается, что их число значительно. Эти категории граждан Армении пополняют ряды безработных и увеличивают социальные расходы правительства.

Наряду с этим объем денежных переводов (почти 80% из которых шло из России), составлявший \$2,5 млрд в год (это почти 20% армянского ВВП), упал в 2009г. на 25%.

В целом анализ показывает, что кризис затронул все без исключения страны Закавказья, причем достаточно серьезно и глубоко. Развитие кризисных явлений заставляет руководство этих стран искать пути стабилизации ситуации в экономике, зачастую используя такие приемы и методы, которые в прежние годы казались невозможными, что может привести к обострению ряда региональных конфликтов.

Характернее и тот факт, что Россия, не имевшая четкой позиции в отношении стран Закавказья до кризиса, оказалась не в полной мере готова оперативно реагировать на стремительные изменения обстановки в регионе, что проявилось в серьезных колебаниях вектора внешнеполитических интересов на пространстве СНГ.

2. Удастся ли России выстоять в борьбе за СНГ?

Анализом и изучением влияния кризиса на отношения в рамках СНГ сегодня в России занимается достаточно большое число экспертов. Их общим выводом является то, что кризис усилил разницу в социально-экономическом развитии стран СНГ. По некоторым оценкам, такая ситуация уже спровоцировала центробежные тенденции в Содружестве².

В аналитических исследованиях отмечается, что руководители большинства стран СНГ не выработывали специальных антикризисных планов, более того, – у Содружества нет единого плана совместных действий³.

Вместе с тем следует отметить, что российское руководство понимает воз-

¹ <http://www.inosmi.ru/translation/248862.html>

² <http://www.gazeta.ru/financial/2009/06/25/3215222.shtml>

³ <http://www.fbkr.ru/upload/contents/561/anticrisis-CIS.pdf>

возможные последствия того, что в условиях кризиса будет ускорен процесс деинтеграции СНГ. Именно поэтому был предпринят ряд мер, направленных на поддержку экономик стран СНГ. В частности, Россия уже предоставила ряду стран СНГ кредиты на достаточно льготных условиях (в отличие от стран Запада, требующих преференций – как политических, так и экономических).

Наиболее значимым фактором, способствующим приостановке начавшихся центробежных тенденций среди стран СНГ, является создание Антикризисного фонда ЕврАзЭС, в нем из \$10 млрд 7,5 внесла Россия¹.

Стремление России не допустить дальнейшего отдаления от себя стран ближнего зарубежья уже вызывает серьезные нарекания со стороны экспертного сообщества в США. Так, в частности, в одной из последних работ² известные американские эксперты А.Коэн и Л.Сасди предлагают для администрации Б.Обамы такой план неотложных мер по недопущению укрепления экономических позиций России в СНГ:

- создать «общемировую систему безопасности», способную отслеживать инвестиционную деятельность России и других государств, настроенных против Запада, в первую очередь, в тех отраслях экономики, которые напрямую связаны с обороной и безопасностью;
- укреплять сотрудничество в сфере безопасности с добывающими энергоресурсы странами – соседями России, а также с другими государствами, с которыми она старается наладить взаимодействие в энергетической сфере, для чего использовать различные программы, в том числе по модернизации их вооруженных сил и силовых структур, задействовав программу НАТО «Партнерство ради мира»;
- расширять сотрудничество со спецслужбами и правоохранительными органами других стран, чтобы контролировать финансово-экономические операции российских государственных структур и олигархов, потенциально связанные с отмыванием денег, коррупцией и нечестной конкуренцией, для чего сделать сбор надежных разведанных о сомнительной деятельности России одной из приоритетных задач правоохранительных органов США и их союзников;
- поощрять транснациональные корпорации США и других стран к соперничеству с такими российскими компаниями, как «Газпром», в борьбе за энергетические проекты, на которые Российская Федерация претендует в Индии, Юго-Восточной Азии, Африке и Латинской Америке. Стремиться к внедрению альтернативных источников энергии по всему миру, что по-

¹ <http://www.oko-planet.su/politik/newsday/14431-dmedvedev-vnes-v-gosdumu-na-ratifikaciyu-dogovor.html>

² *The Heritage Foundation*, 30 января 2009г.

зволило бы преодолеть чрезмерную зависимость от энергетических поставок из России, Ирана и Венесуэлы, открыто стремящихся подрвать экономическую и военную мощь Запада;

- пресекать антирыночные, политизированные, тайные или незаконные действия любой страны по подрыву западных рынков сбыта и безопасности США, к чему все активнее стремится Россия;
- обеспечить возглавляемый министром финансов Комитет по иностранным инвестициям в США (КИИ) – как инструмент противодействия России – необходимыми ресурсами и поддержкой для проведения исследований в соответствии с американским законодательством, побуждая союзников к созданию аналогичных институтов для оценок угроз собственной национальной безопасности.

Сокращение энергетических доходов России в результате нынешнего спада в мировой экономике, констатируют они в заключение своей статьи, может способствовать смягчению ее внешнеполитического курса, направленного на снижение роли США, замедлить усиление и модернизацию ее вооруженных сил. Тем не менее, США не следует рассчитывать на это объективное обстоятельство и администрации Б.Обамы необходимо разработать «всеобъемлющую стратегию» для обуздания экономической экспансии России.

В этой работе характерно то, что авторы отразили общее ощущение угрозы, исходящее от России, которое в последние годы активно выращивается на Западе. Достаточно вспомнить попытку в 2006г. российского банка ВТБ увеличить свою долю в акционерном капитале европейского концерна *EADS*. Эта попытка повлекла за собой ряд инициатив со стороны руководства ЕС и США с требованием запретить инвестирование иностранных государственных фондов в стратегические предприятия.

В этой связи вполне обоснованно можно предположить, что последовавшие в 2006-2009 гг. инициативы в отношении стран СНГ со стороны руководства США и ЕС, так или иначе отражали именно те мысли, которые чуть позже нашли воплощение в работе А.Коэн и Л.Сасди.

Среди таких инициатив можно перечислить, во-первых, программу реконструкции газотранспортной системы Украины с последующим установлением контроля над ней со стороны ЕС; во-вторых, запуск программы «Восточное партнерство»; в-третьих, подписание документов по проекту *Nabucco*.

Что касается первой инициативы, то, подписанное в марте 2009г. соглашение Украины и ЕС во многом остается лишь декларацией. Многие эксперты уже в момент подписания называли этот документ рекламным ходом и элемен-

том политического торга украинского руководства. Сегодня уже достаточно четко видится, что в условиях углубления финансового кризиса ЕС профинансировал только подготовку бизнес-плана и эскизного проекта выполнения работ по реконструкции ГТС Украины. На остальные работы сегодня у ЕС средств нет.

В отношении второй инициативы – «Восточное партнерство» – ситуация схожая, хотя и несколько более запутанная.

Известно, что США и ЕС достаточно давно и активно используют подобную форму работы со странами, в которых сосредоточены их интересы. Для примера можно вспомнить программу «Партнерство ради мира», активно разрабатываемую руководством НАТО для потенциальных членов альянса.

Официальное определение программе «Восточное партнерство» звучит следующим образом¹ – это проект, официально предлагаемый Европейским союзом. Он был презентован министром иностранных дел Польши при участии Швеции на Совете по внешним отношениям 26 мая 2008 года. Главная цель проекта это сближение ЕС с 6 странами бывшего СССР – Украина, Молдавия, Азербайджан, Армения, Грузия и Белоруссия. Является дополнением к «Северному измерению» и к «Средиземноморскому союзу» как почва для дискуссий по визовым соглашениям, соглашениям о свободной торговле и стратегическому партнерству со странами – восточными соседями, заменяя дискуссии о расширении Евросоюза и вступления туда этих стран.

Неоднозначность в оценке странами ЕС целесообразности продолжения проекта характеризуется хотя бы тем, что 2 июля 2009г. премьер-министром Швеции было заявлено о приостановке проекта до декабря 2009г.² Но уже на следующий день, 3 июля, со стороны секретариата ЕС последовало заявление о продолжении финансирования проекта³. Столь оперативные и полярные решения заставляют задуматься об истинных целях проекта.

Наряду с этим, в последнее время в СМИ появилось достаточно много комментариев и экспертных оценок, отражающих суть и характер целей проекта «Восточное партнерство».

Особого внимания заслуживает материал американского эксперта Рика Розоффа⁴. По его мнению, реальная цель формирования «Восточного партнерства» состоит в завершении слома СНГ, ЕврАзЭС, членами которого являются Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан, и Органи-

¹ http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%B5%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE

² <http://www.regnum.ru/news/1181665.html>

³ <http://www.regnum.ru/news/1182010.html>

⁴ <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=12299>

зации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также в недопущении формализации союзных отношений между Россией и Белоруссией¹. Иными словами, задача «Восточного партнерства» – изолировать Россию от шести из двенадцати государств-членов СНГ притом, что другие пять из них находятся в поле действия еще одной интеграционной инициативы Евросоюза («Северное измерение»). По мнению эксперта, конечном итоге, Евросоюз намерен с помощью «Восточного партнерства» вывести постсоветские республики из сферы взаимодействия с Россией в вопросах торговых отношений, политики и безопасности и осуществить их интеграцию в евро-атлантические структуры в диапазоне от ЕС до НАТО². В этом ключе вполне логичным видится достаточно неожиданное заявление генерального секретаря НАТО³.

В своей статье Рик Розофф отмечает весьма любопытный факт: результатом состоявшегося в прошлом году в Румынии саммита НАТО стала значительно более тесная политическая и военная интеграция, если не сказать слияние, Евросоюза и НАТО и, в частности, соглашение о разделении труда между Евросоюзом и НАТО по принципу «мягкая сила» – «жесткая сила»⁴. Именно в этом формате «Партнерству» предстоит продемонстрировать возможности «мягкой силы» и показать, что решение о его учреждении было принято в числе прочего и под влиянием августовского конфликта в Грузии⁵.

Далее Рик пишет⁶, что впервые предложение о создании «Восточного партнерства» было сделано в мае 2008г., но импульс его реализации был дан стремлением Евросоюза дополнить в духе «мягкой силы» решение НАТО о создании Комиссии «НАТО – Грузия», принятое после того, как летом 2008г. вторжение Грузии в Южную Осетию спровоцировало войну на Кавказе. Роль Евросоюза – действовать средствами «дипломатического убеждения» и предоставлять экономические субсидии, в то время как НАТО в целом и страны-члены НАТО по отдельности продолжают снабжать Грузию передовым наступательным вооружением и системами разведки, а также обучать ее армию и поставлять для нее штат постоянно действующих советников.

Как проявление истинных намерений Евросоюза можно рассматривать и то обстоятельство, что Белоруссия была включена в список партнеров только при условии принятия ею плана совершенствования демократии⁷. Аналогичное требование не было явным образом сформулировано в отношении Армении, но

¹ <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=12299>

² Там же.

³ <http://delo.ua/news/110063/>

⁴ <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=12299>

⁵ PanArmenian.net, December 11, 2008

⁶ <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=12299>

⁷ PanArmenian.net, December 12, 2008

в силу двух имеющих критическое значение причин она попадает в ту же категорию, что и Белоруссия. Армения и Белоруссия находятся во втором эшелоне кандидатов на участие в «Восточном партнерстве», и от них потребуются долгое «совершенствование» прежде, чем они будут поглощены в процессе «мягкой» экспансии на Восток.

По мнению автора, важно и то, что ни Армения, ни Белоруссия не состоят в ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова) – блоке, созданном в 1997г. в противовес СНГ в результате общих усилий администрации Клинтона и ее европейских союзников¹. Сопровождавшаяся жертвами среди населения «революция тюльпанов», имевшая место в Армении год назад, и сорвавшаяся два года назад «джинсовая революция» в Белоруссии не дали таких результатов, как их успешные прототипы в Грузии в 2003, на Украине в 2004 и в Киргизии в 2005гг., и, следовательно, пришло время применения иных средств политической переориентации Армении и Белоруссии и вывода этих стран из тесных союзнических отношений с Россией².

Вскоре после анонса новой инициативы, британская *The Telegraph* писала: «Сегодня Польша бросает вызов своему могучему восточному соседу – России, предлагая Евросоюзу распространить свое влияние вглубь территории бывшего Советского Союза путем учреждения «Восточного партнерства». Это мероприятие станет особенно сильным раздражителем для Кремля в том случае, если осуществится план привлечь к участию в данном Партнерстве Белоруссию»³.

В канун саммита ЕС в декабре 2008г., формализовавшем планы по учреждению «Партнерства», в грузинской газете *Georgian Daily* появился следующий комментарий: «...Этот недавний шаг может иметь еще одно последствие, о котором в настоящее время, похоже, никто не задумывается. В 1990-х годах США играли основную роль в проталкивании идеи предоставить членство в Евросоюзе восточно-европейским странам с тем, чтобы членство в ЕС стало промежуточным этапом на пути вступления в НАТО. Если этой концепции суждено возникнуть вновь (а некоторым из ее авторов предстоит возвращение в Белый дом в качестве сотрудников администрации нового президента Обамы), то изменения ожидают и Евросоюз, и НАТО, и отношения Москвы и Брюсселя, что приведет к новым осложнениям между Востоком и Западом»⁴.

Заключение

Таким образом, подводя некоторый итог можно констатировать, что развитие ситуации во многих регионах мира, включая Закавказье, тесно связано с общей ситуацией в мировой экономике и дальнейшим развитием кризисных явлений.

¹ <http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=12299>

² Там же.

³ *The Telegraph*, May 26, 2008

⁴ *Georgian Daily*, December 8, 2008

Ситуация в Закавказье показательна в том плане, что на ее примере еще раз достаточно четко прослеживается рукотворный характер текущего финансово-экономического кризиса. Это видно по тому, как сегодня достаточно эффективно задействуются те механизмы «мягкой силы», которые были заложены три-четыре года назад, когда о кризисе не говорилось и слова.

К сожалению, российское руководство во многом осознало большинство проблем, связанных с сохранением единства ближнего зарубежья, только теперь, и только теперь начинают выстраиваться некоторые механизмы. Но для начала их эффективной работы требуется время, которого сегодня крайне не достаточно.

С другой стороны противники России сегодня лишь наращивают эффективность заранее спланированных и частично реализованных проектов, которые сегодня уже работают лишь на результат.

Вместе с тем остается все же надежда на то, что прилагаемые усилия принесут свои плоды и Россия сохранит и частично восстановит утраченные за долгие годы позиции в Закавказье.

Август, 2009г.

TRANSCAUCASIA AMID THE GLOBAL CRISIS

Sergey Grinyaev

Resume

Article is devoted to the analysis of the situation which has developed in the countries of Transcaucasia under the influence of world financial and economic crisis. It is shown, that the Transcaucasia states as well as the majority of the countries of the world have appeared involved in whirlpool of crisis, their economy had essential losses. It is especially noticed, that the crisis has influenced not only a social and economic situation, but in some cases has affected a foreign policy position of the states of Transcaucasia as well - in new uneasy conditions it is necessary to search for other decisions of former problems. The special attention in article is given to a question of the Russian interests in Transcaucasia. It is noticed, that Russia is compelled to conduct today the present struggle for preservation of the influence in the region. The role and influence of some of the international projects realized in the region (such, in particular, as NABUCCO) is considered in this struggle.

КРИЗИС: ЖЕСТКИЕ РАМКИ ГЛОБАЛЬНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО УРОВНЕЙ РАЗВИТИЯ

Игорь Багирян

Текущий кризис представляет собой целостное явление – фундаментальную причину, выразившую себя комплексом негативных процессов. При этом начало кризиса лежит в выходе экономики как подсистемы из естественных ограничений общей системы общественного развития – превращение экономики в самодовлеющую силу. Пути преодоления этих негативных явлений стали предметом рассмотрения в данной статье.

1. Отображение кризиса в общественно-экономической жизни, его основные формы

В мировой экспертной среде уже сложился консенсус относительно того, что текущий кризис представляет собой целостное явление – фундаментальную причину, выразившую себя комплексом негативных процессов.

Эти процессы можно разбить по следующим группам:

1. экономика в целом

- структурные дисбалансы на отраслевом и страновом уровне, приведшие к *резкому сокращению мирового спроса*,
- рост нестабильности – *непрогнозируемость макроэкономической среды* (валютные курсы, уровень цен, налоговые ставки, приоритеты государственной политики и связанные с этим льготы) для бизнеса,
- рецессия – *остановка роста валового внутреннего продукта*,
- *рост дефицита государственного бюджета* у основных лидеров мировой экономики.

2. финансовая система

- падение биржевых индексов и капитализации,
- сокращение и ужесточение условий кредитования,
- банкротство отдельных финансовых институтов,
- расширяющееся негативное воздействие фондового рынка на экономику при его неспособности самостоятельно стабилизироваться,

3. социальная сфера

- падение занятости,
- сокращение потребительских расходов,
- недопустимо высокий уровень рисков в использовании средств пенсионных фондов и страховых компаний,

4. общий психологический фон

- состояние неуверенности в будущем,
- потеря доверия к управляющей системе на национальном уровне,
- отсутствие надежных форм помещения денежных средств, работающих в прошлом – недвижимость, валюта развитых стран, золото.

Сравнивая настоящий кризис с предыдущими – валютно-финансовыми, 1992-93гг. Европа (Англия, Италия, Швеция, Норвегия, Финляндия), 1994-95гг. (Латинская Америка), 1997-98гг. Азия (Южная Корея, Малайзия, Таиланд, Индонезия), мировое экспертное сообщество логически пришло к выводу, что, с одной стороны, текущий кризис является их естественным продолжением и развитием, а с другой – принципиально отличается системностью и масштабом.

Выражаясь медицинским языком, причины текущей болезни – кризиса – работали уже в 1990-х годах, но поскольку лечение проводилось на уровне следствий (корректировка отдельных финансовых институтов), болезнь загонялась внутрь, где она продолжала развиваться и наконец проявилась во всей своей полноте.

Уже относительно прошлых кризисов эксперты единодушно выделили три основных причины их возникновения:

- избыточная ликвидность в форме спекулятивного капитала,
- оторванность финансовой системы от реального сектора – виртуальность финансовой системы, прежде всего в секторе фондового рынка,
- страновой эгоизм, прежде всего США, стремящихся стерилизовать избыточную денежную массу, выбрасываемую во внешний мир.

Только на периферии некоторых провинциальных стран, в которых аналитика работает со сдвигом во времени, продолжали утверждать с точностью до наоборот: проблемы национальной экономики в неразвитости фондового рынка – в недостатке ее виртуальности.

2. Причины кризиса

Отчетливо выделяются две группы причин кризиса:

1. Первая связана с логикой процесса превращения экономики в самодовлеющую силу,
2. Вторая – с имперской политикой США.

2.1 Самодостаточность экономики – первопричина кризиса

Системность и масштабность кризиса настолько велики, что уже не только эксперты, но и руководители развитых стран говорят о необходимости смены всей парадигмы (основные исходные концептуальные тезисы) общественного развития.

Относительно первопричины кризиса, его исходной движущей силы можно констатировать практически единодушное совпадение мнений экспертов: начало кризиса лежит в выходе экономики как подсистемы из естественных ограничений общей системы общественного развития – превращение экономики в самодовлеющую силу.

Не случайно поэтому, что в качестве определяющей характеристики типа общественной системы используются экономические понятия – общество с «рыночной экономикой». *Интересно, что именно в этом и состоит суть марксистского подхода, в основе которого – рассмотрение экономики как базиса общественных отношений. И кем тогда считают себя современные экономисты, не говоря уже о наших национальных?*

Развитие процесса превращения экономики в самодовлеющую силу (экономизация общества) неизбежно повлекло ряд повторяющихся по форме стадий – фаз, когда часть подсистемы выходит из-под контроля ограничений системы:

экономизация → финансовая система → фондовый рынок → производные финансовые инструменты (деривативы) (1)

Отрыв экономики от реальной общественной жизни обусловил на второй стадии отрыв финансовой системы от реального сектора. Третья фаза – это ускоренная виртуализация уже внутри финансовой системы через усложнение фондового рынка. На последнем отрезке времени капитализация в США росла в 2 раза быстрее валового внутреннего продукта, а с учетом того, что на фондовом рынке значительную долю составляют акции финансового сектора, темпы роста финансового сектора в реальности более чем в 3-4 раза опережают темп роста валового внутреннего продукта.

В этом контексте очень важно осознать следующее.

Цепочка (1) описывает хронологию разворачивания процесса виртуализации экономики и через нее – всей общественной жизни.

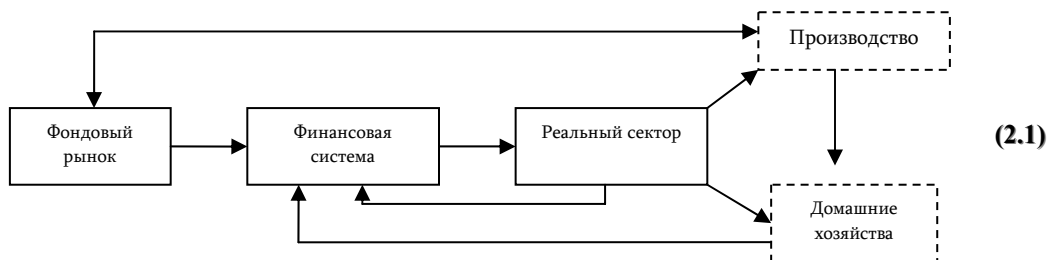
Причинно-следственная связь между подсистемами (1) описывается обратной схемой:

новые инновационные институты фондового рынка, связанные с деривативами → фондовый рынок → финансовая система → реальный сектор → экономика в целом (2)

Другими словами, предельно усложненная виртуальная, абстрактная реальность определяет первичную – производство. На опасность этого процесса четко указывал в свое время основоположник институционализма в США Томас Веблен.

Ниже приводится анализ отдельных отрезков схемы (2).

Реальный сектор и финансовая система

Взаимосвязи с фондовым рынком и банковской системой (схема 2.1) усиливают несовпадение спроса и предложения в реальном секторе.

Эти связи были жестко обусловлены современной инновационной моделью экономики, ориентированной на навязывание все новых потребительских товаров и услуг. Излишне высока доля «новой экономики» в США. Общая капитализация реального сектора \$10 трлн, из них \$2.5 трлн – новая экономика.

Правильное утверждение о необходимости превращения науки в непосредственный главный двигатель экономики на практике обернулось навязыванием неоправданно ускоренного обновления парка бытовой техники.

С этой целью интенсивно использовались мощнейшие психологические методы обработки сознания потребителей в рекламных кампаниях.

В комплексе с психологическими методами рекламы были задействованы механизмы потребительского кредитования.

В итоге были запущены два заведомо тупиковых негативных процесса субъективного характера с обязательными итогами:

- Неизбежно должна была наступить фаза «усталости спроса» – потребителям надоест чрезмерно быстрый процесс обновления используемой техники и услуг.
- Индивид привыкает жить не по доходам, что приводит к потере чувства ответственности в процессе принятия решений. Это, собственно, и произошло в сфере ипотечного кредитования США, в которой малоимущим слоям был максимально обеспечен доступ к кредитам.

Сходная ситуация сложилась также в реальном секторе в сфере производства товаров и услуг. Фирмы были поставлены в жесткие условия необходимости постоянного заимствования внешних финансовых ресурсов. В противном случае увеличивался риск неконкурентоспособности.

Поскольку весомым источником финансовых ресурсов выступает фондовый рынок, производящие фирмы оказываются жестко связанными с показателем капитализации их акций. Этот критерий – максимизация курсовой стоимости акций, давно стал классикой теории финансового менеджмента.

Но это означает существенное смещение центра тяжести в управлении фирмой от совершенствования технологии – рост производительности труда, к манипулированию дивидендной политикой.

Рост цен на акции связан не с улучшением ситуации в реальном секторе (производительность труда), а с субъективными ожиданиями, которые создают положительную саморазгоняющуюся связь с курсом акций. За последние 15 лет общая торговля акциями выросла в 80 раз. Прибыли корпораций росли в 3-4 раза, а темп роста ВВП не превышал 5%, т.е. были дополнительные вливания в акции корпораций США.

Курсовая стоимость акций играет ключевую роль и для возможности получения банковских кредитов под залог акций. В результате создается взаимообуславливающий риск – положительная обратная связь между реальным и финансовым сектором. **Классическая роль банков в постоянной оценке соответствия кредита уровню риска оказалась оттеснена на второй план под давлением фактора быстрого обогащения.** Именно это заставило лорда Тернера (Великобритания) сказать о необходимости обуздать животные инстинкты банкиров.

Кредитная накачка домашних хозяйств ведет не к инфляции, а к сокращению сроков использования потребительских товаров и росту цен на новые товары.

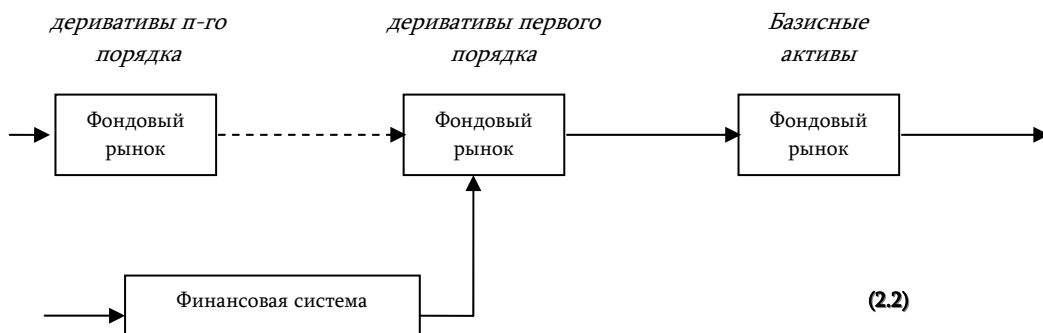

Схема 2.2 отображает процесс, когда подсистема финансовой системы – фондовый рынок, стремится замкнуться на себя – стать самодостаточным.

В результате финансовых инноваций возникают все новые производные финансовые инструменты – деривативы n -го порядка, базирующиеся, опять-таки на деривативах $(n-1)$ го порядка. В итоге инвестиционные портфели ценных бумаг становятся настолько сложными, что не поддаются никаким аналитическим оценкам.

Теоретические оправдания этого процесса необходимостью нейтрализовать финансовые риски – хеджирование, на практике превратилось в маскировку риска.

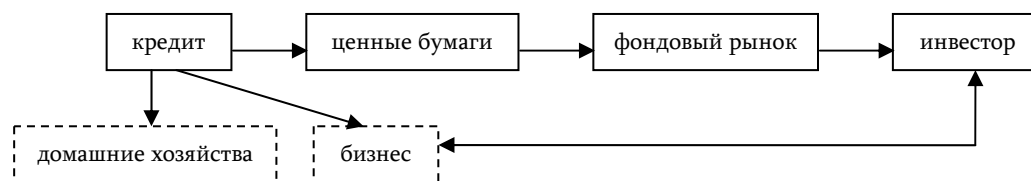
Современный фондовый рынок не только сам превратился в казино, но и через свои каналы воздействия делает это со всей экономикой. По этому поводу метко высказался президент Бразилии Луис Ипасиу: мировая экономика превратилась в «казино-капитализм».

Специалисты по этому поводу говорят о четырех фазах финансовых инноваций: 1. триумфальное шествие; 2. спекуляции; 3. кризис; 4. переоценка ценностей.

Нельзя не сказать о сильных стимулирующих воздействиях на этот процесс со стороны Федеральной резервной системы (ФРС). Стимулирующую идеологию сформулировал председатель ФРС А.Гринспен: инвестор (покупатель ценных бумаг) и бизнес должны разделить риски.

Начало практической реализации этой идеологии положил механизм секьюритизации (превращение в ценные бумаги) банковских кредитов. Впервые этот механизм был опробован в сфере ипотечного кредитования.

Секьюритизация создает замкнутую цепочку:

Процентные начисления по кредиту идут в основном на выплату процентов по ценным бумагам. Таким образом, бизнес, домашние хозяйства – с одной стороны, и инвесторы – с другой, замыкаются в одну рисковую цепочку. Тем самым реализуется идеология разделения рисков.

Эта идеология на практике так сильно подстегнула процесс виртуализации, что значительная часть экспертов усматривает в этом сознательный умысел.

Определенную роль сыграли и Базельские соглашения 1 – требования к уставному капиталу и резервам на случай потерь в долях от активов. Как следствие банки стремились вывести активы за баланс. Вариантом реализации этого стремления послужил механизм секьюритизации кредитов.

Особой критике специалистов подвергаются последние финансовые инновации в области деривативов – кредит-дефолтные свопы (*CDS*). Объясняется это тем, что этот класс деривативов объединяет в одну группу риска два фундаментальных финансовых института: банки и страховые компании. *CDS* страхуют банки от дефолта по своим обязательствам за определенную плату страховым компаниям.

Продавцы *CDS*, страховые компании, стремясь получить максимальную прибыль, неоправданно интенсивно вовлекаются в неуправляемую (или управляемую скрытыми субъектами) стихию фондового рынка. Благодаря репутации страхового института спрос на *CDS* очень высок – объем продаж достигает триллиона долларов. С точки зрения налогообложения *CDS* выгодны также специальной процедурой отражения в бухгалтерском балансе.

Чрезмерно усложненная структура инвестиционных портфелей ценных бумаг делает изначально неэффективной работу рейтинговых агентов. Но так как они продолжают свое формальное функционирование, это вносит дополнительный весомый вклад в рост Хаоса и кризиса.

Итог процесса виртуализации финансовой системы США в 2007г.: только 2-3% общей ликвидности обслуживает реальный сектор. Остальная масса замкнута на себя. Отношение мировых финансовых активов к ВВП в 2009 = 10.

Общими индикаторами процесса виртуализации выступают показатели темпов роста отношений: деривативов к финансовым активам; отношения финансовых активов к ВВП.

Ситуацию резюмировал глава ФРС США (2008г.): «причиной кризиса является чрезмерное доверие к рынку», другими словами – экономизация и снижение роли государства.

Оффшорные сети и криминализация виртуализации экономики. – С виртуализацией экономики тесно связан другой процесс – интеграция теневого и криминального капитала.

Ключевыми звеньями сращивания процессов криминализации и виртуализации выступают оффшоры – площадки с особыми правилами налогообложения, регистрации вкладов и создания организаций.

По этой причине, осознанно созданной, оффшоры оказались чрезвычайно интересными для теневого капитала. Вот цифры по России на 2007г.: из \$93 млрд внешнего долга бизнеса \$70 млрд приходится на оффшоры.

Современный этап развития оффшоров – переход к оффшорным сетям, в которых главное звено спарринг-оффшорная фирма в оффшорах, осуществляющая финансовый расчет между продавцом и покупателем. Этот расчет проводится в оффшоре с участием всех соответствующих льгот. Схема следующая:

Масштабы влияния оффшоров на криминализацию экономики настолько велики, что эта проблема стала темой отдельного обсуждения глав государств, а папа римский Бенедикт VII лишает оффшоры своего благословения.

В настоящее время высказываются различные мнения от жесткого контроля до полного запрета.

2.2 Имперская политика США и глобализация

В современном мире официальные границы национальных государств уже не отображают реальную зону влияния их правящих элит. Она определяется границами информационного, культурно-политического, финансово-экономического и военно-стратегического влияния.

В этом смысле США представляют собой глобальную империю, т.е. империю границы которой охватывают весь земной шар.

Соответственно, элита США начинает объективно принимать (или уже приняла) характер наднациональной, для которой сами США становятся частью объекта управления, хотя и выделенным, так как именно ресурс этой страны используется в первую очередь в качестве инструмента управления.

Но здесь возникает фундаментальное противоречие между уровнем объекта управления (вся планета) и экономическими возможностями США.

Разрешение этого противоречия было найдено приданием процессу глобализации формы долларизации и доступности реальных национальных активов через их выведение на международные рынки.

Это позволило неограниченно использовать ресурс печатного станка. Японские эксперты утверждали, что еще в 1980-е годы товарное обеспечение доллара не превышало 10%.

Логика этого процесса требовала, с одной стороны, интенсифицировать процесс долларизации, а с другой – ограждать внутренний рынок США от внешней долларовой массы во избежание обвальной инфляции.

Под влиянием значительной части экспертов выработалось устойчивое мнение, что все последние локальные кризисы и глобальный текущий кризис носят искусственный характер в том смысле, что с их помощью удастся решать указанные задачи, в том числе замены вполне реального кризиса доллара структурным кризисом в мировой экономике.

Форма современной глобализации такова, что опережающими темпами по сравнению с горизонтальными связями стран растут их связи с экономикой США, связанной с отдельными странами. Это значит, что обвал фондового рынка США неизбежно перерастает в общемировой кризис экономики. Что, собственно, и произошло. В качестве причин, конечно, называются и низкие процентные ставки ФРС и избыточная ликвидность, вызванная недоверием инвесторов в США к внешним рынкам, и безответственная кредитная политика банков, и чрезмерная усложненность фондового рынка.

Немалую роль сыграла и неверная политика ФРС в начале кризиса. По сути, она находилась в противоречии с реальным процессом: когда надо было повышать процентную ставку – ее понижали, когда надо было понижать – повышали.

Все это так. Но вопрос – как соотносятся объективный и субъективный (сознательный) компоненты кризиса?

3. Идеология решений, принимаемых на национальном и мировом уровнях

3.1 Глобализационный уровень

Суть формирующейся глобальной идеологии несколько упрощенно можно выразить в аналогии: локальный кризис → сильное национальное правительство (Рузвельт, США депрессия 1925гг.); глобальный кризис → сильное мировое управление.

Глобализация, выразившаяся в единой финансовой системе и единой мировой экономике, требует четкой глобальной стратегии и четкой координации основных субъектов. В противном случае ситуация с глобальным кризисом рискует повторяться вновь и вновь, со все более худшими последствиями.

Если к этому добавить мнение подавляющей части экспертов о том, что кризис положил конец эпохе идеологии либерализма, т.е. конец эпохи идеологии невмешательства государства, то получим весь идеологический фон, на котором проходят встречи глав государств, посвященные выходу из кризиса. Эпоха либерализма сегодня характеризуется также как эпоха переложения США своих финансовых проблем на внешний мир.

По сути дела, речь идет о психологической и организационной поддержке процесса формирования нового мирового порядка. Кризис в данном случае сыграл по теории синергетики роль создателя Хаоса для вхождения в бифуркационное состояние (развилка выборов направлений развития). ***В этом состоянии относительно легко можно подтолкнуть систему – мировое сообщество к необходимости выбора единого мирового управления.***

В соответствии с направленностью высказываний глав государств их можно разбить на две группы: радикальную – Германия, Франция, Россия; и относительно умеренную – США, Англия. Члены первой группы жестко высказываются о необходимости усиления института наднациональных органов, но при одновременном исключении приоритетного участия в них одной из стран. Члены второй группы в принципе согласны с необходимостью усиления мирового регулирующего начала, но менее радикальны относительно резкого изменения существующих институтов. Все это, по-видимому, отражает глубинные процессы, идущие внутри мировой элиты. По завершению этих процессов очень возможно, что лидерство в радикальных высказываниях перейдет к руководству США.

В этом контексте знаменательны высказывания Дж.Сороса о необходимости введения новой мировой валюты. В качестве предварительного этапа весьма вероятен промежуточный этап создания нескольких валютных зон.

В настоящий момент идет интенсивная конкурентная борьба за право стать центрами таких зон.

3.2 Страновой уровень. Рекомендации для Армении

Идеология. - Общая направленность решений должна определяться конечной целью: вернуть экономику вообще, реальный и финансовый секторы в частности, в естественное состояние подчиненности задачам человеческого развития, а не наоборот – сделать его заложником экономики.

Кризис обозначил банкротство существующей модели инновационной экономики, порождающей диспропорции спроса и предложения. И тем самым более четко обозначил границы между информационным обществом и обществом знания. В рамках последнего экономика производит товары и услуги, способствующие раскрытию человеческого потенциала. О неизбежности такого перехода и его уже частичной реализации в форме индивидуализации спроса и предложения говорят и идеологи постмодернизма.

Экономика должна быть психологизирована в лучшем смысле этого понятия, а не в смысле примитивного принципа эгоизма мейнстрима. А это предполагает структурную перестройку фундаментальной науки в пользу направлений, связанных с изучением сознания, мышления, психики. Только наличие

этого научного потенциала совместно с уже имеющимся богатым инструментарием инновационной модели экономики дает реальную возможность перейти к обществу знания.

Этот процесс уже очень интенсивно идет в западных странах, прежде всего – в США. От нас зависит выбор будущей модели общества.

Взаимосвязь реального и финансового секторов. - Похоже, что именно в этом пункте можно отметить наибольшее совпадение мнений экспертов.

Формулу выхода из кризиса кратко можно сформулировать как

- Структурная перестройка реального сектора
- Подчинение финансовой системы задачам реального сектора.

В аспекте первого пункта в определенной степени ориентиром может служить программа Барака Обамы:

- энергетика – возобновляемые источники энергии,
- здравоохранение,
- наука и образование.

Весь этот блок аналитики расшифровывают как поворот инновационной экономики к человеку, к обществу знания.

На уровне отдельной страны необходимо осознавать, что именно сырьевые отрасли делают экономику максимально уязвимой к колебаниям конъюнктуры, тем более в контексте указанной ситуации поворота к возобновляемым источникам.

Государственная политика. - Принципиально важным моментом выступает включение крупного бизнеса (олигархов) в реализацию правительственных программ.

Именно этот фактор является индикатором-критерием остановки процесса экономизации общества. В противном случае продолжение автономного функционирования крупного капитала так или иначе приведет к подчинению государственного аппарата их задачам и фактической потере государственности.

Все реальные феномены экономического чуда от Финляндии наших дней до Южной Кореи в качестве отправного, исходного пункта, имеют четкое, жесткое вовлечение олигархов в реализацию правительственных программ. Примечательно также и то, что в экономическом аспекте они (олигархи) в дальнейшем существенно выиграли.

Реализация этого ключевого фактора предполагает, что государство в лице правительства имеет четкое представление о том, чего оно хочет, – модели

будущего. С этой целью необходимо как можно быстрее **создать институт планирования развития.** На отсутствие четкости видения правительства и соответственно их действий как одной из весомых причин кризиса указывают практически большинство экспертов.

Другой важной предпосылкой выступает создание реальной системы экономической безопасности, возглавляемое премьер-министром и включающее соответствующие специальные службы, Центрального банка, экономические министерства. В рамках этой системы необходимо рассмотреть вопрос о слабой ответственности госчиновников.

Структурная перестройка экономики предполагает ориентацию на выявление и актуализацию *потенциального спроса на деньги* – одного из основополагающих тезисов эволюционной теории.

Создание механизма отбора бизнес-проектов в Правительстве Армении выступает первым шагом в этом направлении. Эта политика должна быть продолжена в направлении создания сети таких механизмов на базе специализированных финансовых институтов и их участия в финансировании науки.

Необходимо также держать под жестким контролем показатель отношения суммарных инвестиций по всем источникам в инфраструктуру (энергетика, транспорт, информация) к ВВП.

Совместно с Центральным банком в рамках системы экономической и финансовой безопасности Правительство, по мнению экспертов, должно взять под контроль канал коммерческие банки – оффшоры.

Хозяйственно-правовая среда в каждой отрасли должна стать отдельной задачей Правительства и Министерства экономики.

Речь идет о гармоничном сочетании форм собственности.

Универсальным для всех стран компонентом процесса выхода из кризиса является *опережающий рост внутреннего спроса* как за счет роста интеграции экономики внутри страны, так и социальной политики. Интересен опыт США: Конгресс внес поправку в план бюджетной помощи американской экономике под лозунгом **«Покупай американское» – соответствующие фирмы получают бюджетную помощь.**

В условиях спада в налоговой политике акцент надо сделать не на снижение налога на прибыль, а на НДС – налог на добавленную стоимость.

На уровне бюджетной политики необходимо перейти от политики формирования бюджета к политике управления бюджетом – стимулирование увеличения внутреннего спроса и экспорта. Социальная политика, прежде всего, механизм трудоустройства должны стать приоритетной задачей.

В целом речь идет о резком повышении качества исполнительной власти в институциональном (структурном) и кадровом отношениях.

Банковская система. Центральный банк (ЦБ). - Высказывания некоторых европейских и российских экспертов можно резюмировать так: **там, где ЦБ жестко контролирует ситуацию, банковская система здорова.** В этом случае, по мнению профессора Дани Родрига, вмешательство внешних наднациональных органов должно быть минимальным.

В этом контексте институт специальных представителей ЦБ является шагом в правильном направлении.

Одной из важнейших задач этих представителей выступает контроль над валютной позицией банка, операциями с деривативами, банковской маржой.

Отдельной весьма важной задачей выступает контроль за качеством кредитов и реальная оценка активов – умение разделить реальные и фиктивные активы.

Устойчивая часть экспертов высказывает жесткое мнение о запрещении, закрытии внебиржевого фондового рынка вообще.

Любая форма финансовой поддержки банков должна сопровождаться жестким контролем за целевым использованием предоставленных средств.

На данном этапе представляется очевидным нестимулирование развития фондового рынка.

В настоящее время наметился отчетливый вектор изменения англосаксонской модели управления фондовым рынком, построенной на соответствии: отдельные сегменты рынка → отдельная структура управления. Уже есть четкое понимание того, что финансовая система – не набор отдельных сегментов, а система. Вариант решения – «Программа Полсона» США. В целом – расширение полномочий ЦБ по стратегии развития фондового рынка и оперативного управления.

Для центральных банков рекомендуется сделать ставку рефинансирования реальным (а не расчетным) параметром управления.

Отдельной задачей ЦБ должен стать **жесткий контроль за процедурой рейтингования.**

Общее мнение экспертов относительно динамики банковской системы:

- Снижение нормативов резервирования для стимуляции кредитования
- Снижение ставки рефинансирования. Конечно, это предполагает, что она является реальным параметром управления.
- Расширение гарантий по вкладам физических лиц до 100%
- Государственное управление по проблемным активам.

Актуальность перечисленных пунктов вовсе не бесспорна и требует отдельного анализа.

Но отдельный пристальный интерес вызывают предложения о ЦБ институционального характера:

- Восстановление прямого финансирования ЦБ бюджетного дефицита,
- Снятие с ЦБ монопольной ответственности за уровень цен.

Если первое предложение выглядит актуальным в контексте мирового кризиса в решающей степени обязанного фондовому рынку, то второе предложение более чем созрело во времени. Уже давно на разных уровнях высказывались мнения (*Кеннет Рогофф* «Миф о центральных банках») о том, что ***проблема цен далеко зашкаливает за возможности ЦБ и является общегосударственной задачей.***

С учетом фактора независимости ЦБ от правительства, учет этих предположений требует превращения ЦБ в реальный аналитический институт.

Финансовая система. Коммерческие банки. - На уровне отдельных банков эксперты отмечают следующие общие недостатки:

- Аналитической работой в банках занимаются совершенно не те люди – ни по уму, ни по знаниям.
- Информационные потоки не рассчитаны на реальное управление и планирование.
- Отсутствуют механизмы учета качества кредитов.
- Наличие кредитных регистров существенно недостаточно для полноценного механизма выявления потенциальной неблагонадежности клиента.
- Плохо работают механизмы рекомендации по зонам кредитования, перспективным направлениям услуг.

В целом государственная политика должна обеспечить сближение реального и финансового секторов. С этой целью финансовый сектор должен располагать приоритетами по развитию реального сектора и знать о реальных льготах, связанных с финансированием реального сектора в русле государственных программ. Указанная информация должна вытекать из официального государственного документа, представляющего собой «Программу социально-экономического развития на ближайшую перспективу», которая одновременно должна стать программой выхода из кризиса.

Июль, 2009г.

CRISIS: THE STRICT LIMITS OF THE GLOBAL AND REGIONAL LEVELS OF DEVELOPMENT

Igor Bagiryan

Resume

The world expert community has already come to the consensus that the current crisis is a complex phenomenon – a fundamental cause which manifested itself in the complex of negative processes. As for the initial cause of the crisis, its initial driving force almost unanimous coincidence of the opinions of the experts on this issue should be stated – the beginning of the crisis lies in the exit of the economy as a subsystem from the natural restrictions of the general system of social development, turning of the economy into the self-sufficient force. That is why the general orientation of the decisions must be defined by the ultimate goal – to return economy in whole and real and financial sectors particularly to the natural state of their subordination to the problems of the humanity development and not the opposite (i.e. to make it a hostage of the economy).

Economy has to be psychologized in the finest sense of this notion and not in the sense of the primitive egoism principle of the mainstream. And this supposes the structural rearrangement of the fundamental science in favour of the directions dealing with the study of conscious, thinking, psychic. Only the availability of this scientific potential together with rich instruments of the innovative model of economy we have gives us a real opportunity to pass to the knowledge society.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУКИ В ДИАСПОРЕ¹

Алек Д. Эпштейн

В сегодняшнем мире глобализации всё более проблематичным становится статус национально-ориентированной науки; многие считают такую науку в принципе невозможной или малоосмысленной. В этой связи утверждается, что глобальному миру может соответствовать только глобальная наука, курс всеобщей истории не оставляет место существованию курсов истории национальной, а существование обособленных «национальных» ниш препятствует качественному развитию гуманитарного знания. Мне представляется, что дело обстоит с точностью до наоборот: в мире, в котором английский язык и ценности потребительской культуры с невиданной прежде скоростью стирают различия между народами и культурами, особенно важно сохранить, холить и пестовать именно тот уникальный опыт, который накоплен отдельными народами в ходе своего исторического пути. Изучение своеобразного национального опыта учеными-гуманитариями разных стран в совокупности и создаст плюралистичную мультикультурную мозаику человеческой истории, принципиально не сводимую, по всей видимости, к каким-либо универсальным детерминистским законам развития. Однако эта задача на самом деле выполнима только в том случае, если изучение национальной истории (а также археологии, этнографии, социологии и т.д.) происходит на высоком научном уровне, где любое утверждение об «особом» пути тщательно обосновывается в сравнительной перспективе. Очень важно, чтобы, изучая историю любого народа, исследователи принимали во внимание переплетение судеб этого народа с другими на всех этапах его истории во всех географических ареалах его обитания. Только инклюзивный интегральный подход, не вычлняющий искусственно «своих», противопоставляя их всем остальным, а рассматривающий в качестве «своих» всех, кто в разное время с той или иной точки зрения был «своим», позволит реконструировать национальную историю во всем ее богатстве и многообразии. Это, однако, оказывается сложнее, чем можно было бы предположить. В настоящей статье я проиллюстрирую методологические и организационные сложности формирования национальной научной среды на примере развития русскоязычной иудаики или, как еще говорят, еврейских исследований (называемых за рубежом *Jewish Studies*).

Хотя отдельные обзорные работы о текущем состоянии исследовательской, преподавательской и издательской деятельности в сфере иудаики уже публиковались вполне компетентными молодыми специалистами², мне все же кажется,

¹ На примере развития еврейских исследований на постсоветском пространстве.

² См.: В.А.Лихачев и А.М.Федорчук, «Высшее образование в области иудаики на постсоветском пространстве» // *Евроазиатский еврейский ежегодник* (Киев: «Дух і літера», 2003), с. 154–169; О.Яковлева и В.А.Лихачев,

«Периодические научные издания по иудаике на постсоветском пространстве» // *Евроазиатский еврейский ежегодник* (Киев: «Дух і літера», 2003), с. 170–182; С. Чарный, «Позднесоветская и постсоветская иудаика» // *Материалы Одиннадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике* (Москва: Центр «Сэфер» и Институт славяноведения РАН, 2004), том 2, с. 133–162; М.Гольд, «Еврейские журналы на постсоветском пространстве: краткий обзор и классификация» // *Евреи Евразии*, №1 [8] (2005).

что должного критического осмысления эта тема пока не получила. Статьи о состоянии «еврейских дел» на постсоветском пространстве слишком часто грешат парадным великолепием, лишь отдаленно напоминая реальное положение вещей, и это, зачастую, касается и опубликованных науковедческих эссе о состоянии иудаики и израилеведения как дисциплины в целом. Учитывая, что на протяжении одиннадцати последних лет я активно вовлечен в преподавательскую и исследовательскую деятельность на ниве русскоязычной иудаики (и еще более – израилеведения), по долгу службы побывав в совокупности сорок раз во всех европейских республиках бывшего СССР, опубликовав там десять монографий и более сотни статей практически во всех основных еврейских изданиях, выступив с лекциями в десятках университетов – от Москвы до Томска, от Санкт-Петербурга до Нижнего Новгорода, я считаю себя вправе предложить читателю выстраданные результаты своих раздумий.

В 2006г. в рамках проекта, осуществляемого нами под эгидой Ассоциации деятелей еврейского образования и культуры «Эхо», я провел серию интервью со многими активно работающими ведущими еврейскими гуманитариями, работающими на постсоветском пространстве, занимающимися исследовательской и преподавательской деятельностью в области иудаики и израилеведения (среди тех, с кем я беседовал, были: безвременно скончавшийся в ноябре 2007г. председатель академического совета Центра преподавателей иудаики в вузах стран СНГ и Балтии «Сэфер» Р.М.Капланов, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН Е.Э.Носенко, профессор Российского государственного гуманитарного университета Л.Ф.Кацис, доцент социологического факультета МГУ А.Б.Синельников, президент Института Ближнего Востока, председатель попечительского совета Еврейского университета Москвы Е.Я.Сатановский и другие; все интервью были записаны на видео). Я приведу лишь некоторые из тех замечаний, которыми они со мной поделились:

во-первых, до сих пор нет ни одного серьезного историко-этнографического музея и архива российского еврейства;

во-вторых, не создано ни одной фундаментальной еврейской библиотеки на русском языке, в которую бы попадали хотя бы по одному экземпляру всех (или почти всех) выходящих в мире по-русски книг соответствующей тематики;

в-третьих, на постсоветском пространстве только появляются структуры, где можно попытаться получить исследовательский грант на работу по еврейской истории, причем пока – только российского и восточноевропейского еврейства (в скобках отметим, что и эти структуры раздают «олигархические» деньги);

в-четвертых, все исследования менталитета и самосознания русскоязычного еврейства на самом деле базируются на выборках, составленных только из

жителей крупнейших городов. Ни одного исследования, которое бы включало в число респондентов евреев, живущих вне пределов крупнейших мегаполисов, так и не было проведено;

в-пятых, еврейские вузы и образовательные программы в постсоветских странах не могут функционировать без финансовой и интеллектуальной поддержки извне, и пройдет несколько десятилетий до тех пор, пока подобная институциональная независимость станет возможной.

Об этих и других проблемах современного состояния иудаики (в широком смысле этого слова) и израилеведения на русском языке я бы и хотел поразмышлять, постаравшись вести это обсуждение в релевантном науковедческом контексте. Исследования по еврейской истории и культуры представляют собой одну из самых «открытых миру» сфер российской гуманитарной науки. Реалии, связанные с масштабной миграционной волной 1990-х годов, в которой еврейский компонент был едва ли не самым внушительным в сравнении с другими национальностями, привели к тому, что значительная – если не большая – часть тех, кто, так или иначе, занимается изучением еврейской истории, философии, общественной мысли, публикуя при этом свои работы на русском языке, живет в настоящее время за пределами России. Транснациональная диаспора ученых и преподавателей иудаики уже сформировалась [1], став одновременно и мостом между живущими в России учеными и их соотечественниками и коллегами, живущими в настоящее время в зарубежных странах, и фактором, оказывающим немалое влияние на развитие иудаики как науки в целом.

В Советском Союзе практически не было места, где бы заинтересованные специалисты (и тем более студенты) могли бы заниматься изучением еврейской истории и другими отраслями иудаики. Вместе с тем, практически на всем протяжении советской истории, и в особенности в 1970-1980гг., отдельные энтузиасты занимались еврейской историей, этнографией, гебраистикой, семитологией, библейскими исследованиями... Часть из этих людей осталась в России, некоторые эмигрировали в западные страны, а некоторые – в Израиль. Часть из них после эмиграции сменила (порой – вынужденно) сферу специализации, превратившись в славистов, советологов или специалистов по российским эмигрантам, их духовной и социальной трансформации, но некоторым удалось сохранить себя именно в качестве исследователей в тех или иных областях иудаики. Кроме того, как в России, так и за ее пределами успело вырасти молодое поколение исследователей и преподавателей иудаики, владеющих, как правило, ивритом и английским, но думающих, пишущих и преподающих преимущественно на русском языке. Благодаря бурному развитию коммуникационных технологий эти люди поддерживают интенсивные контакты между собой. Со-

трудничество россиян и ученых-эмигрантов в развитии иудаики как научной дисциплины является одним из самых интересных феноменов, свидетельствующих о включенности российской гуманитарной науки в международный академический дискурс.

I

Нет слов: в последние двадцать лет исследования в области еврейской истории, иудаики и израилеведения на русском языке развивались невиданными прежде темпами. Множится и число работ ученых и публицистов, живущих в России, на Украине, в Израиле, США, Германии, других странах, посвященных русско-еврейской диаспоральной проблематике. Созданы не только еврейские детские сады и школы, но и вузы. Численность изданных в сфере иудаики и израилеведения на русском языке книг давно уже перевалила за тысячу, десятки периодических изданий разного профиля публикуют на своих страницах преимущественно материалы «на еврейскую тему». И все же немало причин мешает испытывать эйфорию в связи с состоянием дел в данной дисциплине.

Прежде всего, *качество значительного числа публикуемых в сферах иудаики и израилеведения на русском языке работ остается сравнительно невысоким*. Российские евреи на всем протяжении последнего столетия играли и играют огромную роль в развитии и преумножении знаний в области общественных и гуманитарных наук на русском языке; в этой связи достаточно назвать имена психологов Льва Выготского (1896–1934) и Сергея Рубинштейна (1889–1960), литературоведов Бориса Эйхенбаума (1886–1959), Виктора Шкловского (1893–1984), Юлиана Оксмана (1895–1970), Лидии Гинзбург (1902–1990), Григория Гуковского (1902–1950), Владимира Адмони (1909–1993), Ефима Эткинда (1918–1999), Юрия Лотмана (1922–1993) и Натана Эйдельмана (1930–1989), психолингвистов Александра Лурии (1902–1977) и Ревекки Фрумкиной, историков-медиевистов Матвея Гуковского (1898–1971) и Арона Гуревича (1924–2006), историков нового времени Евгения Тарле (1875–1955) и Альберта Манфреда (1906–1976), социального психолога Игоря Кона, культуролога Григория Померанца, политолога-международника Григория Мирского, философов и социологов-теоретиков Владимира Библера (1918–2000), Михаила Гефтера (1918–1995), Павла Гуревича и Аркадия Гофмана, искусствоведов Абрама Эфроса (1888–1954) и Юрия Германа и многих других. В русской эмиграции роль ученых-гуманитариев еврейского происхождения также была очень значительной; достаточно назвать имена философа Семена Франка (1877–1950), социолога Жоржа Гуревича (1894–1965), лингвиста Романа Якобсона (1896–1982)... К сожалению, никто из этих людей никогда не занимался какой-либо отраслью иудаи-

ки. Те же, кто занимает ведущее положение в мире русскоязычной иудаики, при всем уважении к ним, в лучшем случае являются крепкими профессионалами, но не более того.

Так уж сложилось, что *ведущими русскоязычными специалистами в области иудаики считаются люди, не получившие (в силу понятных причин) систематического образования в этой сфере*; многие из них совсем не знают или почти не знают иврит. Если на русском языке пишутся принципиально важные книги и статьи в сфере иудаики, то они, в подавляющем большинстве своем, посвящены истории и культуре российского и восточноевропейского еврейства. Конечно же, из этого, как и любого другого, правила есть исключения¹, но большинство наиболее уважаемых российских гуманитариев и обществоведов, занимающихся еврейской историей, не относятся к числу «звезд» российской и, тем более, мировой науки.

Эта «проблема качества» пока не решена и израильскими русскоязычными учеными-гуманитариями и обществоведами. Напротив, в Израиле на русском языке пишется и издается значительное количество сочинений по еврейской якобы истории, якобы философии и якобы общественным наукам, которые не издало бы ни одно сколько-нибудь уважающее себя западное издательство. Многих авторов отличает стремление навязать «граду и миру» пакет предложений грандиозного переустройства всего и вся, при почти тотальном незнании и – хуже того – нежелании знать, что сделано профессионалами и просто неравнодушными людьми, израильтянами разного национального и этнического происхождения до них, относительно недавно приехавших в страну иммигрантов. Подобное наплевательское высокомерное отношение к работам местных специалистов, государственных и научных организаций, сопровождаемое демагогическими разговорами о том, что «мы должны сформулировать Израилю национальную идею» и «вывести страну из глубокого системного кризиса, в котором она оказалась», отличает очень многих из тех, кто, так или иначе, «светится» на ниве гуманитарной и обществоведческой публицистики «русского» Израиля. Хотя в Еврейском университете в Иерусалиме был в 1996г. основан Центр Чейза по развитию иудаики на русском языке, среди русскоязычных преподавателей которого полтора десятка человек защитили свои диссертации в Израиле, редакция издаваемого им «Вестника» испытывает огромные сложности в нахождении оригинальных научных статей по еврейской истории, культуре и социологии приемлемого уровня; это же касалось и закрывшегося в

¹ В частности, заведующий кафедрой иудаики ИСАА профессор А.Б.Ковельман является автором нескольких серьезных монографий, в том числе книги *Between Alexandria And Jerusalem: The Dynamic of Jewish And Hellenistic Culture* (Leiden: Brill Academic Publishers, 2005).

2005г. второго журнала Центра – «Еврейское образование». Большая часть книг, издаваемых в серии «*Bibliotheca Judaica*» – совместном проекте Еврейского университета в Иерусалиме и российско-израильского издательства «Гешарим/Мосты культуры», – переводы работ израильских и американских авторов. Среди изданий Академической программы по преподаванию иудаики и израилеведения на русском языке Открытого университета Израиля доля переводов еще выше. Лишь крайне ограниченное число трудов, написанных русскоязычными израильскими гуманитариями, стали событиями в мире интеллектуальной литературы и были переведены на другие языки, как это случилось, например, с монографией историка Михаила Бейзера «*Евреи Ленинграда, 1917–1939. Национальная жизнь и советизация*», изданной на английском и на иврите после того, как она была опубликована на русском языке. Показательно, что и в этом случае добившийся значительного успеха автор специализируется на истории русского еврейства. Совершенно очевидно, что для того, чтобы иудаика на русском языке состоялась и была признана мировой наукой, ей необходимо научиться достигать мирового уровня не только в изучении истории самих русских евреев и их культуры. Пока специалистов такого уровня в русскоязычной иудаике – считанные единицы, и великие еврейские историки прошлого Семен Маркович Дубнов (1860–1941) и Юлий Исидорович Гессен (1871–1939) остаются недосягаемыми корифеями.

В русскоязычной гуманитарной науке отсутствуют базовые условия для создания научных школ, в которых могли бы совместно, с участием ученых разных поколений, генерироваться идеи и выполняться серьезные, долгосрочные исследовательские проекты в области еврейской истории и культуры. В прошлые годы ситуация казалась несколько более благоприятной, однако тенденции последнего времени никак не могут вызвать оптимизма. Создание в начале 1990-х годов в Москве качественного Еврейского университета, а в Санкт-Петербурге – достаточно профессионального Института иудаики, заложило фундамент профессиональных вузов, которые бы могли готовить высококвалифицированных специалистов по широкому спектру связанных с иудаикой дисциплин. К огромному сожалению, многочисленные израильские и американские еврейские организации, вложившие десятки миллионов долларов во всевозможные национально-ориентированные программы в России, не сочли нужным поддержать эти вузы, практически единственным спонсором которых оказался Российский еврейский конгресс. Финансовые проблемы, наряду с очевидными сложностями привлечения студентов (в особенности, мальчиков призывного возраста) негосударственными вузами, а также сокращение еврейского населения страны – всё это привело к тому, что в 2007/2008 учебном году Еврей-

ский университет Москвы фактически самоликвидировался, а будущее питерского Института иудаики весьма туманно. Осенью 2006г. перестала, к огромному сожалению, существовать и библиотека ЕУМа, бывшая на протяжении пятнадцати лет практически единственным местом сбора и хранения новых книг по иудаике и израилеведению, выходявших на всем постсоветском пространстве. Е.Я.Сатановский подвел грустный итог: «Период, когда российской еврейской общиной мог быть создан негосударственный вуз высшего уровня с углубленным изучением академической иудаики, был упущен» [2, с. 84].

Учитывая ту важность, которую приобрела в последние годы для ученых Интернет-коммуникация, нельзя не упомянуть и о проблеме, связанной с практически полным отсутствием в сети Интернет текстов наиболее важных трудов в области русскоязычной иудаики. Крупнейшими издательствами русско-еврейского мира являются сегодня «Гешарим/Мосты культуры», Открытый университет Израиля, московский «Дом еврейской книги» и киевский Институт иудаики. Полных текстов книг этих издательств (а издано ими в сумме около пятисот томов) в сети Интернет нет. Из двухсот с лишним книг, изданных ныне уже не существующим иерусалимским издательством «Библиотека Алия», в сети Интернет размещены лишь отдельные тома. Крайне важным следует считать тот факт, что в Интернете полностью размещена изданная в Израиле одиннадцатитомная «Еврейская энциклопедия», причем в значительно доработанной, относительно вышедшего печатного издания, версии¹, но этого все же явно недостаточно. Хотя в сети Интернет размещено значительное количество материалов таких журналов, как «Новая еврейская школа» (Санкт-Петербург), «Евреи Евразии» (Киев), «Время искать» (Иерусалим), наиболее важные научные издания в области русскоязычной иудаики («Вестник еврейского университета», «Еврейское образование», «*Judaica Rossica*» и «Параллели») не имеют своих электронных версий. В результате, исследователи, преподаватели и студенты лишены оперативного доступа к текстам нужных им книг и статей, а русский еврейский Интернет заполнен псевдо- и околонучными материалами, уровень многих из которых оставляет желать лучшего.

Еще одной важной проблемой является практически полное *отсутствие в сфере русскоязычной иудаики программ зарубежных научных стажировок для исследователей.* Существующие программы рассчитаны почти исключительно на молодых людей: студентов и аспирантов (причем по условиям большинства программ их возраст не должен превышать тридцати лет). Для тех же постсо-

¹ См.: М.Гутгарц, «Краткая еврейская энциклопедия – коллективный труд ученых-выходцев из СССР/СНГ» // *Идемте же, отстроим стены Йерушалаима. Евреи из Российской империи, СССР/СНГ в Эрец-Исраэль и Государстве Израиль*, под ред. Ю.Д.Систер и М.А.Пархомовского (Иерусалим: Центр «Русское еврейство в зарубежье», 2005), с. 91–96.

ветских исследователей, кто уже состоялся в науке, никаких программ профессиональных стажировок (в Израиле или где бы то ни было еще) не предусмотрено. В результате, среди сотрудников Отдела Израиля Института востоковедения РАН (а это, надо заметить, единственный, целиком посвященный изучению Израиля отдел в признанном академическом научном учреждении стран СНГ) есть люди, которые по пять-десять лет не бывали в Израиле, а те, кто защищают диссертации по истории евреев средневековой Испании, ни разу не бывали в Испании. Понятно, что отсутствие возможности ведения полевых исследований, работы в соответствующих архивах, просто «впитывания» в себя всей гаммы чувств и впечатлений, связанных со страной, являющейся объектом исследования, наносит серьезный урон и качеству выполняемых проектов, и статусу исследователей в глазах их западных коллег, для которых такое положение оторванности автора от предмета своего изучения представляется совершенно невыносимым. Российские и украинские ученые, занимающиеся иудаикой и израилеведением, представлены на международных конгрессах в значительно меньшей степени, чем они того заслуживают. Так, за последние десять лет в Израиле прошли три конгресса Международной ассоциации израилеведческих исследований (в 2000г. – в Тель-Авивском университете, в 2004г. – в Иерусалимском, в 2007г. – в Открытом университете Израиля). В каждом из них принимали участие лишь по одному исследователю из постсоветских стран. Разумеется, для «встраивания» российского израилеведения в международное сообщество ученых, занимающихся изучением еврейского государства, это совершенно недостаточно.

II

О развитии израилеведения (*Israel studies*) в качестве научной дисциплины следует сказать особо. За последние пятнадцать лет изучение Израиля на русском языке развивалось невиданными прежде темпами. Если в предшествующие годы большая часть выходившей в России литературы об Израиле появлялась под резко антиизраильскими заголовками¹, то в последние восемнадцать лет, после восстановления дипломатических отношений между двумя странами (1991), в Москве был издан значительный корпус сбалансированной и даже откровенно произраильской литературы. Общая численность более или менее серьезных книг и статей об Израиле (включая и историю сионистского движения, бывше-

¹ Среди этих книг: *Ф.Алестин*, Палестина в петле сионизма (Москва, 1988); *Е.С.Евсеев*, Расизм под голубой звездой (Саратов, 1981); *Л.А.Моджорян*, Международный сионизм на службе империалистической реакции (Москва, 1984); *Ю.Д.Седов*, Сионизм в коричневом мундире: О деятельности ультраправых, профашистских сил в Израиле (Москва, 1989); *Л.И.Медведко*, Мины под оливами: американо-израильский разбой на Ближнем Востоке (Москва, 1984) и другие.

го непосредственной предтечей независимого еврейского государства), изданных на русском языке, приближается к четыремстам – ситуация немыслимая в принципе всего двадцать лет назад.

Насколько известно, сколько-нибудь полного библиографического указателя книг и статей об Израиле на русском языке не выходило никогда. В 2001г. был опубликован составленный А.Д.Эпштейном, А.В.Федорченко и Н.Г.Хеймец аннотированный указатель основных работ по истории, политике, экономике и социальным проблемам Государства Израиль, изданных после 1985г.¹; этот указатель включал, в частности, 80 книг и статей, написанных по-русски, и еще 49 книг израильских и американских авторов, переведенных на русский язык. В августе 2005г. под эгидой Управления по исследовательской работе Открытого университета Израиля и Академического колледжа «Ораним» автором настоящей статьи был подготовлен тематический библиографический путеводитель основных работ по истории сионизма, политике, экономике и социальным проблемам Государства Израиль, опубликованных на русском языке, который включал 314 книг и статей, как оригинальных (общей численностью 185), так и переводных. С тех пор было опубликовано еще несколько десятков работ, а отклики заинтересованных читателей позволили обнаружить ряд релевантных изданий прошлых лет, не включенных составителем в библиографический путеводитель, расширенное переиздание которого готовится в настоящее время.

Можно с радостью отметить, что, вопреки стереотипным ожиданиям, месту Израилю в конфликте с арабами и его роли в противостоянии исламскому экстремизму и терроризму посвящена лишь примерно четверть всех публикаций. Я считаю этот фактор позитивным, ибо меня очень огорчает, когда общественная, культурная и политическая жизнь такой во многом уникальной страны, как Израиль, остается в тени арабо-израильского (и в более узком смысле – палестино-израильского) конфликта. Примерно 10% русскоязычных публикаций посвящено истории сионистского движения и еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль в догосударственный период, примерно четверть – общественным, политическим и правовым аспектам жизни Израила, примерно 10% – вопросам экономики, сельского хозяйства и внешней торговли, примерно столько же – развитию культуры, науки и образования. Превысила тридцать численность вышедших на русском языке книг и статей о русскоязычной общине Израиле, около десяти опубликованных работ посвящены арабам – гражданам Израила. Иначе говоря, сегодня, даже и владея исключительно русским

¹ «Основные работы по истории, политике, экономике и социальным проблемам Государства Израиль, опубликованные на русском и английском языках в 1985–2001 гг.» // *Общество и политика современного Израиля*, под редакцией А.Д.Эпштейна и А.В.Федорченко (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2002), с. 401–444.

языком (и не зная ни иврита, ни английского), можно собрать несколько солидных полок литературы об Израиле, причем изданные книги и статьи покрывают практически все основные сферы истории страны и ее сегодняшнего дня.

Следует отметить, что постепенно сложилась ситуация, при которой на русском языке появляются публикации об Израиле, написанные тремя группами авторов: исследователями и журналистами, живущими и работающими в России (иногда – на Украине и в Белоруссии, но их число можно пересчитать буквально по пальцам одной руки); социологами, политологами и этнографами, эмигрировавшими в Израиль из стран СНГ; а также израильскими и американскими (и крайне редко – европейскими и арабскими) учеными, дипломатами и публицистами. В общем числе публикаций чуть больше трети написаны авторами из стран СНГ, примерно четверть – русскоязычными израильтянами, а около 40% являются переводами трудов, изданных в оригинале на иностранных языках. Авторы из разных стран встречаются и на научных конференциях, в частности, ежегодных форумах Ассоциации научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», на которых две-три секции всегда посвящаются современному Израилю. Такое положение дел обеспечивает конструктивное обогащение российского и русско-израильского «рынка идей», что приносит очевидную выгоду и авторам, и читателям.

Учитывая, что в России об Израиле выходит немало книг, а уж число статей в периодической печати исчисляется многими сотнями (если не тысячами) ежегодно, можно предположить, что все те, кто хочет получить какую-либо информацию об Израиле, могут без труда сделать это: познавательной литературы вокруг – хоть отбавляй. Однако, если задуматься, ситуация отнюдь не столь очевидна.

Во-первых, потенциальными читателями книг и статей об Израиле являются четыре весьма различные категории людей.

Первая – и самая большая – категория включает граждан России разных национальностей, для которых Ближний Восток в целом и Израиль, в частности, – регион, один из многих, который интересует их постольку, поскольку новости, из него поступающие, угрожают вспышкой мировой войны, особенно опасной, учитывая наличие в этом регионе ядерного оружия. Как бы ни относились эти люди к Израилю, для них он, как правило, – чужая страна, находящаяся на периферии их собственной духовной и интеллектуальной жизни. «Лишь бы у вас там всё было тихо и спокойно», – говорят эти люди, встретив на своем пути израильского или палестинского туриста, не имея, как правило, особого желания разбираться в хитросплетениях ближневосточной истории и политики.

Вторая группа может быть охарактеризована как «российские державни-

ки», так называемые национал-патриоты, отношение которых к ближневосточной проблематике окрашено двумя привычными умонастроениями: ностальгией по антиамериканской в основе своей советско-арабской дружбе, с одной стороны, и антисемитизмом, с другой. Впрочем, этим людям, как правило, неприятно ощущать себя антисемитами, и потому у них есть свой придворный еврей – Исраэль Шамир (Шмерлинг), уроженец Новосибирска, проживший немало лет в Израиле, антиизраильский и антисемитский бред которого они потребляют и воспроизводят на страницах своих изданий, «убивая двух зайцев»: и обвинения в антисемитизме как бы отменяются (ведь автор – еврей!), и Израиль (и вместе с ним США) обруган только что не матом. *«В моем понимании, главная движущая сила за эту войну, – говорил И.Шамир в интервью газете «Завтра» в феврале 2003 года, незадолго до начала второй иракской кампании, – иудейская идеология в американской политике. Мы видим конкретно по именам и по людям, тот же Вульфовец и другие еврейские лидеры Америки, крупные сионисты, до сих пор мечтающие о великом Израиле. Они надеются в результате этой войны мощно ослабить весь арабский мир, выселить в Ирак всех жителей Палестины, увеличить географическое пространство Израиля и повернуть развитие мира по новому пути. Они думают: оторвем нефтяные провинции от Саудовской Аравии, от Ирака, передадим их под американо-израильский контроль. Депортируем всех палестинцев на пустующие иракские земли, под постоянный контроль американских войск. ... Более дальний и более безумный план – уничтожить мечети Иерусалима, построить на их месте еврейский храм. Эти люди, вкладывающие в план уже миллионы долларов, мистически верят в скорейший приход еврейского мессии, то есть Антихриста, который все преобразует. Сейчас весь Израиль оклеен плакатами, которые призывают к этому»¹. В*есь этот бред – вымысел от начала до конца, но вполне вписывается в привычную схему: евреи распяли Христа, а теперь «весь Израиль оклеен плакатами», приветствующими приход Антихриста, – просто и незатейливо, для полноты картины не хватает только убийства христианских младенцев в ритуальных целях. Отношение к Израилю здесь – не более чем производная от национал-державного антисемитизма позднесталинского образца.

Третья группа читателей является принципиально другой: речь о российских евреях (в том числе и потомках смешанных браков) и их родственниках разных национальностей, причем практически у них всех есть родственники и близкие знакомые в Израиле. Более того, многие из них бывали в Израиле (зачастую, не один раз), и едва ли не все в то или иное время взвешивали возможность эмиграции в еврейское государство. Хотя эти люди приняли решение не связываться

¹ Цит. по беседе В.Бондаренко с И.Шамиром, опубликованной в газете *Завтра* 25 февраля 2003г.

свою судьбу с ним, Израиль – совсем не чуждая и совсем не чужая для них страна, каждый теракт в иерусалимском или тель-авивском автобусе болью отзывается и в их душах. Позиция этих людей в ближневосточном конфликте, как правило, очевидно произраильская, при этом она может варьироваться от атеистического в основе своей гуманистического интернационализма («нужен компромисс: нам ли, народу, веками бывшему преследуемым меньшинством, не демонстрировать великодушие по отношению к меньшинствам среди нас?») до радикального ультранационализма в духе взглядов покойного раввина Кахане: «Только трансфер арабов обеспечит Израилю мир и безопасность».

Четвертая группа читателей выходящих в России книг, журналов и газет является наиболее нетривиальной применительно к анализируемой теме: речь о людях, немало лет пробывших в Израиле, сегодня живущих и работающих в Москве и других российских городах. Десятки тысяч обладателей израильских паспортов, живущих и работающих в России, отличаются от прочих потребителей информационной продукции тем, что изнутри знают о происходящем в Израиле. При этом взгляды их могут быть самыми различными и варьироваться от преклонения перед «прекрасной цветущей страной, созданной на пустынных камнях Палестины», «единственной демократией на Ближнем Востоке», «мировым центром высоких технологий» до обличения «гнилой, забюрократизированной израиловки, насквозь коррумпированной» и «отданной продажными леваками арабским бандитам». Отличие этих людей, как бы они ни относились к еврейскому государству, состоит в том, что они, как правило, черпают информацию о происходящем на Ближнем Востоке из преимущественно израильских Интернет-ресурсов, как на русском, так и на языке иврит, которым, в большинстве своем, владеют вполне прилично.

Однако особенность ситуации состоит не только в том, что в русскоязычном языковом пространстве существуют разные категории читателей литературы об Израиле. Сама существующая литература является на редкость разноплановой, и ее тоже можно разделить на несколько видов. К первому можно отнести книги и статьи, написанные авторами «примаковской школы»: высокомерные по отношению к Израилю и крайне критические по отношению к США, они представляют собой несильно переработанные версии сочинений, прежде выпускавшимися этими же людьми и их духовными наставниками под заголовками «Палестина в петле сионизма» или «Расизм под голубой звездой». Сам Е.М.Примаков никогда не отрекался ни от своей монографии «История одного сговора: Ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х гг.» [3], ни от диссертации «Связи между сионизмом и нацизмом, 1933–1945», защищенной в 1982г. в руководимом им тогда Институте востоковедения нынешним главой ПНА Махмудом Аббасом. В своей изданной в 2006г. книге «Ближний Восток на

сцене и за кулисами» Е.М. Примаков развивает практически те же идеи, что и в брежневские времена: так, Я. Арафат оказывается полностью непричастным к террору («Известно, что с палестинской стороны осуществляются, в том числе и террористические, акты против израильского мирного населения. По схеме, предложенной израильским руководством, за этим стоял Арафат. Категорически не согласен с этим», и далее: «Некоторые утверждают, что Арафат умышленно не пресекал террористические меры, считая, что они, дескать, подтолкнули израильское руководство к компромиссу. И это исключаю») [4, с. 254], в отличие, кстати, от Израиля («Антитеррористические методы Израиля осуществлялись также в террористической форме»)... [4, с. 366]. Ответ Израиля на провокацию «Хезболлы», убившей шестерых и захвативших в заложники двоих военнослужащих ЦАХАЛа, характеризуется Е.М.Примаковым как «кровавая война израильской военщины в Ливане» [4, с. 353]. Отношение к Израилю остается пренебрежительно-высокомерным: возмущение министра иностранных дел Израиля Ципи Ливни по поводу приглашения в Москву лидеров исламской террористической организации ХАМАС Е.М.Примаков в своей книге называет «экспрессией», которую «можно простить» лишь «как женщине» [4, с. 369-370], а недовольство израильского посла в Москве позицией, занятой российским руководством, удостоилось следующего ответа Е.М.Примакова в эфире НТВ: «Посол должен соблюдать элементарные дипломатические правила пребывания в той стране, где он работает. Если он таким образом высказывается о политике этой страны, то ему здесь делать нечего»¹. На протяжении двадцати четырех лет (с 1967 по 1991 гг.) в Москве не было израильского посла, и похоже, что Е.М.Примаков искренне скучает по тем временам.

Ко второму типу публикаций можно отнести клеветнические измышления упоминавшегося выше Исраэля Шамира и его единомышленников, сообщающих читателям, что «на Святой земле Палестины процветает расистский режим апартеида» [5] и что «захват эль-Аксы и создание на ее месте иудейского святилища – это голубая мечта евреев-сионистов» [6]. Опять-таки, и эти статьи едва ли можно считать сколько-нибудь информативным источником сведений об Израиле, его политике, истории и культуре.

Антитезой печатной и электронной продукции двух вышеозначенных типов являются книги и журналы, публикуемые всевозможными еврейскими издательствами. Определенная проблема состоит в том, что эти издания порой являются агитационными по своему характеру, и судьбоносные проблемы существования еврейского государства, а тем более страдания (никак не мнимые)

¹ «Евгений Примаков прокомментировал ситуацию на Ближнем Востоке» // Эфир телеканала «НТВ», программа «Сегодня», 13 июля 2006 г.

палестинских арабов, редко когда удостоиваются в них вдумчивого рассмотрения. Навязываемый на протяжении многих лет принцип «отрицания диаспоры» приводит и приводит к искажению исторической перспективы еврейского бытия в странах рассеяния, а центральное место Холокоста (и предшествовавших ему преследований) в конструировании национальной истории создает во многом искаженную картину, зачастую используемую для оправдания тех или иных действий Израиля, имеющих мало общего с борьбой героев Варшавского гетто. В итоге, сообщая, в том числе, важную и правдивую информацию, эти издания формируют некую перспективу восприятия, в которой как бы само собой наиболее адекватной и морально оправданной на всем протяжении рассматриваемого исторического периода оказывается позиция сионистского движения и руководителей Государства Израиль. Крайней формой подобной литературы являются не такие уж и малочисленные сочинения в жанре «бей и спасай», где «бить» призывают арабов (а также сочувствующих им «левацких предателей»), чтобы «спасти» еврейский Израиль. В Интернет-форумах, не скованных какими-либо редакторскими ограничениями, пафос «спасения Израиля» путём «битья» и трансфера в буквальном смысле слова процветает; Впрочем, не исключено, что на этих форумах одни и те же люди убеждают в верности этой доктрины самих себя и тех, кто и так уже давно в нее поверил.

Попытавшись отсеять как малообъективные и потому достаточно бесполезные книги и статьи трех вышеназванных типов, заинтересованный читатель может обнаружить, что его книжная полка сильно поредела и «в сухом остатке» на ней осталось не так много изданий. Без ложного пафоса и со знанием дела (если не брать в расчет массовую популярную беллетристику, например, Леонида Млечина или Константина Капитонова) о еврейском государстве написано совсем немного, особенно если иметь в виду не сочинения о, скажем, роли русскоязычной общины в развитии местного балета или химии полимеров, а труды, в которых без идеологической предвзятости того или иного профиля анализировались бы фундаментальные вопросы израильской социально-политической истории. Выполнило ли Государство Израиль своё предназначение, как оно виделось отцам-основателям сионизма, насколько оно стало безопасным прибежищем для еврейского народа и духовным центром его национальной жизни? В какой мере те бедствия, которые на протяжении веков обрушивались на евреев в разных странах, оправдывают тот режим, который в 1949–1966гг. существовал по отношению к израильским гражданам арабской национальности и вот уже сорок лет существует по отношению к палестинцам на Западном берегу? Какую роль реально играла и играет в коллективном сознании израильского общества память о Холокосте – и каково при этом отношение из-

раильтян к геноцидам и массовым репрессиям по национальному или социальному признаку по отношению к другим народам в других странах? Насколько мудрой и дальновидной была в разное время рассматриваемая в ретроспективе политика тех или иных израильских руководителей? Каких войн Израиль, действительно, избежать не мог, потому что подвергался нападениям арабских армий, а какие войны были инициированы его собственным военно-политическим истеблишментом? Какова реально существующая система отношений между Израилем и США, и как она трансформировалась на протяжении шести десятилетий существования еврейского государства? Какую пользу и какой вред нанесла политика «отрицания диаспоры», выражавшаяся, в частности, в ультимативном требовании поголовного и повсеместного перехода новопривывавших иммигрантов на иврит – и, с другой стороны, мог ли быть как-то иначе реализован один из самых удивительных проектов в истории мировой социолингвистики – проект возрождения языка иврит? Все эти (и многие другие) вопросы затрагивают самую суть существования Государства Израиль, именно отвечая на них, думающий человек и формирует свое отношение к еврейскому государству. При этом книг и статей, в которых бы эти вопросы рассматривались без гнева и пристрастия, на достойном интеллектуальном уровне на русском языке существует крайне мало. Очень хотелось бы верить, что эта лакуна будет постепенно заполняться.

Нельзя, однако, не отметить целый ряд специфических проблем, осложняющих развитие русскоязычного израилеведения.

Во-первых, почти все авторы, профессионально занимающиеся Израилем на постсоветском пространстве, живут в Москве и сотрудничают (как правило, одновременно) в трех московских научных учреждениях: Институте востоковедения, Институте Ближнего Востока и МГИМО. Практически каждый из специалистов является единственным экспертом по своей области в России: А.В.Федорченко – по израильской экономике, Т.А.Карасова – по израильской партийно-политической системе, С.М.Гасратян – по роли религии в израильской общественной жизни, Г.Г.Косач и Н.А.Семенченко – по израильским лево-радикальным движениям, Т.В.Носенко и Г.А.Меламедов – по проблеме Иерусалима, И.В.Масюкова – по русскоязычной общине страны, Е.Ю.Усова – по израильской внешней политике, А.Е.Локшин – по истории российско-израильских отношений, В.П.Воробьев – по израильскому конституционному праву. Г.И.Мирский, И.Д.Звягельская и Е.Я.Сатановский являются признанными экспертами по широкому кругу ближневосточных вопросов и, в частности, арабо-израильскому конфликту. *За пределами Москвы Израилем на сколько-нибудь приемлемом уровне занимаются в буквальном смысле слова единицы.* Е.Е.Эпштейн – в Санкт-Петербурге, С.В.Вольфсон и В.П.Румянцев – в Томске,

А.А.Корнилов и И.В.Рыжов – в Нижнем Новгороде, М.Г.Агапов – в Тюмени, Д.Т.Шевелев – в Минске, Ю.Корогодский – в Киеве (и тот последнее время фактически сменил сферу профессиональных интересов, переключившись на современную украинскую политику), причем у них крайне мало публикаций не только в международной, но даже и в центральной российской научной периодике. В результате, русскоязычным ученым – специалистам по Израилю практически не с кем вести интеллектуальную полемику: каждый из вышеназванных авторов де-факто является «монополистом» в сфере своей специализации. По тем или иным причинам, которые стоило бы постараться изучить поглубже, число владеющих русским языком аспирантов и дипломников, занимающихся Израилем, крайне невелико как в странах СНГ, так и в самом Израиле, при этом уровень знаний почти всех из них очень далек от того, который бы позволил им полноценное участие в научном дискурсе. То, что в разных местах пишутся и защищаются дипломы и диссертации об Израиле, еще не значит, что все они стоят той бумаги, на которой они написаны, и непохоже, чтобы эта ситуация изменилась в обозримом будущем. За последние годы в Москве, Нижнем Новгороде и других городах были защищены несколько десятков диссертаций и дипломов о тех или иных аспектах израильской политики, общественной жизни и культуры, однако крайне небольшое число этих работ представляет собой действительно оригинальные авторские исследования, а не переписывание своими (и даже не всегда своими) словами уже появившихся публикаций. Численность молодых научных сотрудников-израилеведов, пришедших в научные учреждения и публикующихся в признанной научной периодике, остается крайне малочисленной.

Во-вторых, *проблема состоит в том, что практически никто из перечисленных выше авторов не пишет по-английски, из-за чего их работы недоступны иностранным коллегам.* На русский язык переведено более сотни книг по истории сионизма и Государства Израиль, опубликованных в оригинале на иврите, по-английски и (в редких случаях) по-французски, но ни одна из книг об Израиле, написанная по-русски, не была издана ни на каком другом языке¹. Это касается как важных книг, написанных российскими специалистами², так и трудов эмиг-

¹ Насколько известно, единственным исключением является труд *В.П.Воробьева* Конституционно-правовая система Государства Израиль (Москва: «Национальное обозрение», 2002), переведенный на иврит.

² Среди них можно назвать: *Т.В.Носенко*, Иерусалим. Три религии – три мира (Москва: «Олма-пресс», 2003); *С.М.Гасратян*, История и идеология еврейского религиозного движения XIX–XX веков. Из предьстории Государства Израиль (Москва: Институт востоковедения РАН, 1999); *С.М.Гасратян*, Религиозные партии Государства Израиль (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996); *Т.А.Карасова*, Блок МААРАХ в партийно-политической системе Израиля (Москва: «Наука», 1988); *А.В.Федорченко*, Экономика переселенческого общества (израильская модель) (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1998); *Е.Я.Сатановский*, Экономика Израиля в 90-е годы (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999); *К.З.Хамзин [А.Р.Аганин]*, Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1998); *А.А.Крюков*, Очерки по истории израильской литературы (С.-Петербург, 1998); *А.А.Крюков*, Ивритская литература в XX веке (Москва, 2005); А.В. Крылов, *Соотечественники в Израиле* (Москва: МГИМО – Центр ближневосточных исследований, 2006) и др.

рировавших в Израиль ученых, пишущих на русском языке¹. Единственная книга об Израиле из всех, опубликованных на русском языке, которая издана и на английском, – «Русская улица в еврейской стране. Исследование фольклора эмигрантов 1990-х в Израиле» Марии Еленевской и Ларисы Фиалковой [7]. Сборники статей, над которыми совместно работали российские и израильские ученые², также были опубликованы только по-русски. Таким образом, диалог идет исключительно в одну сторону: читающие по-русски имеют возможность, даже и не зная в достаточной мере иностранных языков, изучать в переводах работы многих израильских и американских ученых, дипломатов и журналистов, однако не владеющие русским языком израильтяне и американцы лишены возможности следить за работами специалистов по Израилу, пишущих на русском языке.

В-третьих, *ни в Израиле, ни в России не существует какой-либо реально функционирующей консультативной редакционной коллегии, которая бы отбирала книги, которые наиболее целесообразно было бы перевести*. Каждая организация, как правило, переводит и издает то, что соответствует ее собственным институциональным интересам. В результате, хотя книг об Израиле на русский язык было переведено весьма и весьма немало, целый ряд важнейших трудов остается непереуведенным³.

¹ Упомянем основные монографии по обсуждаемым дисциплинам, изданные живущими в Израиле русскоязычными учеными: *М.Штереншис*, История Государства Израиль (Герцлия: «Исрадон», 2003; 2-е изд. – 2005); *М.Штереншис*, История города Иерусалима (Герцлия: «Исрадон», 2006); *Ф.Кандель*, Земля под ногами. Из истории заселения и освоения Эрец-Исраэль с начала девятнадцатого века до конца Первой мировой войны (Киев/Иерусалим: «Мосты культуры», 2003); *Э.Фельдман*, «Русский» Израиль: между двух полюсов (Москва: «Market DS», 2003); *В.Э.Ханин*, «Русские» и власть в современном Израиле (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004); *Б.И.Дубсон*, Богатство и бедность в Израиле. Израильское общество в XXI веке (Москва: УРСС, 2004); *Б.И.Дубсон*, Израильская бизнес-элита: большие деньги в маленькой стране (Москва: «Вершина», 2006); *З.Зарецкая*, Феномен израильского театра. Взгляд в историю и современность (Иерусалим, 1997); *А.Д.Эпштейн*, Войны и дипломатия. Арабо-израильский конфликт в XX веке (Киев: «Дух і літера», 2003); *А.Д.Эпштейн*, Израиль и проблема палестинских беженцев (Москва: Институт Ближнего Востока, 2005); *А.Д.Эпштейн*, Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика (Москва: Институт Ближнего Востока, 2006); *А.Д.Эпштейн*, Уйти нельзя остаться. Израиль и (не)контролируемые территории (Москва: Институт Ближнего Востока – «Мосты культуры», 2008) и т.д.

² Среди таких книг: *Миграционные процессы и их влияние на израильское общество*, под ред. А.Д.Эпштейна и А.В.Федорченко (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000); *Общество и политика современного Израйля*, под ред. А.Д.Эпштейна и А.В.Федорченко (Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2002); *Государство Израиль: политика, экономика, общество*, под ред. Т.А.Карасовой (Москва: Институт Ближнего Востока – Институт востоковедения, 2007); *Г.А.Меламедов и А.Д.Эпштейн*, Дипломатическая битва за Иерусалим (Москва: Институт Ближнего Востока – «Мосты культуры», 2008).

³ Ограничусь перечислением некоторых наиболее важных работ, отсутствие которых на русскоязычном интеллектуальном рынке особенно ощутимо. По истории сионизма стоило бы издать по-русски книгу *G.Shimoni*, *The Zionist Ideology* (Hannover: Brandeis University Press, 1995), по истории подмандатной Палестины и Государства Израиль – *T.Segev*, *One Palestine, Complete: Jews and Arabs Under the British Mandate* (New-York: Metropolitan Books, 1999); *T.Segev*, *The Seventh Million: The Israelis and the Holocaust* (New York: Hill and Wang, 1993) и другие труды этого автора (ни одна из его работ не переведена на русский), по социологии израильского общества – *D.Horowitz and M.Lissak*, *Trouble in Utopia. The Overburdened Polity of Israel* (Albany: State University of New York Press, 1989); *Б.Киммерлинг*, Иммигранты, переселенцы, местные уроженцы. Государство и общество в Израиле между культурным плюрализмом и межкультурными войнами (Тель-Авив: издательство «Ам овед», 2004 [на иврите]), по истории арабо-израильского конфликта – *B.Morris*, *Righteous Victims. A History of the Zionist-Arab Conflict* (New-York: Alfred A. Knopf, 1999); *I.Rabinovich*, *The Road Not Taken: Early Arab-Israeli Negotiations* (Oxford University Press, 1991); *Y.Gelber*, *Palestine 1948. War, Escape and the Emergence of the Palestinian Refugee Problem* (Brighton: Sussex Academic Press, 2001, а еще лучше – переработанное издание этой книги, вышедшей на языке иврит в тель-авивском издательстве «Двир» в 2005 году), по истории израильской армии – *M.van Creveld*, *The Sword and the Olive: A Critical History of the Israeli Defense Force* (New-York: Public Affairs, 1998) и *Y.Peri*, *Generals in the Cabinet Room. How the Military Shapes Israeli Policy* (Washington: United States Institute of Peace, 2006). Эти труды относятся к числу самых важных книг об Израиле, их читают на всех ведущих кафедрах по изучению Израйля в мире, и их, конечно, следовало бы читать и студентам университетов стран СНГ, изучающим историю и политику Израйля и Ближнего Востока в целом.

В-четвертых, *тексты даже уже изданных книг об Израиле в большинстве своем не размещены в сети Интернет, из-за чего они недоступны массовой аудитории потенциальных читателей.* Ни масштабные курсы Открытого университета «Становление израильской демократии», «Общество, экономика и культура Израиля. Первое десятилетие» и «Власть и политика в Государстве Израиль» (а в сумме это восемнадцать книг)¹, ни вышеупомянутый фундаментальный том «Государство Израиль» И.Д.Звягельской, Т.А.Карасовой и А.В.Федорченко, ни монографии Т.В.Носенко и М.Штереншиса по истории Иерусалима, ни книги Б.И.Дубсона по экономике Израиля – а я называю только самые важные, поистине этапные работы – не размещены в Интернете, что очень сокращает круг их читателей и их влияние на формирование интеллектуального рынка по израилеведению на русском языке. Единственное издательство, помещающее (хотя и с задержкой в год-полтора) в Интернете полные тексты своих книг, – это издательство Института Ближнего Востока. На сегодняшний день книга, пусть и изданная, но не размещенная в сети, имеет очень небольшое распространение, однако, к сожалению, никто и нигде не поставил себе целью создание масштабного «виртуального павильона русскоязычного израилеведения», который бы стал тем порталом, где искали бы информацию об Израиле заинтересованные пользователи. Сайты «Электронной еврейской энциклопедии» и Открытого университета Израиля, вероятно, являются на сегодняшний день наиболее полными и авторитетными источниками научной информации по данной теме, однако они очень далеки от того, что необходимо создать, чтобы русскоязычное израилеведение было представлено в Интернете адекватно уровню его нынешнего развития.

Нет слов: состояние дел в сферах иудаики и израилеведения в России сегодня несравнимо с положением десять и тем более двадцать-тридцать лет тому назад. За двадцать последних лет русскоязычная иудаика и израилеведение развивались беспрецедентными темпами. На сегодняшний день они практически ничем не уступают уровню развития данных дисциплин во Франции, Германии и других наиболее «продвинутых» странах неанглоязычного мира. В середине 1980-х об этом можно было только мечтать. Однако вызовы, стоящие в настоящее время перед транснациональной диаспорой ученых и преподавателей иудаики, никак не назовешь простыми, и путь, который еще предстоит пройти,

¹ Среди этих курсов: Становление израильской демократии (Тель-Авив, 2001), Общество, экономика и культура Израиля. Первое десятилетие (Тель-Авив, 2002–2003), Власть и политика в Государстве Израиль (Тель-Авив, 1997–1998) и Национальная безопасность и демократия в Израиле (Раанана, 2007–2009). В их создании принимали участие ведущие израильские социологи и политологи, среди которых профессора Б. Нойбергер, Т. Герман, Д. Каспи, Й. Вайц, З. Шалом, Ц. Цамерет и другие.

едва ли не длиннее чем тот, что уже пройден.

Мне кажется, что опыт, накопленный работающими на постсоветском пространстве специалистами по еврейской и израильской истории, должен быть изучен и другими «национально ориентированными» учеными-гуманитариями, работающими в трансконтинентальных диаспорах. Этот опыт показывает, насколько сложным является создание комплексной среды национальной науки, в которой бы на должном уровне развивались бы и исследования, и преподавание, и издательская деятельность. Однако без изучения истории каждого из народов земли понять комплекс общемировых процессов – задача заведомо невозможная. Будущее гуманитарных наук, как мне представляется, состоит не в повальном увлечении глобалистикой, а как раз напротив – в углубленном сопоставлении опыта и исторического пути каждого из населяющих нашу планету народов.

Октябрь, 2009г.

Источники и литература

1. *Эпштейн Алек*, Ученые-гуманитарии в русско-еврейской транснациональной диаспоре // «Русское» лицо Израйля – черты социального портрета, под ред. М. Кенигштейна. Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2007, с. 442–465.
2. *Сатановский Е.Я.*, Состояние дел к юбилею // *Диаспоры*, №3 (2006), с. 84.
3. *Примаков Е.М.*, История одного сговора: Ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х гг. Москва: Политиздат, 1985.
4. *Примаков Е.М.*, Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. Москва: «Российская газета», 2006.
5. *Шамир И.*, Картер как новый Радищев // Сайт Санкт-Петербургского центра изучения современного Ближнего Востока, 26 января 2007г.
6. *Шамир И.*, В кресле у дантиста // *Политический журнал*, №5–6 (148–149), 19 февраля 2007г.
7. *Fialkova L. and Yelenevskaya M.N.*, Ex-Soviets in Israel. From Personal Narratives to a Group Portrait. Detroit: Wayne State University Press, 2007.

PROBLEMS OF THE STUDY OF THE NATION AND FORMATION OF THE NATIONAL SCIENCE IN DIASPORA

Alek D. Epstein

Resume

Today, in the age of globalization, the status of the nation oriented science becomes even more problematic. Many think that there can be no such science or find it not sensible enough. But we think that the experience of the specialists who work in post-Soviet space on Jewish and Israeli history should be also studied by other “nationally oriented” scholars who work in transcontinental Diasporas. This experience shows how difficult it is to create complex environment for the national science where researches, teaching and editorial activity would be developed on the precise level. But it is impossible to understand the complex of the global processes without studying the history of every nation. The future of the humanities is not in the craze for the globalistics but just the opposite, it is in the deep comparison of the experience and the history of each of the nations populating our planet.

КОНФЛИКТ И ТЕРРОРИЗМ КАК МАСС-МЕДИЙНЫЕ СОБЫТИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Артур Атанесян

Проблемы конфликтов, войн и терроризма представлены в данной статье не в качестве объективно существующих, самостоятельных явлений, а как конструируемые СМИ коммуникативные события – результаты применения современных масс-медийных технологий, рассчитанных на создание в обществе определенных настроений, восприятий и действий. Манипулирование определенными темами, образами, имиджами, создание параллельной масс-медийной реальности, зачастую отличной от объективных фактов, создает эффект виртуализации и раздвоения социально-психологического мира, в котором виртуальные образы войн, конфликтов и терроризма обретают особые свойства и функции.

Терроризм, а также конфликты, кризисы, войны и массовые явления с критическим исходом занимают первые страницы в текущей прессе, а также первые минуты эфирного времени в новостных передачах. Первостепенность подобных явлений в качестве новостных единиц и информационных сюжетов объяснена в современных критических теориях масс-медиа – теории «медиа-недомогания» (*Media Malaise*), или «гражданского недомогания» (*Civic Malaise*), теории культивации насилия, частично – в теории повестки дня [1, с. 15-39].

Так, в соответствии с *теорией постановки повестки дня* (*Agenda-Setting Theory*), «мы считаем важным то, что *медиа* считает важным» [2, р. 332]. Причем, очень важно отметить, что по теории постановки повестки дня СМИ определяют не столько содержание того, о чем будут думать граждане, сколько то, о каких проблемах они будут думать: «Пресса едва ли всегда будет достигать успеха, говоря людям, **что думать**, однако парадоксальным образом будет успешной, говоря своим читателям, **о чем думать**» [2, р. 333]. И если данный вывод справедлив в отношении прессы, то технически более оснащенные средства массовой коммуникации – телевидение и Интернет – пошли намного дальше и не только говорят людям, о чем думать, но и **что думать**, как относиться к тому или иному явлению, в каких терминах его определять, как воспринимать.

Принципиально важным в определении терроризма является то, что, как

пишут П.Норрис, М.Керн и М.Джаст, следует различать объективные характеристики терроризма, выявленные при отслеживании инцидентов, связанных с терроризмом, и субъективное восприятие терроризма [3, р. 5]. На уровне субъективных восприятий и оценок реальная картина, как правило, размывается, трансформируется в систему эмоциональных образов и характеристик, не всегда отражающих реальность.

Российский психолог Д.В.Ольшанский приводит следующие примеры расхождения массовых субъективных оценок с необходимостью объективного определения понятия *терроризм*: «Центр стратегического анализа и прогноза провел специальный опрос среди москвичей вскоре после террористических актов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Один из вопросов был как будто достаточно прост: что же означает слово «терроризм»? Как выяснилось, это только кажущаяся простота. Из более тысячи опрошенных москвичей, 47% ответили, что это – террористические акты, то есть определили одно слово через два, связанных с ним, что никак не проясняет ситуацию. 38% дали чисто оценочные ответы: это «преступление», «варварство», «насилие» и т.д. 12% затруднились с ответом или же не захотели говорить на данную тему. 2% – нашлись и такие, – честно сказали: «не знаю». И только 1% опрошенных попытался определить террор как чьи-то действия, направленные на достижение какой-то цели. Хотя и подобные объяснения, в большинстве своем, также были достаточно путаными.

По данным похожего опроса фонда «Общественное мнение», достаточно запутано и понимание людьми того, кто же такие «международные террористы». Это «бандиты, враги человечества, нелюди» – 26%. «Преступники мирового масштаба» – 16%. «Фанатики» – 6%. «Группировки, банда, мафия» – 5%. «Наемные убийцы» – 5%, «стремящиеся к мировому господству» – 4%. «Агрессивные приверженцы ислама» – 3%. «Психически нездоровые люди» – 2%. «Мстители» – 2%» [4, с. 11-12].

Интересно заметить, что в отличие от опросов по России, аналогичные опросы в других странах могли бы дать совершенно иную картину общественного мнения. Так, скажем, в арабских странах ассоциированность терроризма с исламом является наименее вероятным компонентом общественных оценок и восприятий, в отличие, скажем, от США, где терроризм, особенно после событий 11 сентября 2001г., в основном подавался в СМИ как исламский фактор. Указывая на это, Мустафа Аль Саид (*Mustafa Ai Sayyid*) пишет, что в современной западной интерпретации *терроризм* определяется и воспринимается как сугубо «мусульманский терроризм», как явление, «исходящее преимущественно из мусульманских стран». Терроризм – это те, кто «не-Мы», а «Мы – не террористы» [5, р. 64-71].

Аналогичное восприятие терроризма формировалось и российскими СМИ по поводу войны в Чечне, хотя, как известно, терроризм в России осуществляется и местными криминальными структурами, и националистическими группировками, в частности, в отношении иногородних и иностранцев. Ксенофобия является одним из пагубных для любого общества последствий терроризма. Как показывают исследования, «по данным правозащитников, **античеченские настроения, всплеск которых был зафиксирован после «Норд-Оста», постепенно сменяются неприязнью вообще к “нерусским”**» [6, с. 216].

Г.Купер указывает на то, что в большинстве дискуссий терроризм представлен односторонне и предвзято: то, что делаю Я, если даже это неприемлемо для других, все равно не терроризм. Если аналогичное делаешь Ты – это терроризм. Поэтому, по мнению Купера, *терроризм* должен определяться как таковой не на основании того, кто его совершает и кто о нем рассуждает, а того, что совершено. Тем не менее, Купер приходит к выводу, что непредвзятое определение понятия *терроризм* является маловероятным [7, р. 55-63].

Аналогичная позиция озвучена В.А.Медведевым, который считает, что антитеррористическая деятельность, нацеленная на ликвидацию террористов и предотвращение осуществляемого ими террора, по своим методам – тоже террор: «террористическим актом в равной мере является и взрыв испанского поезда, и стрельба по иракской толпе солдата войск коалиции; и то, и другое подразумевает устрашение людей и контроль над ними, принудительным образом поставленным лицом к лицу с фактором внезапной смерти. В этом плане, кстати говоря, *террор и контртеррор неотличимы...* Боец спецподразделения с радиоуправляемой миной или ракетой космического наведения, устрашающий неугодного его командованию политического или религиозного лидера, по мотивам и последствиям своего поступка абсолютно неотличим от смертника с поясом «шахида», взрывающего вместе с собой несколько случайных прохожих. Целью и того, и другого является моральное устрашение потенциальных жертв, а сверхцелью – контроль над их поведением» [8, с. 105]. Можно сказать, что избежать оценочных суждений в определении понятия *терроризм* и в классификации террористических актов практически невозможно.

Таким образом, терроризм – это не только то, что объективно имеет место, но и то, что *мы говорим о терроризме. Делая терроризм предметом массового дискурса, мы тем самым превращаем его в коммуникативное явление, которое может оказывать самостоятельное воздействие на наше восприятие и поведение. Обсуждая терроризм, показывая его по ТВ, публикуя репортажи о его проявлениях в прессе и Интернете, мы тем самым частично продолжаем его, осуществляем целый ряд его функций, связанных с воздействием на страхи, запугиванием людей.*

Итак, субъективность в определении *терроризма* и ряда связанных с ним понятий является неизбежным уровнем, на котором происходит периодическая переоценка происходящего и на который воздействуют СМИ. СМИ перенаправляют общественные настроения, обеспечивают диалог между обществом и властью по поводу насущных проблем и решений. Могут ли СМИ обеспечивать объективность и непредвзятость в освещении террористических актов?

П.Норрис, М.Керн и М.Джаст указывают на двоякую опасность, возникающую при освещении журналистами проблемы терроризма и конкретных террористических актов. Прежде всего, это – трудность и даже невозможность соблюдения объективности и непредвзятости в освещении терактов. С одной стороны, демонстрируя репортажи о терактах и рассказывая о них, журналисты популяризируют терроризм как модель поведения, легитимизируют террор, а также, вероятно, поощряют теракты в будущем. С другой стороны, журналисты принимают сторону официальной политики по борьбе с терроризмом, и тогда их деятельность способствует оправданию любых, не всегда обоснованных и адекватных действий властей, обосновываемых необходимостью борьбы с терроризмом. В частности, как пишут авторы, в результате деятельности американских СМИ после терактов 11 сентября 2001 года американцы стали воспринимать угрозу международного терроризма намного острее, чем она является в действительности. Как следствие, обостренное восприятие угрозы терроризма в США привело к целому ряду институциональных и организационных реформ внутри страны (созданию Департамента безопасности страны, ужесточению режима безопасности в аэропортах, активизации деятельности секретных служб), а также обеспечению легитимации для целого ряда беспрецедентных внешнеполитических решений касательно Афганистана, Ирака, Ирана, Северной Кореи [3, р. 4].

Можно сказать, что обострение общественных настроений и восприятий терроризма как следствие деятельности масс-медиа позволяет политическим лидерам принимать крайние решения, невозможные в иных условиях. Возникает эффект «секьюритизации» определенных проблем и задач (придание этим проблемам статуса жизненно важных, экстренных, связанных с безопасностью государства и общества) [9, р. 23]. На принятие решений такого рода легче мобилизовать ресурсы и общественную поддержку. Возникает вероятность того, что под грифом «борьбы с терроризмом» возможно решение вопросов, с терроризмом не связанных, но представленных общественности как «проблема терроризма». Широкое обсуждение легитимности военных действий США и союзников в Ираке и Афганистане, представленных общественности как борьба с международным терроризмом, вызвано именно недостаточной обоснованностью взаимосвязи ме-

жду терроризмом, его угрозой из Ирака и Афганистана (а затем и Ирана), а также сомнительностью решенности поставленных таким образом задач.

Целый ряд исследований, особенно после террористических актов 11 сентября 2001 года в США, показывает, что кризисная ситуация является достаточным основанием для властей, чтобы временно (в неопределенной временной перспективе) взять под свой полный контроль деятельность Масс-медиа в стране. В условиях конфликта и кризиса власть пытается контролировать деятельность СМИ касательно освещения развития конфликта, его причин, кризисных вопросов, терроризма и его определенного восприятия в обществе. Поэтому так называемая *теория либерализма СМИ*, согласно которой СМИ в своей деятельности реагируют на потребности общества и полностью детерминируют свою работу под влиянием «снизу», в условиях конфликта и кризиса не работает. Так, по замечанию британского автора Сары Оатс, после терактов 11 сентября 2001 года в США СМИ в основном освещали решения президента Буша и Конгресса, реакцию президента и официальных лиц США на теракты, их выступления и аргументы в пользу вторжения в Афганистан и Ирак в качестве ответа на действия террористов. В России, по словам С.Оатс, освещение войны в Чечне и терактов также полностью соответствовало «линии Кремля». Поэтому Россия считалась наиболее опасной страной для работы иностранных журналистов, деятельность которых не соответствовала официальной информационной политике страны» [10, р. 6-7].

Терроризм как коммуникативное явление нередко используется политическими лидерами во время избирательных кампаний. Использование угрозы терроризма как основания для нестандартных решений позволяет политикам выступать перед избирателями с новыми предложениями, с аргументами необходимости силовых решений, что демонстрирует политика как сильного, волевого лидера, способного на большее, чем его предшественники. Так, взлет президентской карьеры В.В.Путина пришелся на так называемую «Вторую чеченскую войну», сопряженную со страшными терактами в различных регионах России, такими, как взрыв Дома правительства в Грозном (27 декабря 2002г.), теракты двух чеченских террористок-смертниц во время рок-фестиваля в Тушино (5 июня 2003г.), взрывы на станциях московского метро (6 февраля 2004г.), теракт в Грозном, в результате которого погиб президент Чечни Ахмат Кадыров (9 мая 2004г.), и др. Путин показал себя сильным и волевым политиком, причем его риторические приемы были сопряжены с такими лозунгами, как «Буду мочить террористов в сортире», и т.п.

Как отмечает С.Оатс, проведенные ею социологические исследования в России показывают, что россияне в условиях угрозы чеченского терроризма

были готовы поддержать именно такого лидера, способного на жесткие решения, причем, применялись аналогии со Сталиным. Сравнивая антитеррористическую риторику политических лидеров России, Британии, США, С.Оатс замечает, что эта риторика существенно активизируется именно во время предвыборных кампаний в этих странах. Так, во время президентской кампании в США в 2004г. около 43% всех новостных телепередач были посвящены предвыборной агитации, и около 22,4% из них – терроризму. Кандидаты Джон Керри и Джордж Буш одинаково активно использовали необходимость борьбы с терроризмом как аргумент в пользу своего избрания. Керри говорил: «Позвольте мне быть абсолютно точным: будучи американцами, мы абсолютно едины в нашем намерении разыскать и уничтожить бин Ладена и террористов. Они – варвары. Мы будем охотиться за террористами, хватать их, и уничтожать их, где бы они ни были, и как бы то ни было...». Причем, Дж. Буш нередко обвинял Керри в слабости его позиции по терроризму, в том, что тот якобы не предлагает ничего конкретного в «Войне с терроризмом», что служило усилению позиции Буша [10, р. 10].

Продолжая тему, необходимо рассмотреть то, насколько современные СМИ руководствуются той или иной стратегией в освещении конфликтов, войн, терроризма, смерти. Существуют ли конкретные методы подачи подобной информации и так называемые «фильтры», ограничивающие дисфункциональность и опасность демонстрации терроризма и конфликтности в СМИ? Каковы методы и технологии мобилизации массовых настроений и реакций, используемые СМИ в условиях конфликта, войны, терроризма? Причем, вопрос заключается не только в том, насколько журналисты владеют определенными принципами подачи кризисного материала, но и в том, существует ли вообще система принципов, которыми обязан руководствоваться журналист в подаче конфликтов, террористических актов, сцен смерти и убийств, массовых страданий и лишений.

Существует двоякое мнение относительно того, насколько журналисты используют профессионально отработанные методики подачи нестандартного материала, связанного с освещением конфликтов, войн и терроризма. Одни считают, что выбор того или иного способа подачи материала является скорее субъективным, нежели объективным и закономерным процессом, вплоть до отсутствия стратегии освещения конфликтов и терроризма вообще. Другие доказывают, что СМИ руководствуются определенными принципами и методами подачи материала о конфликте, войне, террористическом акте.

Ряд исследований деятельности СМИ в ситуации конфликта, кризиса, террористических актов показывает, что журналисты не руководствуются еди-

ными общепринятыми принципами подачи материала, далеко не всегда придерживаются правил профессионализма и этических принципов, причем делают это в интересах рейтинга собственных СМИ и привлечения более широкой аудитории именно к своему репортажу, а также по причине профессиональной неграмотности. Так, говоря об использовании журналистами визуальных средств (картинки)¹ в подаче конфликтов, кризисов, террористических актов, профессор коммуникаций Пенсильванского университета Б.Зелайзер пишет: «Журналисты, работающие во всех жанрах, и не только в военной журналистике, не представляют себе, что делать с картинками. Прежде картинки мыслились в качестве «пыли», второстепенной и лишь сопровождающей текст. Даже сегодня, в эру самостоятельного использования фотографий, телевидения, кабельных технологий и интерактивных дисплеев Интернета, не существует стандартов в использовании картинок в новостных репортажах: в журналистском сообществе остается в основном неясным, как расположить картинку, как ее назвать, как прокомментировать и как сопроводить ею текст. Это значит, что когда перед журналистами предстает сложный объект новостного освещения, не бывает ясного восприятия того, что может сработать лучше, что может быть более адекватным» [11, р. 27].

Тем не менее, анализ процессов освещения конфликтов, войн и терроризма в современных СМИ свидетельствует о наличии определенных тактик и принципов, применяемых журналистами с той или иной степенью эффективности, которая в конечном итоге зависит от особенностей аудитории. Так, любая информация в СМИ касательно военных действий, «справедливости» войны, оправданности/неоправданности участия той или иной стороны в конфликте, определения степени угрозы терроризма и тяжести преступления, варьируется в системе дихотомичных объектов, непременно освещаемых в связи с этими явлениями. Как правило, основными дихотомичными объектами освещения в Масс-медиа, а также общественного дискурса в условиях конфликта, являются:

1. Свои участники – чужие участники.
2. Друзья – враги.
3. Наши цели – их цели.
4. Наши средства – их средства.
5. Наши аргументы – их аргументы.
6. Наши жертвы – их жертвы.
7. Гражданские – военные.
8. Классовая, расовая, гендерная, возрастная принадлежность преступников и их жертв.
9. Наши герои – их преступники.

¹ Под «картинкой» понимается любое визуальное нетекстовое изображение, используемое параллельно с текстом или вместо текста в прессе, на ТВ и в Интернете. – А.А.

Говоря о наличии определенных стратегий в освещении конфликтов, войн, терроризма, А.Е.Ясперсон и М.О.Эль-Кикхия указывают на так называемое «медиа-моделирование» как на один из уровней «определения повестки дня»: «Освещение событий в масс-медиа характеризуется как активное конструирование, отбор, структурирование информации с целью создания определенной реальности, понятной и значимой для аудитории. Моделирование имеет место, когда медиа замалчивает некоторые аспекты события с целью создания “конкретного определения проблемы, ее интерпретации, моральной оценки, и/или рекомендаций по вмешательству”» [12, р. 114].

Авторы рассматривают процесс медиа-моделирования конфликтов на следующих уровнях:

1. **Медиа-моделирование деятельности и выступлений политических элит** (тех, кто занят созданием и решением проблем). Как правило, здесь действует система «зеркальных образов»: «свои» героизируются, когда как «чужие» представляются в качестве основных зачинщиков конфликта, террористов, агрессоров. Интересно заметить, что по наблюдениям А.Е.Ясперсона и М.О.Эль-Кикхия, в США, как правило, кризисные ситуации сплачивают, а не разобщают нацию, объединяют общество вокруг президента, что является не только следствием деятельности СМИ, но и отражением гражданской психологии: «Там, где национальные лидеры едины в восприятии внешней угрозы стране, следует ожидать, что новостное освещение в СМИ будет агрегировать и укреплять поддержку администрации и ее политики безопасности, обеспечивая позитивное моделирование образа правительства. Как правило, в условиях международного кризиса американская общественность поддерживает своих политических лидеров и военные акции, осуществляемые в этом контексте. Как замечает Мюллер, для американского общества характерна демонстрация «Поднятия флага» и объединения вокруг президента. Это означает также общественное одобрение политики. По мнению Броди, во время международного кризиса Белый дом контролирует информацию, тогда как представители оппозиционной партии на публике сдерживают свое несогласие с президентом, создавая видимость консенсуса элит» [12, р. 116-117].
2. **Медиа-моделирование деятельности военных (силовиков)**. В условиях любого конфликта и кризиса СМИ демонстрируют действия военных (силовых ведомств), будь то прямое вооруженное столкновение, или взаимная демонстрация силы, или же действия террористов и контрдействия силовиков. Естественно, что СМИ пытаются смоделировать поступление информации и освещение события таким образом, чтобы уменьшить демонст-

рацию потерь «своих», представить жертвы со своей стороны как «неизбежность», которых в случае менее профессиональных действий силовиков могло быть намного больше. Враг, как правило, демонстрируется в качестве очень умелого и опасного, оснащенного современным оружием и использующего природные условия ландшафта, горную и лесистую местность, клановую систему и круговую поруку у населения с целью осуществления своих преступлений и во избежание поимки (вспомним репортажи о боевых действиях советских войск в Афганистане и российских войск в Чечне). На этом фоне потери «своих» воспринимаются как подвиг, а любая, даже самая незначительная победа – как героизм. То же самое характерно для медиа-стратегии террористов, которые демонстрируют себя в качестве «героев», противостоящих целой армии, народу, стране, человечеству.

3. **Медиа-моделирование состояния населения (гуманитарных вопросов).** В связи с конфликтом, войной, терроризмом СМИ формируют общественное мнение, демонстрируя «другую сторону войны» – бедственное положение населения, голод, потоки беженцев, эпидемии, страдания жертв террористических актов, смерть. Хотя подобные аргументы могут быть использованы каждой из сторон конфликта, тем не менее, гуманитарные вопросы в любом конфликте являются обоюдными и прежде всего должны являться призывом к человеколюбию.

Кроме того, возникают вопросы, касающиеся чисто технической стороны освещения кризисных ситуаций, в том числе в связи с военными действиями и террористическими актами. Одним из таких вопросов является то, показывать ли неидентифицированные останки жертвы военных действий (терактов) или ждать их идентификации?

Проблема заключается в том, что неидентифицированные останки могут быть приписаны как «своим», так и «чужим»; кроме того, они могут быть использованы как «за», так и «против» той или иной позиции в условиях кризиса. Если неопознанные останки интерпретируются как «свои», то это может иметь двойной эффект – восприятие обществом себя как жертвы или же восприятие необходимости отщипления за свою жертву. Если же неопознанные останки как следствие конфликта (теракта) интерпретируются в СМИ в качестве «чужих», принадлежащих «врагу» (террористу), то и в этом случае возможен двойной эффект. Наиболее предсказуемой реакцией аудитории на показ убитого врага (террориста) может быть торжество справедливости и чувство отщипленности, а также вера в силу властей пресекать преступления, вера в собственную справедливость.

Однако, с другой стороны, не всем хочется видеть останки, чтобы убедиться в том, что террорист является преступником и с ним необходимо бороться. Демонстрация в СМИ террориста далеко не всегда нужна аудитории.

Согласно исследованию российского информационного агентства «Росбалт», «восприятие событий аудиторией во многом зависит от способов подачи соответствующего материала в средствах массовой информации. Так, после событий на Дубровке¹ печатные СМИ еще долго «смаковали» образ убитой террористки, неоднократно показанный по телевидению: «Откинув голову на спинку красного сиденья, сидит молодая шахидка. Лицо, которое она так тщательно скрывала, открыто. Из рта вытекла и засохла тонкая струйка крови» (Комсомольская правда», 28.10.2002). Публикация сопровождается большой цветной фотографией, подпись к которой гласит: «Эта террористка-шахидка так и осталась сидеть на втором этаже, в четвертом ряду». Отметим, что данный снимок был воспроизведен и в последующих двух выпусках «Комсомольской правды». Понятно, что тиражирование изображения мертвого врага было призвано служить знаком устрашения и расплаты. Вместе с тем подобная «наглядная иллюстрация» есть ярлык, клеймо, которое упрощает восприятие события, делает его более понятным, не позволяя усомниться в образах и аргументах» [6, с. 206].

Между тем, интересные данные приводит Б.Зелайзер, согласно которым в 2001г., после терактов 11 сентября в США, читатели забрасывали гневными письмами редакции газет «Бостон Глоб», «Ньюсвик» и «Тайм», протестуя против публикации в них фотографий Усамы бин Ладена: «Мы не собираемся смотреть на лицо Дьявола – огромное и выпуклое на обложке вашего журнала!» [11, р. 30].

Анализируя эффективность картинок (имиджей) в освещении конфликтов, войн, терактов, Б.Зелайзер отвечает на ряд подобных вопросов. Так, по мнению Б.Зелайзера, использование картинок в репортажах о военных действиях и терактах имеет следующие функции:

1. Показ картинок создает эффект реального присутствия на месте событий.
2. Использование визуальных образов привлекает общественное внимание, поляризует аудиторию.
3. Визуальные образы более эффективны в демонстрации собственной правоты и обосновании принимаемых решений.
4. Увидеть – значит поверить [11, р. 29-30].

Картинки с места событий воспринимаются читателями/зрителями иначе, нежели текст, подготовленный журналистами и пропущенный через цензуру. Визуальные образы воспринимаются более объективно – как окно в мир, как зеркало события, как кусочек реальности.

¹ 23 октября 2002г. группа Мовсара Бараева, в которую входили шахидки, захватила в заложники более 900 зрителей в Театральном центре на Дубровке.

В применении визуальных образов в освещении военных действий и терактов в СМИ также можно выделить ряд закономерностей. Так, Б.Зелайзер указывает на то, что СМИ воюющей страны предпочитают не показывать фото убитых своими ракетами мирных жителей «врага», однако всячески используют фоторепортажи для обоснования собственных действий. Кроме того, в репортажах обычно героизируют «своих» и «демонизируют» других. И, как пишет Б.Зелайзер, в повествованиях о войне, конфликте, террористическом акте обычно не показывают военных ошибок своего правительства или правительства страны-союзника; как правило, не показывают также страданий и смерти представителей противника, т.к. это может послужить подтверждением агрессивности «своих».

Как правило, в СМИ военные действия, террористические акты, смерть демонстрируются косвенно, дабы избежать шоковых реакций в обществе и вместе с тем довести до сознания аудитории весь ужас кризисной ситуации, мобилизовать людей на определенные реакции. Так, совсем не обязательно и далеко не всегда возможно показывать прямой репортаж с места военных действий, однако рассказать об этом можно иначе. Показывая пыльную фронтную дорогу, по которой на место боевых действий едут грузовики с солдатами, мы сообщаем аудитории, что очень скоро все эти люди с автоматами вступят в бой с врагом и, возможно, многие из них не вернуться, другие вернуться с почестями.

Репортажи о войне, конфликте и кризисе нередко повествуют не о прямых участниках событий, а о невинных жертвах – беженцах, бездомных и голодающих. Картинка, изображающая опустошенный район, улицу, на обочине которой сидит бездомный ребенок в лохмотьях, с грустными глазами, грязными руками и ногами, – все это красноречиво говорит о том, что идет война, что у ребенка пропали или погибли родители, что многие люди остались без крова.

Журналисты любят использовать так называемые «сантименты» – эмоциональные душещипательные истории «одного героя», который, как правило, стал участником конфликта или теракта случайно, не по своей воле, однако смог справиться с ситуацией, проявил лучшие качества человеколюбия, патриотизма, героизма [11].

Можно вспомнить, как в СМИ повествовалось о пассажирах самолетов, ставших жертвами терактов 11 сентября 2001г. В СМИ говорилось о тех из них, кто попытался помешать захватившим самолет террористам, кто смог дозвониться по мобильному телефону до родных. Говорилось о героях-пожарниках, прибывших тушить горящие здания Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и погибших под завалами обрушившихся зданий. Подобными сценариями славятся также художественные фильмы в жанре исторической повести или боевика (экшн). Художественно-документальные и новостные сюжеты о терактах,

войне, конфликтной ситуации героизируют военных, моряков, полицейских/милиционеров, пожарников, «простых храбрых парней».

Интересно заметить, что наряду с героизацией мужчин – участников антитеррористических действий и демонстрацией мужчин-террористов (основными лидерами международных террористических организаций, судя по медиа-освещению, являются мужчины), в обеих ролях выступают и женщины, причем в освещении терроризма в СМИ женщины чаще показаны в роли террористок и жертв терроризма, нежели участниц антитеррористической деятельности. Лицо женщины-террористки стало одним из основных символов медиакоммуникации. Как пишут специалисты российского информационного агентства «Росбалт», «тема женского участия в террористической деятельности осмысливается СМИ преимущественно через сравнение женщин с мужчинами – своеобразной «нормой» в мире терроризма. При этом отличительными чертами участниц терактов предстают иррациональность, фанатизм и чрезмерная агрессивность... Большое внимание центральные издания уделяют мотивам женского терроризма. В связи с этим некоторые издания придают особое значение мести «черных вдов» как решающему мотиву. «Им нечего терять, и они готовы мстить даже ценой собственной жизни» – говорится в «Независимой газете» (N 135, 2003). Комментируя действия шахидок, «Комсомольская правда» разъясняет – «мстила за брата» или «мстила за мужа» (29.10.2002). Среди причин участия женщин в терактах называется также и шантаж: «Других превращают в камикадзе вербовщики, угрожающие в случае отказа расправой над родственниками» («Независимая газета», N 135, 2003). В прессе появляются и другие варианты объяснений. Так, в частности, готовность террористок к смерти нередко связывается с употреблением ими наркотиков. «Террористок унижали, насиловали, заставляли принимать психотропные вещества и наркотики. После таких ускоренных курсов «прокачки мозгов», смерть становится желанным исходом», – замечает «Российская газета» (08.07.2003). «Теракты совершают одурманенные женщины», – вторит ей «Комсомольская правда» (08.07.2003) и со ссылкой на следователей Генпрокуратуры РФ утверждает, «что шахидок пичкают наркотиками (опиатами), которые регулярно добавляются в пищу или сок». В итоге, в большинстве случаев пресса делает упор на принудительном характере включения женщин в террористическую деятельность, ставится под сомнение их способность принимать самостоятельные решения» [6, с. 206-207].

Возвращаясь к вопросу техник подачи в СМИ насилия, смерти, взрывов, терактов как своеобразных доказательств правдивости репортажа, а также важности и беспрецедентности события, следует отметить, что демонстрация подобных сцен, даже косвенным образом (как, например, в случае показа не самой

войны, а ее последствий – беженцев, бездомных и обездоленных людей, опустошенных домов и др.), не всегда имеет изначально предсказуемые последствия. Так, по мнению многих специалистов, демонстрация терактов на руку самим террористам, т.к. подобным образом именно благодаря СМИ осуществляется основная цель террористов – распространение массового страха, ужаса, чувства незащищенности.

Как пишет по этому поводу британский ученый Пол Вилкинсон, «для организаций в области масс-медиа освещение терроризма, особенно длительных инцидентов типа угона самолетов и ситуаций с заложниками, обеспечивает бесконечный источник для сенсационных и визуально-напряженных новостных историй. Как только применяется террористическое насилие, взаимосвязь между террористами и масс-медиа стремится к взаимному симбиозу. В социологии термином *симбиоз* обозначается состояние взаимной зависимости между различными группами внутри общины, когда эти группы не похожи и дополняют друг друга. Было бы глупо отрицать, что современные технологии масс-медиа, коммуникаций, спутниковой связи и быстрое распространение телевидения создали значительный эффект увеличения потенциала публичности терроризма. ...Сколько бы террористы ни осуществляли акты насилия, средства масс-медиа будут продолжать бороться друг с другом за их освещение в целях удовлетворения потребности аудитории в драматических историях, т.к. всегда существует огромное общественное любопытство относительно тех, кто осуществляет насилие, и их жертв» [13, р. 5-6].

Итак, в условиях кризисной ситуации деятельность СМИ пытаются контролировать не только власти, но и сами террористы достигают желаемого результата благодаря трансляции своей деятельности и своих лозунгов через те же СМИ. Как пишет П.Вилкинсон, «наиболее частой террористической техникой воздействия на СМИ и достижения широкой публичности является создание террористических событий и пропаганды насилия с целью поощрения СМИ к максимально широкому освещению деятельности террористов и их демонстрации в качестве такой огромной силы, которой бесполезно противостоять. ...Используя ТВ, радио и печатные средства массовой информации, террористы, как правило, преследуют четыре основные цели:

1. пропаганда содеянного и вызывание обостренного ужаса у целевых групп;
2. мобилизация более широкой поддержки целям своих действий у основного населения, а также формирование поддержки международного сообщества путем дискутирования таких тем, как справедливость их мотивов и неизбежность их победы;

3. внесение разобщенности и помех в ответные действия правительства и силовых структур, пропаганда того, что, например, подобные действия являются проявлением государственной тирании и непродуктивны;
4. мобилизация и стимулирование реальных и потенциальных соратников и, тем самым, увеличение числа добровольцев, привлечение дополнительных финансовых средств и вдохновение на очередные атаки» [13, р. 15-16].

Итак, объектами террористических атак являются не только непосредственные участники-жертвы террористических актов, но и те, кто становится жертвами деятельности СМИ по трансляции террора. Терроризм как коммуникативное явление более опасен, нежели как фактическое применение насилия в конкретных пространственно-временных рамках. Последствия терроризма на уровне психологического здоровья населения нередко более тяжелы и продолжительны.

В результате освещения в СМИ событий, связанных с конфликтами и террористическими актами, нередко возникает эффект взаимодополняемости деятельности террористов и журналистов; без освещения журналистами терактов и их трагических последствий террористы не смогли бы достичь желаемого эффекта массовости стресса и ужаса, а без террористов и их деятельности журналистские материалы и сводки новостей потеряли бы свою сенсационность, масштабность и, соответственно, упали бы в цене, и тогда журналистам пришлось бы придумывать некие виртуальные подобию террористических актов, воссоздавая конфликт и терроризм в качестве медиа-событий.

Апрель 2009г.

Источники и литература

1. *Атанесян А. В.* Актуальные проблемы современных политических и конфликтных коммуникаций. Е.: Изд-во Ереванского государственного университета, 2008.
2. *Griffin E.* A First Look at Communication Theory. N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1996.
3. *Norris P., Kern M., Just M.* Framing Terrorism: The News Media, the Government and the Public. NY and London: Rutledge, 2003.
4. *Ольшанский Д. В.* Психология террора. М.: Академический Проект, 2002.
5. *Al Sayyid M.* Mixed Message: The Arab and Muslim Response to «Terrorism //Martin, G. (ed.). The New Era of Terrorism, 2004.
6. Информационные аспекты террористических актов // Психология и психопатология терроризма (под ред. М.М. Решетникова). СПб: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2004, с. 203-218.

7. *Cooper H. A. Terrorism: The Problem of Definition Revisited // Martin, G. (ed.). The New Era of Terrorism. Selected Readings. Thousand Oaks, London and New Delhi: Sage Publications, 2004, p. 55-63.*
8. *Медведев В. А. Террор как основание коммуникативной культуры XXI века: от понимания к интерпретации // Психология и психопатология терроризма (под ред. М.М. Решетникова). СПб: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2004, с. 103-129.*
9. *Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers, Inc., 1998.*
10. *Oates S. Through a Lens Darkly? Russian Television and Terrorism Coverage in Comparative Perspective // Paper prepared for The Mass Media in Post-Soviet Russia International Conference. University of Surrey, UK, 2006.*
11. *Zelizer B. Death in Wartime: Photographs and the «Other War» in Afghanistan // Press/Politics, N 10(3), 2005, p. 26-55.*
12. *Jasperson A. E., El-Kikhia M. O. CNN and al Jazeera's Media Coverage of America's War in Afghanistan // Framing Terrorism: The News Media, the Government and the Public. NY and London: Rutledge, 2003, p. 113-132.*
13. *Wilkinson P. «The Media and Terrorism: A Reassessment» // Terrorism and Political Violence, Vol. 9, N. 2, 1997, p. 51-64.*

CONFLICT AND TERRORISM AS MASS-MEDIA EVENTS: THE CRITICAL ANALYSIS

Arthur Atanesyan

Resume

The article is devoted to some issues concerning mass-media effects and technologies being used to create virtual reality around such important brand phenomena as conflict, war, and terrorism. In the modern times of media-reality and informational society it is sometimes very difficult to determine whether the event is real or it is virtually constructed. Terrorism very often appears to be virtually constructed because its qualities are seen for the wide audience only on TV screens, and most of people perceive terrorism, conflict and war as the front-page events. The article represents the author's analysis of how and why all these images of terrorism and terrorists, conflict and war participants and victims are created, and what effects they can have as media-events.

Памятка автору

Журнал «21 Дар» публикует статьи аналитического характера, в которых преобладают темы, затрагивающие актуальные проблемы Республики Армения. *Заказанные* редакционным советом журнала статьи и материалы являются собственностью Фонда «Нораванк».

Принимаемые редакцией статьи рецензируются. Публикации журнала выражают точку зрения их авторов.

Требования к представляемым материалам

1. Статьи должны быть представлены в виде распечатки и в компьютерном наборе (*MS WORD*) шрифтом «*Sylfaen*» размером 11 и не превышать 15 страниц.
2. Со статьей обязательно представляется автобиография (*CV*) автора.
3. Страница статьи должна соответствовать формату А4 и иметь поля – по 2 см слева, справа, сверху и снизу. Межстрочный интервал – 1.5. Обязательно наличие аннотации (на языке статьи) и резюме (на языке, отличном от языка самой статьи).
4. Ссылки на использованную литературу приводятся в квадратных скобках, в сквозной нумерации по порядку их следования в статье, с указанием страниц(ы) после номера источника. Страница указывается на языке оригинала: «Էջ» (на армянском), с. (на русском), р. (на английском, французском и т.д.). Например: [1], [2, с. 11-12]. В конце статьи, в разделе «Источники и литература», приводится список использованных источников по порядку их следования в статье на языке оригинала, шрифтом 10-ого размера, например:
 1. *Մարգարյան Ա.*, Երկրի մրցակցային ռազմավարությունը սնտեսական անվտանգության համատեքստում, «21-րդ դար», # 1, էջ 5, 2003:
 2. *Шарипова Р.*, Панисламизм сегодня: идеология и практика Лиги Исламского Мира, с. 15, М., 1986.
 3. *Yasha Lange*, Media in the CIS, Center for Civil Society International, Amsterdam, 1997, from <http://www.internews.ras.ru/books/media>, Sept. 28, 1998.
5. Ссылки на интернет-источники желательно давать в сносках.
6. При языке источника, отличном от армянского, латинского алфавита и кириллицы, ссылки приводятся латинской транслитерацией. В скобках указывается перевод и язык, например: *Al-Arman fi Lubnan* (Հայերը Լիբանանում, արար.).

Редакция

«21-й ВЕК» информационно-аналитический журнал
Редакционный совет

Учредитель – научно-образовательный фонд «НОРАВАНК»
Свидетельство № 221 Государственного регистра
Министерства юстиции РА, выданное 17.05.2001г.
Адрес: РА, 0026, г. Ереван, ул. Гарегина Нжде, 23/1
Сайт: www.noravank.am
e-mail: 21dar@noravank.am, office@noravank.am
Телефон: + (374 10) 44 38 46
Факс: + (374 10) 44 04 73

Ответственная за номер – Лусине Баграмян

Подписано к печати 06.11.2009г.
Номер 4 (12), 2009г.
Тираж 300

Бумага офсетная, формат 70x100 1/16
Усл. п. л. 15. Шрифт: Sylfaen
Издательство ООО «Гаспринт»